

СМЕНА

№ 9 МАЙ 1979

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Расул ГАМЗАТОВ

К 50-ЛЕТИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ

«Став по своему размаху и глубине подлинно всенародным, соревнование постоянно рождает образцы творческого труда, служит хорошей службой развитию экономики страны».

Л. И. БРЕЖНЕВ

СЛОВО ОБ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

Александр БОРЗУНОВ,
директор Московского завода
автотракторного
электрооборудования № 1,
кандидат экономических наук

Вероятно, прежде всего следует привести несколько конкретных фактов о нашем заводе, его специфике, его истории. И о традициях социалистического соревнования в коллективе.

Московский завод автотракторного электрооборудования (АТЭ-1) специализирован на выпуске генераторов, стартеров, реле-регуляторов для отечественных легковых и грузовых автомобилей, некоторых типов тракторов и комбайнов. В коллективе трудится около 5,5 тысячи работников.

Предприятие является первенцем в производстве электрооборудования для советского автомобилестроения. В декабре 1979 года будем отмечать 50-летие завода.

50-летие завода — в год 50-летия массового социалистического соревнования в нашей стране... Совпадение глубоко знаменательное. Соревнованию на заводе всегда уделялось первостепенное внимание. В годы первой пятилетки, в годы индустриализации это было движение за создание отечественного электрооборудования. «Дадим 200 тысяч магнето!» Этот лозунг вписан в историю завода. Стахановское движение в 30-е годы, ударные фронтовые бригады в годы Великой Отечественной — таковы были дальнейшие вехи. В послевоенные годы на заводе родились инициативы: «Экономить в большом и малом», «Работать по часовому графику». В годы девятой пятилетки было организовано соревнование за снижение трудоемкости выпускаемой

продукции. На этой основе мы добивались высвобождения рабочих основных и вспомогательных цехов.

Ускоренный рост автомобилестроения в 70-е годы вызвал необходимость резкого увеличения выпуска автотракторного оборудования на имеющихся у нас производственных площадях. 1970—1978 годы были периодом комплексной реконструкции без остановки производства. Техническое перевооружение сочеталось с работой по совершенствованию организации труда и социалистического соревнования. В результате — увеличение объема производства и повышение производительности труда почти вдвое.

В статье «Исторический рубеж на пути к коммунизму» Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев писал: «Взять, например, Московский завод автотракторного электрооборудования № 1. Его трудовой коллектив при обсуждении плана десятой пятилетки выдвинул более 200 предложений и добился реализации большинства из них...»

Высокая оценка обязывает и воодушевляет коллектив. План трех лет пятилетки по объему производства мы выполнили 28 ноября 1978 года и выступили с инициативой выполнить задание десятой пятилетки по росту производительности труда к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Я хочу рассказать читателям «Смены» о том эксперименте, который в последние годы определяет заводскую жизнь.

Как это начиналось? В начале десятой пятилетки на заводе по инициативе комсомольско-молодежной бригады Александра Аношина родилось движение под девизом: «Четкий ритм, высокое качество — при минимальных трудовых и материальных затратах». Соревнование получило название смежновозного. В чем его смысл? Наш завод является предприятием массового производства, где на потоках изготавливают

детали, узлы электрооборудования для автомобилей, тракторов, комбайнов, причем выпускаем мы их «миллионными тиражами». И для нас очень важно, чтобы соревнование на протяжении всей технологической цепочки, от начала до конца, обеспечивало решение важнейшей задачи — гарантировало высокое качество каждого изделия. Нужно, чтобы ни одна из операций — от первой до последней, включая все промежуточные, — не оказалась вне самого пристального внимания. Таким образом, соревнование у нас смежное внутри предприятия и связанное единой технологической цепочкой.

Мы решили построить его не просто по «лозунговой» схеме — давайте, мол, соревнуйтесь, товарищи. Мы изучили опыт целого ряда передовых предприятий Советского Союза, в частности, опыт Московского электромеханического завода имени Владимира Ильича — там передовые бригады выступили инициаторами движения «Пятилетке качества — рабочую гарантию!».

У нас в коллективе около сорока процентов молодежи. И именно наша заводская молодежь — активная, постоянно ищущая, обладающая особо острым чутьем нового — поддержала почин ильичевцев.

Но соревнование за высокое качество — это, повторяю, не вопрос громких слов. Надо добиться того, чтобы все технологические процессы соответствовали современному уровню, чтобы строго соблюдалась технологическая дисциплина. И наши комсомольцы, молодежь, а потом и весь завод взяли на вооружение почин, который родился на заводе имени Лихачева: «Инженерную поддержку — рабочей инициативе!».

Нам хотелось ввести объективные и точные характеристики, чтобы оценить участие в соревновании каждого человека, — и мы обратились к методике, разработанной на московском заводе «Компрессор».

Соревнование между бригадами, между участками было организовано по

технологическому процессу, и каждая бригада, участок, мастерская заключили между собой договоры, основанные на научном расчете, исходящем из оптимальных условий производства, мощностей, возможностей предприятия.

Но комсомольцы пошли дальше. Ведь качество зачастую зависит не только от того, как мы сработали на заводе, но и от того, какой материал поставили нам. Есть ряд заводов-поставщиков, к которым в этом плане у нас были серьезные претензии. Мы решили связаться с поставщиками — в частности, с кабельными, с металлургическими заводами. Вызвали их на соревнование, заключили договоры. Сказали им: «Обеспечьте нам такую работу, чтобы высокое качество и четкий ритм мы могли гарантировать и на своем заводе».

Но вся эта сторона дела вроде бы «потребительская» — только нам дайте то и это. И комсомольцы поставили вопрос: а что мы дадим своим потребителям? Нужно ведь, чтобы и они чувствовали итоги нашего соревнования. Конструкторы, технологи обсудили этот вопрос с рабочими, и было принято такое решение... Вот, скажем, завод имени Лихачева является потребителем нашей продукции. Коллектив лихачевцев борется за то, чтобы их автомобиль 300 тысяч километров проходил без капитального ремонта. И мы решили по своему электрооборудованию достичь такого уровня. Это потребовало специальной инженерной проработки узлов стартера, генератора и т. д. Аналогичную работу мы провели с московским заводом имени Ленинского комсомола. Мы создали целый комплекс электрооборудования для автомобилей, отличающихся повышенными характеристиками.

Это соревнование по инициативе слесарей-сборщиков из комсомольско-молодежной бригады Саши Аношина родилось в начале десятой пятилетки. Охватило оно весь коллектив. Мы создали восемнадцать технологических цепочек на заводе.

СВОЕВРЕМЕННЫЙ
СОВЕТ БРИГАДИРА...
НА НЕГО МОЖЕТ
РАССЧИТЫВАТЬ КАЖДЫЙ
ЧЛЕН БРИГАДЫ.

Какие задачи помогает нам решать это соревнование? Я хотел бы выделить три, чрезвычайно важные.

Во-первых, оно помогает нам значительно повысить качество выпускаемой продукции, и это соответствует тем задачам, которые стоят в целом перед промышленностью в десятой пятилетке, задачам, которые были поставлены на XXV съезде КПСС. Во-вторых, мы сумели поднять ответственность каждого работника за итоги работы всего коллектива. И, в-третьих, это соревнование позволило нам создать новую нравственную атмосферу в коллективе.

Эти три задачи, или, если можно так сказать, триединая задача, решались комплексом мер, предусмотренных условиями соревнования.

Следующая ступень работы была снова связана с бригадой Аношина. Коллектив поставил вопрос: как сделать, чтобы бригада стала максимально действенной трудовой ячейкой, чтобы бригада чувствовала отдачу от всего того нового, что внедряется. И мы начали работать, как принято сейчас говорить, по методу бригадного подряда (сами мы называем это работой по методу бригадной организации труда и оплаты в технологической цепочке).

В чем смысл бригадной организации труда и оплаты? Мы из рабочих-сдельщиков на конвейере на отдельных участках создаем бригады. Таким бригадам — а мы заключаем с ними долгосрочный, на несколько лет договор — говорим: «В течение пяти лет вы должны строить свою работу по таким-то объемным показателям — и так они растут от года к году. Такой-то выделяется вам фонд заработной платы. Такие-то технические мероприятия будут проведены. Таково задание по снижению нормированной трудоемкости. И так далее. И вы, пожалуйста, сами

определяйте, как вам строить работу, на что обратить внимание».

Такая работа по бригадной организации имеет очень много важных и интересных сторон. Она поставила целый ряд серьезнейших проблем, связанных с применением не только трудового законодательства у нас на производстве, но и с применением, я бы сказал, **конституционных положений о роли рабочего коллектива** в решении задач, стоящих перед предприятием.

Что нужно сделать, чтобы организовать бригаду?

Прежде всего надо получить персональное согласие всех работающих. Члены бригады утверждаются специальным приказом, и им вручается соответствующий документ. Это правовая сторона. К ней относится и такой момент: бригада требует работы, организованной на единый наряд. Для этого тоже необходимо общее согласие всех членов бригады. Дальше возникают вопросы: а как распределять заработную плату по конечным результатам?

Конечные результаты — основа всего, от них зависит оплата труда всех членов бригады. И в этой связи, как мы убедились, очень серьезно возрастает роль коллектива в повышении общеобразовательного уровня и профессионального мастерства. Особенно все сказанное относится к молодежи — ведь не случайно молодежь выступила застрельщиком этой работы. Судите сами: если бригаде определили объем работы по конечным результатам, нужно сделать так, чтобы каждый мог подменить друг друга. А раз каждый должен быть готов к подмене другого на конвейере, ему необходимо овладеть несколькими операциями, а для этого требуется повышение квалификации, нужно получить определенный разряд по каждому виду работы. А это, есте-

ственно, требует общей подготовки молодого человека, это заставляет его учиться, по-другому подходить к проблеме профессионального совершенствования. Мы сделали так, что следующий разряд нельзя получить без определенного общеобразовательного уровня. Это подтолкнуло многих молодых людей к учебе. Мы можем, например, сказать, что больше двухсот молодых заводчан учатся сегодня и в общеобразовательных школах, и в техникумах, и в вузах.

Интересно следующее сравнение... Если взять выполнение норм выработки за последние три года, то возникает такая динамика: три года тому назад 21 процент молодых людей не выполнял норм, сейчас эта цифра снизилась примерно до 5. Налицо результат повышения профессионального мастерства.

Единая цель в бригаде — фактор, имеющий самое серьезное значение. Если бригада в десять, двенадцать, сорок человек живет одной и той же целью, по-другому складывается и нравственный климат в коллективе. Они не просто выполняют какие-то задания, а как бы являются соавторами той работы, которая делается бригадой. И они думают, размышляют, спорят: как лучше решить поставленные задачи?

Ну, а арифметика итогов? Около года мы в порядке эксперимента работаем несколькими бригадами по методу, о котором я рассказал. Возьмем инициаторов — бригаду Александра Аношина. По нормативам в бригаде должно быть 46 человек — у них 40. И они полностью выполняют работу 46. Они на 23 процента повысили производительность труда. 98 процентов продукции сдается с первого предъявления. В бригаде утверждает себя работа без рекламаций, с личным клеймом и т. п. Когда это идет

от коллективов бригад, это еще больше воспитывает у молодежи хозяйское отношение ко всему, что вокруг делается, и нельзя не заметить: бригады, организованные по новому принципу, — это хорошая форма, хороший метод, хорошая почва для воспитания в труде. Замечу, что и зарплата у ребят выросла на 15 процентов.

Нужен ли цех? В 1979 году мы ставим перед собой задачу: целиком перевести на хозяйственный расчет все технологические цепочки. Эта проблема непростая еще и потому, что она по-новому ставит вопрос о структуре предприятия. Мы привыкли на предприятиях иметь заготовительные цеха, сборочные цеха, механообрабатывающие цеха. А технологическая цепочка идет через все цеха, через все операции. Поэтому встает задача: ликвидировать цеховую структуру, решить проблему организации всего труда на предприятии по технологическим цепочкам. А если вдуматься в теорию этого вопроса, то убедимся: технологические цепочки обеспечивают оптимальные объемы производства, наиболее целесообразные, экономически выгодные с точки зрения применения оборудования, с точки зрения организации труда. Это очень крупная проблема, и не случайно опыт нашего соревнования рассматривался на Научном совете ВЦСПС и Академии наук СССР по проблемам социалистического соревнования. Опыт этот был одобрен.

Бригадная организация труда и оплаты, которую мы у себя применили, позволяет перевести технологические цепочки на хозрасчет. Мы к этому готовимся. В канун 1979 года открыли на заводе свой вычислительный центр. Он позволит обчитать мощности, программы по каждому участку, просчитать возможности, давать задания в строгой зависимости от ресурсов. Хотим сделать так, чтобы до каждого рабочего в каждой бригаде было доведено задание, а вместе с заданием — норматив по затратам материалов, норматив по заработной плате, данные по загруженности оборудования.

Информация коллектива... Очень важно! Стремимся к тому, чтобы все знали, что происходит на заводе, над чем бьемся, над чем голову ломаем. Используем все формы информационной работы. Естественно, этому служат и партийные собрания, и профсоюзные, и комсомольские, заседания совета молодых специалистов, совета мастеров, университет молодого рабочего. Наша многотиражная газета «Электрик» рассказывает о проблемах, стоящих перед заводом. Добиваемся того, чтобы эти проблемы обсуждались на всех уровнях.

А когда мы выносим эти вопросы на советы технологических цепочек, так они, можно сказать, живут этим! Очень большое значение имеют доски, на которых фиксируются итоги и показатели. Каждый знает, как он сработал в этот день, в эту декаду, в этот месяц, как он выполняет свои обязательства, свой личный план.

Максимум гласности, максимум предметности и доказательности! Вот подходят к такой доске несколько рабочих — они видят, как выглядит каждый в «групповом портрете» коллектива. Заботимся, чтобы он ни на момент не угасал — дух трудового соперничества, дух соревнования, о котором говорил Владимир Ильич.

И еще одну государственную проблему помогают решить технологические цепочки. Я говорю о проблеме трудовых ресурсов, которая стоит весьма остро. Как с меньшей численностью людей выполнять растущие государственные планы, наращивать экономический потенциал страны? Каждый процент роста производительности труда — это несколько миллиардов рублей продукции в народном хозяйстве. А если мы в каждой бригаде сможем на пять, семь,

ЧЕТКИЙ РИТМ — НА КАЖДОМ РАБОЧЕМ МЕСТЕ.

Фото Сергея ВЕТРОВА

КОМСОМОЛЬСКИЕ АКТИВИСТЫ В ГУЩЕ ВСЕХ ДЕЛ.

Имя	В.К. КОМСОМОЛ	В.К. ДРУГОЙ КОМСОМОЛ	ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА
Иванов	100	100	100
Петров	100	100	100
Сидоров	100	100	100
Смирнов	100	100	100
Козлов	100	100	100
Лебедев	100	100	100
Кузнецов	100	100	100
Мухоморов	100	100	100
Попов	100	100	100
Соловьев	100	100	100
Тихонов	100	100	100
Федотов	100	100	100
Харьков	100	100	100
Цыганов	100	100	100
Чайков	100	100	100
Шаров	100	100	100
Щербатов	100	100	100
Юдин	100	100	100
Яковлев	100	100	100

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 9 (1247) МАЙ 1979

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
«СЕМЬ ЖУРАВЛЕЙ» —
ПАМЯТНИК
ПОГИБШИМ НА ВОЙНЕ
БРАТЬЯМ ГАЗДАНОВЫМ.
Фото Юрия УСТИНОВА

(Фотоочерк «Искусство сидеть в седле» на 16-й странице.)

- 1 К 50-ЛЕТИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ. Александр БОРЗУНОВ, директор Московского завода автотракторного электрооборудования № 1. «СЛОВО ОБ ЭКСПЕРИМЕНТЕ».
- 3 Очерк Заура КАДЫМБЕКОВА «БАКУ — ТЮМЕНЬ».
- 5 ПАМЯТЬ.
- 6 «ДВАДЦАТЬ СТРАСТНЫХ ХРОНИК». И. Х. БАГРАМЯН, МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.
- 7 Владислав МОНАХОВ. «ПОЛЕТ ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ».
- 9 Георгий БАЖЕНОВ. «ВЕСЬ ЖАР ДУШИ».
- 11 ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ. Владимир ГОРДЕЙЧЕВ. «ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ «КАТЮША».
- 12 Рассказ Геннадия СЕМАРА «ЭШЕЛОНЫ ПОБЕДЫ».
- 14 КОНКУРС ИНТЕРЕСНОГО ПИСЬМА. «ЛЮДИ, ПОМНИТЕ О НЕМ!».
- 15 Стихи Людмилы ИШУТИНОВОЙ.
- 16 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. Фотоочерк Руслана ГАЛАЗОВА и Юрия УСТИНОВА «ИСКУССТВО СИДЕТЬ В СЕДЛЕ».
- 18 Стихи Расула ГАМЗАТОВА, Фазы АЛИЕВОЙ, Натана ЗЛОТНИКОВА, Николая НОВИКОВА.
- 22 Николай ХЛЕБОДАРОВ. «ЭТОТ СТРАННЫЙ МАГНИТНЫЙ МИР».
- 24 АНТИКУЛЬТУРА: МИФЫ, ИЛЛЮЗИИ, ИДОЛЫ. «КАРНАВАЛ БЕЗУМИЯ».
- 27 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 28 Повесть Леонида СЛОВИНА «ПЯТЬ ДНЕЙ И УТРО ШЕСТОГО».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена», 1979 г.

десять процентов повысить производительность труда, то это уже колоссальный эффект по стране.

Новая техника — она, естественно, требует очень основательных и разносторонних знаний. У нас есть такое оборудование, внедренное в последние годы, которое позволило повысить производительность труда в восемь — десять раз, но оно требует от рабочего знаний на уровне среднетехнического образования, а то и инженерного. Мы вынуждены сегодня иметь на производстве техника-наладчика, инженера-наладчика.

Текучесть кадров? Мы с гордостью говорим: 85 процентов молодых ребят, которые уходят с завода в армию, возвращаются обратно на завод. Почему? Небольшие, но существенные штрихи... Сколько бы человек ни проработал, мы его всегда в цехе торжественно проводим. Пока служит — переписку ведем. Пришел обратно на завод — встречаем. Вот, к примеру, вернулся из армии парень-инструментальщик. На цеховом собрании передает ему в подарок комплект инструментов самый знатный, самый уважаемый в цехе человек. Традиция — дело живое, о них постоянно думаем, заботимся, чтобы развивались они и утверждались.

Новичок пришел в цех. Например, выпускник ПТУ. Возможна ли ситуация, что стоящие на конвейере рядом старшие рабочие, имеющие тот же, скажем, третий разряд, будут коситься на парня: дескать, не успел прийти, а уже в тех же условиях. Я не считаю, что у нас на производстве это явление имеет сколько-нибудь существенное значение. Ну, а в условиях бригадной формы организации и оплаты труда такое просто невозможно. Все оценивается по личному вкладу. У нас есть люди, имеющие третий разряд, но зарабатывающие больше, чем другие, с пятым разрядом. И в этом плане новая форма организации труда вновь «срабатывает».

Хочу заметить: мы рады тем, кто приходит на завод, стараемся, чтобы ничто не мешало новичку хорошо себя почувствовать в коллективе. Прикрепляем лучших рабочих в качестве наставников. Интересуемся всеми сторонами жизни молодого человека — и в этом неплохо администрацию поддерживает заводская комсомольская организация. Она у нас боевая, деятельная.

Конфликтная ситуация? Как правило, она разрешается в бригаде. Или, если речь идет о вопросах, выходящих за пределы деятельности одной бригады, в технологической цепочке.

Но пример иного характера... Во время не пришли материалы с завода-поставщика. Вся технологическая цепочка стоит. А мы, руководство завода, администрация, заключили договор, что бригады должны непрерывно, по графику, обеспечиваться материалами. Виноваты не завод, не руководство завода — виновато другое предприятие. Как быть?

Мне представляется, что выход из такого положения — дальнейшее развитие новых форм соревнования по всей стране. У нас распространено **внутриотраслевое** соревнование — его надо активнее и смелее делать **межотраслевым**. Это, по моему, принесет большой экономический эффект.

Ответственность за свое слово — это и в человеческой жизни и в производственной практике дело первостепенной важности. Мы гордимся тем, что в последние четыре года завод постоянно выполняет все заказы — наряды и все договоры. Нам не начислено за четыре года ни одного рубля штрафных санкций за недопоставку продукции. Считаю это большим достижением, оно стало возможным в результате многолетней работы и не в послед-

нюю очередь за счет применения новых форм организации труда.

Думать! Мне кажется, это тот девиз, который все больше привлекает и рабочую и инженерно-техническую молодежь.

Каждый четвертый молодой работник завода участвует в рационализации и изобретательстве. За 1970—1978 годы подано 707 рационализаторских предложений. За этот период 31 молодой заводчанин стал лауреатом Всесоюзного смотра научно-технического творчества молодежи, 12 награждены медалями ВДНХ.

Над чем с особым увлечением работает молодежь? Прежде всего над основными, магистральными темами. Приведу такой пример... Группа молодых инженеров разработала конструкцию генератора переменного тока, обеспечив увеличение ресурса пробега автомобиля со 125 тысяч километров до 250 тысяч. Годовая экономия от внедрения этого генератора составила около трех миллионов рублей.

Труд на предприятии стал для каждого более продуманным. Каждый — участник эксперимента. Чувствуется это по многим признакам.

Ну, вот еще один пример...

Тише стало на заводе... Тише — в самом прямом, не переносном смысле. Молодые инженеры нашего предприятия занялись проблемой снижения шума на производстве. Вместе с Московским автомеханическим институтом, с профессором Шептуновым создали специальное устройство — гаситель шумов. Такие же молодые ребята-комсомольцы внедрились у нас. Ребята, которые пришли на завод рабочими, стали здесь технологами, сейчас кончают институты... Цифры вроде не сногсшибательные, но худо-бедно за год на два-три децибела шум на заводе снижается. А при нашем производстве это очень важно.

Ну, а охрана окружающей среды? Здесь тоже очень важны работы молодых инженеров. Вот раньше как-то так получалось — проблемой этой в основном занимались энергетики предприятия. Вроде суть энергии в одном: дай чистую воду, а вода всегда у энергетического хозяйства. Мы передали эту проблему инженерам, и они нашли много интересного. Они ездили по Союзу: в Ленинграде были, в Сибири, в Белоруссии — и разработали метод, который помогает при небольших капиталовложениях решать «больные» вопросы очистки сточных вод, многократного использования воды, внедрения безотходной технологии. Этим живет сегодня и наука, большая наука. Вот, к примеру, мы внедрились у себя метод электрокауляционной очистки сброса сточных вод в гальваническом производстве. И электрокаулятор позволяет нам избежать в сбросе каких бы то ни было вредных примесей. Более того, мы эту очищенную воду многократно используем и за последние годы сэкономили только на воде около 150 тысяч рублей. На воде, которая текла раньше, не привлекая особого инженерного внимания...

Актуальная задача социалистического соревнования сегодня — это его нацеливание на **конечные народнохозяйственные результаты**. Такой вывод следует из решений XXV съезда КПСС, ноябрьского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС.

Соревнование органически входит в механизм планового социалистического хозяйства, главное в нем — производственный процесс. Поэтому хорошо организованное соревнование на предприятии означает и хорошо организованное производство.

Под этим углом зрения мы рассматриваем свой эксперимент. В этом плане мы будем продолжать и развивать его.

Баку — Тюмень

Заказам Западной Сибири — комсомольскую заботу!

Заур КАДЫМБЕКОВ

Мы вышли из инструментально-го и по скользким от январской поземки шпалам пошли к складу готовой продукции. Почему внушительное это сооружение, напоминающее авиационный ангар, называют складом? Наверное, дань традиции. Да и слово «продукция» применительно к мощным челябинским тракторам, на основе которых собирают здесь самоходные агрегаты «Бакинец», не подходит...

Над воротами «ангара» выжженный бакинский норд трепал транспарант. И он «стрелял» на ветру, будто взрывал новогодние хлопушки. На мгновение порывы затихали, и тогда можно было разобрать текст: «Шмидтовцы! Выполним заказ Тюмени досрочно, с отличным качеством!»

Щелкнул тумблер! Что-то треснуло в чреве репродуктора, и простуженный голос заводского диктора объявил: «Внимание! Готовится к отправке партия оборудования в северном исполнении».

В морозном воздухе лягнула сцепка, глухо застучали колеса, лениво входя в ритм. Мимо поплыли тяжелые платформы, под брезентовыми чехлами угадывались контуры «Бакинцев», штанговозов, фонтанной арматуры.

— Пошел наш «северный поезд», — облегченно вздохнул Гусейн Бахшиев, секретарь заводского комитета комсомола.

Он здоровался с проходившими мимо нас ребятами, кого-то просил зайти в комитет, кому-то давал задание «выбить транспорт», отвечал на мои вопросы, но все это не мешало ему вести счет медленно порзущим платформам.

— Двадцать пять! — провозжая взглядом состав, с гордостью произнес он. — Северное исполнение у нас под особым контролем. Самый важный заказ.

Вдали на подъездных путях мелькнул и исчез алый флажок последней платформы. А я подумал, что вот здесь, в запыленном снегом дворе, берет свое начало одна из дорог, ведущих к тюменским кладовым нефти и газа. Открываются новые месторождения — растет потребность в оборудовании. От его количества и качества во многом зависит успешное решение большой государственной задачи освоения и развития Сибири, о которой говорил в речи на XVIII съезде ВЛКСМ товарищ

Л. И. Брежнев. На заводе родился комсомольский почин: «Пятилетний план заказов Тюмени — за четыре года!», широко поддержанный коллективами «Союзнефтемаш».

В ОБЪЕДИНЕНИИ «СОЮЗНЕФТЕМАШ»

Прежде чем прийти на Бакинский ордена Ленина машиностроительный завод имени лейтенанта Шмидта, я побывал во Всесоюзном производственном объединении «Союзнефтемаш». И сейчас, когда, проводив состав, мы возвращались с Гусейном в комитет комсомола, вспомнил разговор в объединении с начальником отдела Халилом Мамедовичем Мамедовым. Речь шла о том же — о тюменских поставках, но в более широких масштабах. «Союзнефтемаш» — это двенадцать бакинских предприятий, в чьих цехах рождается новейшая нефтепромысловая и геологоразведочная техника. При создании сложных агрегатов, таких, скажем, как «Коро-80» (комплекс оборудования для ремонта и освоения скважин), усилия заводов объединяются. Осуществляется кооперация и со многими предприятиями в других городах страны. Но каждый завод производит «свою» продукцию.

На столе у начальника отдела лежала сводка, из которой становилось понятным, кто и что поставляет геологам и нефтяникам Тюмени. Скажем, завод «Бакинский рабочий» отправляет в основном станки-качалки и новый вид плеттрубовозов, которые широко применяются на строительстве магистральных трубопроводов; завод имени Держинского — глубинные насосы для бурения скважин; завод имени Касимова — промывочные агрегаты, оборудование для исследования и кислотной обработки скважин; завод имени Сардарова — трубы с приварными концами и т. д.

К тюменским заказам с высокой мерой ответственности относятся коллективы всех предприятий объединения. За минувший год для геологов и нефтяников Тюмени было произведено оборудование на десятки миллионов рублей. Причем 88 наименований продукции отмечены Знаком качества, восемнадцать из них высшая категория присвоена в 1978 году. К 1 ноября минувшего года были выполнены годовые планы поставок важнейших видов оборудования. 525 станков-качалок, 6294 глубинных насоса, 143 агрегата-подъемника отправлены заказчикам.

Из всего, что я услышал и увидел в объединении, становилось совершенно очевидным: в Азербайджане широко поддерживается инициатива москвичей по

досрочному и качественному выполнению заказов Сибири и Дальнего Востока. И это еще раз нашло веское подтверждение тем ветреным январским утром, когда провожали шмидтовцы в дальний путь свой «северный поезд».

ПОЧИН ЧЕТЫРНАДЦАТИ

В начале десятой пятилетки четырнадцать лучших рабочих завода имени лейтенанта Шмидта выступили с инициативой выполнить до конца 1980 года два пятилетних задания.

Самое полезное начинание держит серьезный экзамен, соприкасаясь с действительностью. Не секрет, что порой иные почини, едва «коснувшись» станка, гаснут. Так бывает в тех случаях, когда инициатива не подкреплена инженерными расчетами, когда она скороспела, незлободневна.

Выдержал ли экзамен почин шмидтовцев? Начинание четырнадцати, одобренное ЦК Компартии Азербайджана, вылилось в подлинное трудовое состязание всего передового коллектива за достижение наивысшей производительности труда. Основа этого почина — точный экономический расчет, предусматривающий тесное взаимодействие со смежниками, с коллективами цехов, поставляющих сырье для обработки, четкие графики обеспечения рабочих мест деталями по всей технологической цепочке. Сегодня более ста рабочих выполнили планы десятой пятилетки, причем 56 из них — за 2,5 года. За три года десятой пятилетки произведено сверхплановой продукции на 8 миллионов 550 тысяч рублей. За это время выпущено столько продукции, сколько за всю девятую пятилетку. Сейчас в движении, начатом шмидтовцами, участвует более трех тысяч рабочих бакинских предприятий. Вот каковы итоги инициативы, родившейся на заводе.

Почин «За пятилетку — две пятилетки» имеет самое прямое отношение и к тому, что заказы Сибири и Дальнего Востока выполняются досрочно и с отличным качеством.

У входа в цех фонтанной арматуры, где трудится передовая комсомольско-молодежная бригада Эльдара Ибрагимова, выставлен образец продукции. Сделано это не случайно. В дни работы XVIII съезда ВЛКСМ ребята из бригады Эльдара прямо здесь, в цехе, написали плакат: «Сибирякам — фонтанную арматуру высокого качества в сжатые сроки!» Бригада занята обработкой корпусов арматуры. Дело это сложное. Почти все детали «фонтанки» изготавливаются из нержавеющей стали, требующей от токарей при обработке особой

тщательности. Надо знать, где можно «включить» высокую скорость резания, где использовать различные приспособления для сокращения времени обработки. Словом, от операций, которые выполняет бригада Ибрагимова, тоже зависит, будет ли конечная продукция высокого качества. Ребятам есть у кого учиться. В этом же цехе на токарно-винторезном станке вот уже более двадцати лет работает токарь-универсал Нариман Рафи-заде, один из инициаторов почина «За пятилетку — две пятилетки». У этого человека не только золотые руки, он новатор, наставник молодежи, подготовивший уже более ста токарей.

В дни, когда в бригаде Ибрагимова писался плакат, на завод пришла радостная весть: фонтанной арматуре присвоен государственный Знак качества. Первая же продукция с желанным пятиугольником была выставлена у входа в цех как показательный образец. А в одном из пролетов был установлен стенд. От слов «Наша продукция» в разные стороны разбегаются стрелки. Более двадцати адресов. Щелчок выключателя — вспыхивают лампочки. Самый яркий красный огонек — «Тюмень». Рядом играет цифра «1540» — количество фонтанной арматуры, отправленной на сегодня сибирякам. Почетный заказ выполнен досрочно, качество исполнения — отличное. Этот успех наравне с ветеранами по праву разделяет комсомольско-молодежная бригада Эльдара Ибрагимова.

МЕЧТА ШАКИРА ЕЛЧИЕВА

С Шакиром Елчиевым, черноволосым, стройным пареньком, познакомился в комитете комсомола. Он зашел сюда со своими работами и присел, ожидая, пока секретарь Гусейн Бахшиев введет меня в курс дел заводских прожектористов.

— На общезаводском комсомольском собрании решили усилить контроль за качеством оборудования в северном исполнении. Был создан штаб по контролю за качеством продукции и отгрузкой. Разработали положение, принципы организации штаба, определили обязанности каждого его члена. Семь человек — членов штаба — подбирались так, чтобы были представлены работники разных специальностей. Расчет был прост: на каждом участке технологического процесса у штаба свой «спец». Брак он за версту увидит. Рейды проводим два раза в месяц. Проверка по всей технологической цепочке — от заготовок, поступающих на обработку, до отгрузки готовой продукции.

Бахшиев задумался. А Шакир тут же сказал:

— Помнишь случай с фланцами?

И стал рассказывать о том, как цеховой пост качества в механосборочном обнаружил брак на фланцах для арматуры и вернул партию на доработку. А я не сводил глаз с его курточки цвета хаки: на отвороте кармана белели три буквы: «БАМ».

Шакир перехватил мой взгляд, смутился.

— Нет, на БАМе не работал. Хотел бы очень, вот даже куртку у товарища попросил.

БАМ — давняя мечта Шакира. Спал, говорит, и видел себя строителем дороги: таежный десант, езда на вездеходе, переправа через бурные речки на плотах и убегающая в тайгу колея. Дело не только в суровой романтике, парню хотелось строить что-то значительное. Однако не получилось... Жизнь предложила иные решения.

Приехал из села в Баку. Поступил на вечернее отделение в политехнический. Пришел на завод. Через год — служба в армии. В семьдесят пятом вернулся вновь в инструментальный цех. Работал, Учился.

Нет нужды подробно говорить о том, как Шакир стал отличным фрезеровщиком, как доверили ему станок. Обычная биография, в которой главное для рабочего человека — его профессиональный рост. Сегодня Шакир Елчиев руководит комсомольско-молодежной бригадой, лауреат республиканской премии Ленинского комсомола, коммунист.

Бригада Шакира изготавливает резцы для всех заводов объединения «Союзнефтемаш». Без этих гладко отшлифованных, отливающих серебристым блеском брусков не выточить ни одну деталь. То обстоятельство, что молодому коллективу доверили такую ответственную работу, уже свидетельствует о высоком мастерстве ребят. Шесть станков у бригады, шесть операций, двенадцать видов резцов. Брака почти не бывает. Если добавить к этому, что Абдулган Азизов, Физули Мамедов, Салех Мустафаев и другие в совершенстве овладели всеми операциями и могут без ущерба для дела заменять друг друга, что потеря рабочего времени в бригаде почти нет — станет понятным, почему в сентябре прошлого года заводская «молния» сообщила: «Бригада Елчиева пятилетку выполнила досрочно! Равняйтесь на передовой молодежный коллектив!»

Приятно смотреть на работу Шакира со стороны. Точные, уверенные движения, рационально используется каждая секунда, быстро тает аккуратная горка заготовок. Монотонный гул фрезерных станков заглушает слова Шакира. Но по тому, как он, энергично жестикулируя, что-то втолковывает своим ученикам — братьям Багировым — и по тому, как они понатливо кивают, ясно: он объясняет, как удобней всего складывать заготовки. Шакиру 23 года. Еще не так давно сам ходил в учениках, а сегодня подростки смотрят на него с почтением, ловят каждое слово. И нечего возражать, когда наставник Шакира старший мастер Артем Аркадьевич Мкртчян говорит о нем: «Нашел себя человек».

— А как же мечта, Шакир?

— Мечта остается. Мои товарищи приезжали из Тюмени, с БАМа. Слушал их рассказы, понимал: большие там масштабы, люди мыслят широкими жизненными категориями, глубоко чувствуют. Быстрее приходят зрелость, жизненный опыт. Но сейчас, когда позади юность, понимаю и другое: завод дал мне все — дружбу, профессию, почет. Вот стоят шесть станков бригады. Только на них и только мы производим резцы, которыми обрабатывается все оборудование на заводах объединения. Подумайте, какое большое доверие нам оказано! И еще одно: большая часть техники идет туда, на Север. Значит, работая за своим станком здесь, я помогаю искать нефть и газ в Тюмени. Разве только не могу сказать: «Работаю на Севере». Вот и прикиньте: где я нужней сегодня?

ГУЛЛИВЕР В СТРАНЕ ЛИЛИПУТОВ

«Коро-80» — последнее дитяще завода. Самое мощное, самое современное. Мы собрали всего четыре комплексы, — рассказывает главный конструктор Кямал Фиридунович Агаев, — а возникло миллион проблем.

Чтобы уяснить себе, какого рода «проблемы», надо подробнее рассказать о «Коро». Создан он на основе автомобиля «МАЗ-537». На платформе — лебедка, дизели, монтируется вышка высотой в 28 метров, на двух лафетах — насосная станция, ротор, «маски» для укладки труб. Это оснастка комплекса.

Впечатляют технические параметры установки-гиганта. Мощность мотора 537 лошадиных сил, бензобак вмещает полторы тонны горючего, скорость «пе-

редвижной ремонтной мастерской» достигает 40 километров в час.

При помощи «Коро-80» исследуются пробуренные скважины, осуществляется их капитальный ремонт. Рассчитан комплекс на скважины глубиной до 7 километров. Экзамен на заводском испытательном стенде «Коро-80» выдержал успешно. Как он проявит себя в «настоящем деле» на нефтепромыслах Тюмени? Ответа на этот вопрос с волнением ждут и проектировщики из Азербайджанского научно-исследовательского института нефтяного машиностроения и заводские специалисты. Два комплекса отправлены в адрес «Главтюменнефтегаза».

А теперь о проблемах. Предоставим слово главному конструктору:

— Из года в год завод в содружестве с проектными отраслевыми институтами изготавливает, испытывает и осваивает производство новых нефтепромысловых машин и оборудования. Мы прекрасно понимаем, что дальнейшие перспективы развития Западной Сибири стоят перед нами задачей сделать эту работу еще более эффективной, целенаправленной. Многие нами достигнуто. Так, по плану новой техники на 1978 год выполнено работ на 6 миллионов 183 тысячи рублей, что на 53 процента больше, чем в 1977 году.

Для Севера мы должны создавать самую совершенную технику. В этом вопросе двух мнений быть не может. В технической характеристике различных агрегатов и механизмов такие «черты», как морозоустойчивость, высокая проходимость, маневренность, обязательны.

Что требуется для того, чтобы в наших цехах без отчаянной натуги и авралов создавались самые современные агрегаты? Нам самим необходима современная техника. За десять последних лет на заводе не вводились производственные мощности. А сколько «станков-пенсионеров»? В основных механо-сборочных цехах большинство из них служит более двадцати лет. Не пора ли им на покой?

Прежде чем шить костюм, снимают мерку, а не наоборот. Памятуя об этом, наверно, перед тем, как заказывать изготовление сложного комплекса заводу, следовало бы изучить возможности предприятия.

Спору нет, нефтяникам нужен такой мощный, маневренный комплекс, как наш «Коро». Но ведь гигантские его размеры требуют соответствующих производственных площадей, подъемных средств и т. д. Он у нас, как Гулливер в стране лилипутов. 30 крупных узлов, производственный цикл от изготовления до наладки — 8 месяцев. Если «Коро» снаряжать в сборочном цехе, где производственная площадь всего 800 квадратных метров, надо приостанавливать на длительный срок сборку других важных агрегатов — «Бакинцев» и штангозов. Где выход? Пробовали даже на улице вести сборку. Но какое же качество может быть при таких условиях?

Когда я сказал «миллион проблем», преувеличил немного. Детально говорить обо всех невозможно. Коротко — необходимо. Например, для изготовления деталей «Коро» заводу не хватает 10 токарных и 2 карусельных станков. 10 заводов отрасли, участвующих в изготовлении комплекса, постоянно срывают поставки важных узлов... Таковы здесь проблемы.

За разговорами и встречами я не заметил, как прошел день. Мы шли с Гусейном Бахшиевым по территории завода. В быстро густеющих зимних сумерках яркими огнями один за другим загорались окна цехов: на вахту заступала вторая смена. А где-то вдали на подъездных путях слышался мерный перестук колес: это к складу готовой продукции подходили порожние платформы, чтобы завтра, как и каждый день, отправиться отсюда с грузом по северным адресам.

Раис ГАНЕЕВ,
бригадир слесарей
производственного
объединения
«Камгэсэнергострой»,
лауреат премии
Ленинского комсомола,
член ЦК ВЛКСМ

Есть такое известное выражение: «Все начинается с дороги». По-разному его можно толковать, но что в применении к экономике верность этих слов сомнений не вызывает — факт. Здесь уж действительно все начинается с дороги. С коммуникаций, больших и малых.

Моя бригада занимается внутри-заводскими коммуникациями. Наш «БАМ» — подкрановые пути. Их монтируем. Малые коммуникации. Малые — зато важность их велика.

Судите сами: разве мыслимы современная стройка, современное произ-

водство без кранов? У нас на КамАЗе двумя кранами СКР-1500 построен автооборудованный завод. А пути для «экскаваторов» укладывала наша бригада.

Инженерная мысль безоговорочно утвердила сегодня на строительной площадке метод крупноблочной сборки. На земле собирают, скажем, блоки крыши — потом кран ставит их на место. Кран огромный, массивный. Сам весит около 300 тонн, да еще груз. От монтеров путей требуется миллиметровая точность. Некачественная работа в любом деле недопустима, в нашем — к самым тяжелым последствиям может привести. Понимаем свою ответственность и работаем так, чтобы перед людьми стыдно не было. Уложенные нами рельсы не подведут.

Бригада у нас многонациональная — русские, татары, украинец, чеченец, чуваш, белорус... У каждого, естественно, своя биография, свой путь в Набережные Челны. Но есть и общее — желание быть первопроходцем, начинать с самого начала масштабное, большое дело. Я приехал после армии. Жил до этого с родителями в селе Красный Бор Агрызского района, это километрах в семидесяти от Челнов, полтора часа на «Метеоре». Когда оказался, помню, на том месте, где сегодня новый город и заводы, ничего еще не было там. Не было — стало. С нашим участием.

Первые мои шаги на стройке — в бригаде Анатолия Михайловича Шитикова. Сначала работал плотником-бетонщиком, а потом нас всех перевели на монтаж подкрановых путей. Экзаменом для бригады стало строительство Московского причала — грузы шли по реке непрерывно, и причал нужен был как можно быстрее. Там и сработались, научились

друг друга понимать и друг друга, если надо, заменять. И сейчас в нашей бригаде тон, можно сказать, задают те, кто начинал в ту пору. У многих по три-четыре строительные профессии. Недавно, например, все выучились на стропальщиков-такелажников.

Мы работаем на укладке труб, сварке, установке полотна, заделке стыков и других операциях. Было раньше — каждый делает свое. Сейчас меняемся. И загрузка получается более равномерная и работа разнообразнее, веселее.

Считаю, что основа основ в жизни трудового коллектива — социалистическое соревнование. Оно подтягивает, мобилизует, заставляет искать новые решения. Несколько лет мы соревновались с бригадой Виктора Шатунова, сейчас нашим партнером-соперником стала бригада Флорида Латыпова. Подводим итог — и всегда возникают вопросы: если отстали, то почему? Фронт работ не был предостережен, материалы своевременно не подвезли — или сами мы нерасторопно сработали?

Ходим друг к другу — посмотреть, какие новинки в деле появились, поучиться у соседей. Вот один пример...

БРИГАДА-БРИГАДЕ

Раньше битумную изоляцию мы делали примитивным способом. Таскали ведрами горячий битум. Сейчас иначе. Управление малой механизации присылает трактор с тележкой, битум — на ней, из шланга льем, куда нужно и сколько нужно. Она маневренная, эта тележка, легко всюду подъезжает. Ее никто на наших работах не применял, хотя она и раньше была. Флорид Латыпов где-то разглядел и добился, чтобы нам ее дали...

Взаимопомощь в наших бригадах налажена надежная, если трудно, не успевает одна из бригад, другая помогает ей. И мне думается, что это отношение к делу, к товарищу рядом с тобой и есть один из главных итогов соцсоревнования. Однако пока часто так получается: существуют четкие, бесспорные критерии — проценты выполнения плана, качество работ, показатели трудовой дисциплины и т. д. А рядом то, что постоянно в соцсоревновании есть, но вроде бы «на общезвестных началах» присутствует. Я имею в виду взаимную помощь соревнующихся бригад. Считаю важным при определении победителей соревнования обязательно учитывать этот фактор. И вопрос не в том, чтобы учредить своего рода «кубок за коректность». Нет. Просто взаимозаменяемость в необходимых случаях не должна ограничиваться «собственной» бригадой. Ведь «соперники» одно с тобой дело делают...

В канун комсомольского юбилея наша бригада завоевала звание «Коллектив имени 60-летия ВЛКСМ». Звание обязывающее, и мы стремимся его оправдать достойными делами. Настроение в бригаде боевое. Помним: все начинается с дороги...

ПАМЯТЬ

9 МАЯ НЫНЕШНЕГО ГОДА
НАСТУПИТ 12419-й
МИРНЫЙ ДЕНЬ...
12419-й ДЕНЬ
ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ
САМОЙ КРОВОПРОЛИТНОЙ
В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
ВОЙНЫ...
ДЕНЬ ТОРЖЕСТВА
СОВЕТСКОГО НАРОДА,
ПОБЕДИВШЕГО ФАШИЗМ...
ДЕНЬ ПАМЯТИ
ОТДАВШИХ СВОИ
ЖИЗНИ ЗА ЭТО...
12419-й ДЕНЬ
БЕСПРЕСТАВНОГО
ОЖИДАНИЯ
НЕ ВЕРНУВШИХСЯ ДОМОЙ...
ОЖИДАНИЯ СЛУЧАЙНОЙ
ВЕСТОЧКИ
О СУДЬБЕ ПАВШИХ...
И СЕГОДНЯ ТАК ЖЕ,
КАК И 12419 ДНЕЙ НАЗАД,
БОЛЯТ СЕРДЦА
МАТЕРЕЙ И ВДОВ...
И ТАК ЖЕ,
КАК ТОГДА, В 1945-М,
ПОДНЯТСЯ СЕГОДНЯ
ГОРДОСТЬЮ СЕРДЦА
ПОБЕДИТЕЛЕЙ,
СЕРДЦА ИХ СЫНОВ...
И ТАК ЖЕ, КАК ИХ ОТЦЫ,
ПРИСЯГАЮТ
ОНИ СЕГОДНЯ
НА ВЕРНОСТЬ РОДИНЕ...

Виктор ЩЕГОЛЕВ,
студент,
Челябинск

Разве этот солдат неизвестен?

*Разве этот солдат неизвестен,
Если столько безоблачных лет
Он, воскресший в легендах и песнях,
Заслоняет планету от бед?*

*Пусть упал он от дома не близко
И зарыл где-нибудь среди полей,
Но приходят к его обелиску
Сотни тысяч седых матерей.*

*И для каждой из них он, для каждой,
Поседевшей от ранних кручин,
Алексей, Василек или Саша —
С той войны не вернувшийся сын.*

Виктор ВОДОЛАЗОВ,
строитель,
Уральск

**КТО ВИДЕЛ ?
КТО ПОМНИТ**

**МАКОВСКИЙ
НИКОЛАЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ**
1911. ИЗ ШЕЛКОВО.
КАЛИНИНСКИЙ
ФРОНТ. 1942.
ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ

На ученьях

*На дне окопа я лежу,
Я умер,
Прижав к груди свой верный автомат.
Пищит надрывно телефонный зуммер —
Наверняка сюда звонит комбат.
Я умер не от пули,*

*не от мины.
Мне приказал посредник здесь лежать,
Когда мы сокрушительной лавиной
Ударили по сопке «205».
Скользят по небу облака куда-то,
От ветерка качается кедроч,
Дерутся где-то рядышком ребята,
Но я помочь им не могу —*

*хоть плачь.
А плакать не положено,
я умер,
Погиб, как сверстник тридцать лет назад.
Пищит надрывно телефонный зуммер —
Наверняка сюда звонит комбат.
Травую пахнет, алагою, грибами...
Как хорошо все это ощущать!
И хорошо, что не напишут маме,
Что умер я на сопке «205».*

Феликс ЧУЕВ

*Их все меньше на праздниках.
— Есть рокоссовицы? —
Генерал на ступеньках театра* склинал.

*По фронтам собираются!
Время несется,
Боевые названия дрожат на листках.*

*И все реже подходят
к листам из блокнота,
что на ветки нанизаны памятью биты,
и все реже находят другого кого-то,
но никто не забыт,
и никто не убит.*

ДВАДЦАТЬ СТРАСТНЫХ ХРОНИК

Более тридцати лет прошло с тех пор, как отгремела Великая Отечественная война. Более тридцати лет над нашей Родиной мирное небо, не рассеченное ночью прожекторами, не разорванное зенитными снарядами. Но героические, суровые и огненные четыре года живут в памяти. Ведь почти нет семьи, в которой бы не было горькой утраты, нет дома, в который бы не вернулся с фронта воин, жизнью заплатив за то, чтобы дети и внуки смогли продолжать жизнь.

Я солдат. С первого и до последнего дня находился на фронте. Война для меня не легендарные рассказы о давно минувших днях—реальные события. Пожалуй, никто так остро не ощущает цену жизни, как человек, готовый отдать ее в любой момент за правое дело.

Нынешние молодые не испытали кошмара войны. Должен сказать, к счастью. Но прошлое властно вынуждает возвращаться к пережитому, ибо подвиг отцов и дедов, испытания, выпавшие им, помогают молодежи воспитывать в себе стойкость, мужество, любовь к родной земле, готовность защитить ее.

Недаром так популярны среди пионеров и комсомольцев походы по местам боевой славы. Понятно стремление ребят воочию увидеть поля сражений, где умирали и побеждали, чтобы юным сердцем прикоснуться к минувшим дням.

Мы просто не имеем права забывать испытания, пришедшие на долю нашего народа в 40-х годах. Из поколения в поколение должны славить мужество и героизм советского солдата, всех советских людей. Помнить кровь, пролитую за нас; хрупкие силы женщин и подростков, самоотверженно работавших в тылу; матерей, отдавших своих сыновей и дочерей Родине.

И мы помним. Подвиг советского народа запечатлен в мемуарах, в книгах, в песнях. Недавно вышедшая на экраны киноэпопея «Великая Отечественная»—еще одно доказательство этому. Двадцать серий фильма документально показывают войну от самого первого дня до праздничных залпов Дня Победы.

«22 июня 1941 года». Первый фильм эпопеи. Первые дни невероятных лишений. И последняя тишина. Тишина мирной жизни. Затаившаяся, напряженная, в любую минуту готовая взорваться. И она раскатывается воем бомб, взрывами снарядов и мин, смертями.

Когда началась война, мы, воины и советские люди, уже в первых, очень тяжелых для нас сражениях Великой Отечественной ни на минуту не падали духом, верили в мудрость Коммунистической партии, в мощь социалистического государства, в неисчерпаемые силы своего народа, в неизбежность нашей победы. Эта уверенность крепла с каждым днем, несмотря на трудности борьбы с сильным и коварным врагом.

А на экране—через пустынное шоссе, изрытое воронками, заваленное обломками автомашин и повозок, перебегает пулеметный расчет, солдаты тащат за собой «максим». Как крылья, развеваются на ветру плащ-палатки, и вдруг в кадре на фоне бегущих—разрыв снаряда. Черный густой клуб дыма... Сколько в те дни клочкотало таких малых и больших боев на нашей земле! И смерть наступает на наших глазах то одного, то другого бойца. Они, подкошенные пулями, осколками снарядов, падали и оставались лежать на поле боя. И сидящие в зале, глядя в лица, которые то мелькали на экране, то заставляли крупным планом, может быть, узнавали себя или друзей, родных...

Когда смотришь фильмы «Великой Отечественной», то невольно приходит мысль о бесстрашных, самоотверженных людях, чьи лица оставались не всегда запечатленными кадрами кинохроники, но дело их наглядно перед нами. Это кинооператоры. Они были закреплены за армиями, но вместе с тем каждый был в ответе за широкий участок фронта, оператор мог в зависимости от хода боевых событий принимать самостоятельные решения, действовать маневренно, не ожидая приказа. Во время войны

кинооператора можно было встретить везде и всюду: на флоте, в танковых войсках, в пехоте. Воины Красной Армии привыкли в трудную минуту видеть рядом человека с киноаппаратом. Хроникеры на линии огня, с камерой в руках—это благодаря им мы сохранили бесценную наглядную память для потомков, память, не сравнимую ни с одним устным или блистательно записанным рассказом. И глядя на эти старые, исторические кадры, всякий раз мысленно представляешь себе тот момент, когда оператор снимал, может быть, последний в своей жизни кадр. Я не могу не думать о них, о тех, кто делил все тяготы солдатской жизни и умирал как солдат на поле боя, только в руках у него вместо автомата было такое замечательное оружие—кинокамера.

Операторы шли с прославленными воинами по полям сражений, оставляя необычайно ценный исторический документ, с наглядной правдой рассказавший всему миру о Великой Отечественной, о роли советского народа в минувшей войне и о том, что пришлось ему пережить. А ведь в некоторых странах Запада есть немало таких людей, и в частности молодых, которые ничего не знают о той роли, которую сыграл Советский Союз во второй мировой войне. Многие даже не знают, что СССР и США были союзниками в этой войне.

Но, конечно, для всех, переживших войну, эти долгие годы лишений и потерь незабываемы. И особенно для нас—советских людей. Невозможно забыть чудовищные расправы над мирными жителями Хатыни, жертвы Бабьего Яра и Саласпила.

Мне довелось участвовать в сражениях под Барвенковом и Харьковом, на Курской дуге, в Белоруссии, Прибалтике, Восточной Пруссии. Пережил ожесточенные бои на Украине, под Ростовом-на-Дону и на южных подступах к Москве в 1941 году. Мои фронтовые друзья, с которыми я воевал на многих фронтах, навечно останутся в моем сердце. Живые и павшие.

Мне часто приходится бывать в Калининграде. У стен этой бывшей грозной немецкой крепости советские воины совершили один из самых выдающихся подвигов. И я всегда прихожу на братскую могилу героев, павших при штурме этой твердыни пруссачества. На могиле воздвигнут обелиск, на котором начертаны справедливые слова: «Ваше мужество было беспримерным. Ваша воля была непреклонной. Ваша слава бессмертна». У подножия обелиска всегда, в любое время года живые цветы. И с гордостью отмечаю, что приносят их не только ветераны, но и молодые, знающие войну только по рассказам отцов, по книгам, кинофильмам. И так должно быть. И мне хочется, чтобы мой строго документальный рассказ очевидца хотя бы немного послужил увековечению славы и памяти наших бесстрашных воинов, героически штурмовавших эту мощную крепость—осиное гнездо тевтонских псов-рыцарей. Ведь запавшее в нашу память величие победы—не только в камне, в меди, в бронзе... Оно в словах, в затаенных горьких чувствах, во взглядах. Оно в душах тех, кто не мог слышать разрывы бомб и видеть невероятные потери, безмерный героизм. В эти юные души зов памяти о воинах Великой Отечественной снова принесен силой нашего киноискусства.

...На полотне экрана—первые дни и недели Великой Отечественной. Идут по полям Украины, Белоруссии, Прибалтики нескончаемые колонны немецких войск, от налетов вражеской авиации горят наши родные города. Эти кадры и сейчас, когда прошло так много лет, необычайно трудно, душевно больно смотреть. Фильм с документальной точностью показывает, как советский солдат отчаянно, самоотверженно дрался, умирал, но не сдавался. Те, кто дошел до Берлина в сорок пятом, помнили принявших первый бой. Советский народ помнит их и сейчас.

В двадцати фильмах эпопеи Великой Отечественной войны есть и другие кадры, которые смотрятся с чувством гордости. Они говорят о том, что советские люди внесли основной, решающий вклад в дело разгрома гитлеровского фашизма—этой по-

стине коричневой чумы,—спасли мир от уничтожения целых народов.

Советские зрители с огромной радостью смотрят кадры фильма, на которых показано, как фашистские солдаты с искаженными страхом лицами, пригнувшись к земле, ползут в дыму; бегут по дымящейся земле, несут на плащ-палатках своих раненых и убитых, едва спасают себя от ударов наших войск. Глядя на эти кадры, невольно вспоминаешь веющие слова славного победителя немецкий псов-рыцарей Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет—от меча и погибнет!» И пусть сокрушительный разгром фашистских полчищ в Великой Отечественной послужит уроком для тех, кто все еще не уразумел эту истину.

Война. Она была самым тяжелым испытанием в жизни нашего народа. Долго был наш путь к победной дате, очень долгий. И хотя память часто возвращается к тому дню, когда мы только начали этот путь,—к 22 июня сорок первого года, хочу вспомнить самое главное в жизни нашего героического советского народа 9 мая—первый День Победы. Тогда во всех армиях фронта были проведены митинги, а в некоторых частях и импровизированные парады Победы. На одном из митингов я слушал выступления солдат и офицеров, не переставая удивляться и восхищаться: сколько же в каждом из них было скромности! Ведь они наголову разгромили самую мощную ударную силу империализма, но в речах бойцов я не услышал ни слова об их подвигах. Они просто выражали искреннюю радость, что наконец-то кончили страдания народные, что впереди их ждет мирный труд, гигантская работа по залечиванию ран, нанесенных войной.

Я смотрел на радостные лица воинов и вдруг заметил, как по лицу одного старого солдата текут слезы. Я подошел к нему и спросил:

— О чем, старина, взгрустнул в такой радостный день?

— Друга сердечного похоронил сегодня,—ответил он.—Несколько часов не дотянул до конца войны. А шагали мы с ним аж от самого Витебска! Если бы не он, не жить мне на этом свете...

Прошло уже более трех десятилетий, но каждый год в День Победы ветераны великой войны обязательно вспоминают тех, кто не дожил до этого радостного праздника. И память свою, боль свою передают молодому поколению, чтобы юноши и девушки были такими же, как они, смелыми, сильными и скромными. Чтоб умели всем своим существом и сердцем защитить товарища, грудью закрыть его от вражеского огня—и все это ради победы, во имя других новых жизней, во имя матери Родины. А живые будут вечно склонять головы перед павшими героями, называя их именами города, селения, улицы, писать книги и в песнях рассказывать об их славе и доблести.

Вспоминаю, как на параде Победы в 45-м на Красной площади у Мавзолея торжественная музыка сменилась барабанной дробью, под аккомпанемент которой к Мавзолею двинулась удивительная колонна: двести советских солдат несли склоненные до земли знамена побежденных фашистских полков и дивизий. Солдаты все тверже печатали шаг и, поравнявшись с Мавзолеем, четко повернулись к нему и швырнули вражеские стяги к его подножию. Да, они, эти знамена, попали в Москву, но не так, как мечтали фашисты, а с бесчестьем. Их принесли победители, чтобы бросить к подножию усыпальницы великого вождя пролетарской революции, завещавшего нам до последней капли крови защищать исторические завоевания Октября.

Так было, так будет всегда! Мы выстояли, мы победили!

Память о великом подвиге советского народа в Великой Отечественной войне, как и скорбь о горьких потерях, вечно будем хранить в сердцах наших!

И всегда все советские люди и мы, солдаты этой войны, будем благодарны тем мастерам искусства и литературы, кто отдал служению этой памяти искреннейшие и страстные порывы сердца, души, творческой энергии своей.

Что это было за утро 9 мая 1945 года! По-весеннему яркое, солнечное. Вся Москва высыпала на улицы—объятия, слезы, поцелуи, песни. Сам воздух, казалось, был напоен волнующим словом «победа». Свершилось! «Ум человеческий не может сразу охватить громадность события»,—писал в тот день Николай Погодин.

«Доношу,—записал в своем рапорте от 9 мая 1945-го дежурный по Московскому гарнизону майор Н. Иванов,—что за время моего дежурства произошло важное историческое событие: славной победой советского оружия закончилась Великая Отечественная война».

«Днем мне позвонили из Москвы,—вспоминал потом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков,—и сообщили, что вся документация о капитуляции немецко-фашистской Германии получе-

тствовал его новый командир подполковник Семенов,—а полпред нашего воздушного флота. Боевой опыт, кстати, вам очень пригодится.

— Разрешите вопрос, товарищ подполковник?—спросил Абдусамат.—А в сторону фронта придется летать?

— Как раз наоборот. Ваша главная задача—по возможности избегать встреч с фашистскими истребителями. Летать будете скрытно, изломанными маршрутами. Впрочем, вам не привыкать...

Ему и вправду ночные полеты были не в новинку. В 1-й авиационной транспортной дивизии ГВФ, где он раньше служил, его экипаж считался одним из лучших. Больше года совершали они ночные полеты в тыл врага. Сто десять боевых вылетов что-нибудь да значат! Возили партизанам оружие, боеприпасы, медикаменты, домой—раненых. Сколько раз уходили от фашистских истребите-

— Полетите в Лондон.

— Куда?—удивился Абдусамат.

— В Лондон,—спокойно сказал командир.—Пойдете обходным путем. Над Ираном, Турцией, арабскими странами, над Италией, западной Францией.—Он прочертил по карте извилистую линию.—На борту будет дипломатическая почта. Она не должна попасть в руки врага...

Так началась «дипломатическая» карьера Тайметова. Небо Швеции, Финляндии, Румынии, Болгарии... А война все дальше шла на запад. Все реже встречались в воздухе вражеские истребители. Мир стал дышать свободнее. Уже близка была победа. Скорее бы, скорее закончить войну!

7 мая 1945 года Тайметов прилетел из Тегерана в Москву. Дежурный по штабу передал ему приказ командира: никуда не отлучаться с аэродрома. Утром следующего дня экипаж вызвали к самолету.

Знаменем Победы. Но война еще шла. Огрызались огнем засевающие в развалинах эсэсовцы. Фашистские части, неистовствуя в свой последний час, заливали кровью восставшую Прагу.

Советское информбюро сообщало в оперативной сводке: «В течение 8 мая войска 3-го Белорусского фронта заняли населенные пункты Нойе Вельт, Фогельзанг. Войска 1-го Украинского фронта 8 мая овладели г. Дрезденом...» Бои шли на территории Германии, Чехословакии, Австрии. Жестокие бои.

Еще никто в мире не знал, что завтра наступит тишина. Но все чувствовали, что этот час близок. Ожидание чего-то светлого и радостного владело и летчиками, которые вели свой самолет на запад. Вот проплыл под крылом пепельно-серый, закопченный, в развалинах Киев. Теперь внизу—Белоруссия, куда еще недавно оба летали к партизанам.

Над Познанью они вскрыли первый

Владислав МОНАХОВ

ПОЛЕТ ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

на и вручена Верховному Главнокомандующему».

Это было после того, как на Центральном аэродроме имени М. В. Фрунзе в Москве приземлился транспортный самолет СИ-47.

О полете особой важности я впервые узнал в Ташкенте. А получилось так. Прочитал заметку в местной газете. В ней как о забавном курьезе сообщалось, что на юридическом факультете университета диплом с отличием получил... шестидесятилетний студент-заочник. Среди фактов биографического характера назывался, в частности, и такой: Абдусамат Тайметович Тайметов был первым узбекским комсомольцем, откликнувшимся на призыв 30-х годов: «Комсомолец, на самолет!»

«Это что!—сказал мне знакомый журналист, когда я, заинтересовавшись заметкой, позвонил в «Правду Востока».—Наш Тайметов—один из тех, кто в мае сорок пятого привез в Москву акт о капитуляции фашистской Германии».

Потом мы сидели с Абдусаматом Тайметовичем Тайметовым, юрисконсульт Узбекского управления гражданской авиации, у него дома за пиналой зеленого чая. Он рассказывал о себе. О том, как комсомольцем преследовал в горах банды последнего курбаша Ибрагим-бека, как учился летать в школе ОСОАВИАХИМа, как осваивал первые воздушные линии в Средней Азии, о том, как началась война, о своей службе...

1 января 1945 года лейтенанта Абдусамата Тайметова отозвали с фронта в Москву. Он был назначен в 19-й полк особого назначения ГВФ, базировавшийся на Центральном аэродроме. Война уже катилась к концу, и Абдусамат с горечью думал о том, что не придется ему вести свой самолет над поверженным Берлином, другим достанется эта часть. В полку Тайметову выдали иностранный паспорт.

— Теперь вы не просто летчик,—на-

лей, финтили, путали следы, но отрывались от преследования. Бывало, возвращались на аэродром с изрешеченными плоскостями, дымящимися моторами.

Однажды партизаны сообщили в Центр: нужен самолет—забрать раненых. Взяли тогда на борт полторы тонны груза, полетели. Шли, как всегда, зигзагом, то резко опускаясь к лесу, почти касаясь верхушек сосен, то прячась в облаках. Коридор из костров нашли быстро. Внизу шел бой. Выстрелов не было слышно, но воздух чертили траассирующие пули—это, конечно, немцы! Самолет сел на лесной аэродром и, попрыгав на кочках, развернулся, не выключая мотора.

От телег, покрытых рогожей, к летчикам быстро шел бородатый человек в фуфайке и папаче.

— Ковпак,—представился он и крепко пожал им руки.—Как там, на Большой земле?

— Идем к победе, Сидор Артемьевич,—сказал Тайметов.

— Да, идем,—задумчиво произнес Ковпак и взглянул на часы.—Но не будем мешкать—каратели наседают. Давай грузить раненых. Сколько человек сможешь взять?

— Тридцать от силы. Больше не могу, Сидор Артемьевич, хоть убейте. Не подниму самолет.

— Добро... Ребята, несите раненых! Самолет Тайметов оторвал от земли с трудом. До Москвы дошли без приключений. Стали выгружать раненых партизан. «Десять... Двадцать...—считала медсестра.—Ой, товарищ Тайметов!—вскрикнула она вдруг.—Как мы не заметили? Их же сорок три!» Ай да Ковпак! Схитрил—таки по-партизански!

Тайметов вспоминал о нем с теплотой.

— Лейтенант Тайметов, к командиру! Командир полка подполковник Семенов ждал нового пилота в своем кабинете.

У транспортной машины стоял часовой. Здесь же Тайметов встретил полкового инженера.

— Все готово к полету,—доложил он.

— Куда летим?—спросил Абдусамат.—Да, а часовой тут зачем?

Инженер развел руками.

— Приказ. А куда—не знаю. Самому все удивительно.

Тайметов привычно уселся в командирское кресло, недоумевая, куда запропастился второй пилот и почему дежурный по штабу не несет документы: задание на полет, карту маршрута, прогноз погоды. Тут он увидел, что рядом с самолетом тормознули две «эмки». Из них вышли генералы и какие-то люди в штатском. Часовой, сделав карабином «на караул», пропустил их к самолету. Когда дверцы захлопнулись, в пилотскую кабину вошел подполковник Семенов.

— Ну, что глаза таращишь?—усмехнулся он.—Я тоже знаю не больше твоего. Садись—ка на место второго пилота, сегодня вместе летим. И держи пакеты. Первый вскроем у границы Польши и Германии, над Познанью. Второй... Второй только в том случае, если приказ на это будет в первом. Понял?

Командир надел наушники:

— Пршу разрешения на взлет!

Транспортный самолет СИ-47 полка особого назначения поднялся в воздух с Центрального аэродрома и взял курс на запад.

Это произошло 8 мая 1945 года в 9.00.

Над Москвой висела свинцовая облачность, моросил дождь. На высоте триста метров небо просветлело. Солнце, поднимавшееся с востока, светило им в спину, словно тоже торопилось вслед за ними, туда, на запад—скорее рассеять тьму.

8 мая сорок пятого... Последний день войны. Уже неделя, как советские войска заняли Берлин. В газетах появились фотографии красного флага, реющего над рейхстагом. Флага, который назовут

пакет. «Выпустить три красные ракеты,—гласил приказ.—Если с полевого аэродрома поднимется девятка истребителей сопровождения, вскрыть второй пакет. В противном случае—сидеть».

Все девять истребителей, едва Тайметов выстрелил из ракетницы, запустили двигатели и, подняв желтую пыль, взлетели, быстро пристроившись к СИ-47.

— Вскрывать второй пакет,—сдерживая волнение, сказал командир.

Тайметов торопливо сорвал сургучные печати.

— Курс на Берлин, товарищ подполковник! Вот, смотрите... А все-таки прилечу я в проклятое логово!

Генерал-лейтенант авиации в отставке, бывший заместитель министра гражданской авиации СССР Алексей Иванович Семенов принял меня в домашнем кабинете. «Жив, значит, курилка?—говорил он, читая привезенное мной из Ташкента письмо Тайметова.—Что, университет закончил? Вот это по-нашему, узнаю Абдусамата!..»

На письменном столе генерала стояла модель транспортного самолета. «СИ-47?»—спросил я. «Да, тот самый и есть,—сказал Алексей Иванович.—На нем мы и летели в Берлин в мае сорок пятого. Фотография? Увы, нет. До того ли было? Да и не думал в тот день никто лично себя запечатлеть для истории. У нас одно на всех желание было—прилизить час победы».

Семенову было двадцать пять, когда началась Великая Отечественная. Получив ЛИ-2, стал летать к линии фронта. В отличие от других пилотов ГВФ он имел опыт боев с белофиннами, носил на кителе орден Красного Знамени.

Все четыре военных года провел Семенов в воздухе. И когда его спрашивают, какие боевые задания были самыми трудными, он вспоминает полеты в осажденный Ленинград. Город уже был в кольце блокады. На исходе боеприпа-

сы, продукты, топливо. Семенов водил туда эскадрилью транспортных самолетов, чье вооружение — лишь пулеметы. Летали каждый день. До Ленинграда — один час сорок минут пути. На подходе к городу, над Ладожским озером, их стерегли фашистские истребители. С потерями, но пробивались к цели. Летчики перед стартом набивали карманы хлебом и конфетами — для ленинградских детей. Летали до декабря 41-го, пока лед не сковал озеро и не была проложена «Дорога жизни».

— В том же декабре, — рассказывал Алексей Иванович, — в ночь на новый, 1942 год мой экипаж получил специальное задание. Мы пронесли над улицами оккупированного врагами Смоленска и окрестных сел, разбрасывая газету «Правда». В ней была напечатана речь товарища Сталина на торжественном заседании в честь 24-й годовщины Октября... А потом, помню, лечился в Сочи после ранения. Стою в очереди к газетному киоску. Слышу разговор. «А знаете ли вы, — рассказывал молодой человек со шрамом на щеке, — что такое газетная голодовка? Так слушайте. Создали мы в сорок первом в смоленских лесах партизанский отряд. А рации нет! Фашисты трубят: взяли Москву, а мы как глухие... И вдруг эта газета с неба! Сколько сил влила она в нас! Москва живет, Москва дерется! И еще злее стали мы воевать в тылу...»

Генерал задумался, глядя на модель самолета, и продолжал:

— Когда наши войска прорвали оборону врага между Невелем и Витебском, довелось мне побывать дома. Это я уж так говорю — «побывать»... В сожженной дотла моей деревне Тесалы на Витебщине — я ведь белорус — встретил родную мать. Жила она в землянке, как и другие односельчане; отца и брата в живых не застал — погибли в партизанах. Проклятые фашисты, как хотелось им мстить! И когда в мае сорок пятого мы летели над поверженным Берлином, счастливей нас, наверное, не было людей...

Километров за семьдесят до цели летчики увидели огромное, во все небо красно-пальевое облако и догадались: Берлин!

Вот она, зловещая столица третьего рейха, где вытворяли «операция Барбаросса», директива «мрак и туман» — планы захвата и агрессии, уничтожения десятков миллионов людей, где высчитывалась производительность душегубок и пропускная способность крематориев. Промелькнул под крылом посеченный снарядами парк Тиргартен, пропалло массивное здание с дырявым куполом, на котором пульсировала алая точка. «Рейхстаг, — определил Семенов. — Смотри, Абдусамат, вот оно, Знамя Победы!»

С большим трудом разыскали они изрытый воронками берлинский аэродром Темпельгоф, зашли на посадку. Когда самолет остановил свой бег, неожиданно грянул военный оркестр. Под звуки марша пассажиры сошли по трапу на землю. Сквозь коридор офицеров навстречу прибывшим из Москвы спешили генерал армии В. Д. Соколовский, командант Берлина генерал-полковник Н. Э. Берзарин, член Военного Совета 5-й ударной армии генерал-лейтенант Ф. Е. Боков и другие представители нашей армии.

Самолет отрулил на стоянку. Экипажу было приказано никуда не отлучаться до особого распоряжения.

ИЗ РАССКАЗА А. Т. ТАЙМЕТОВА:

— На аэродроме развеивались флаги союзных держав. Летное поле еще недавно было местом ожесточенных боев. Обломки стрелов, крошево немецких самолетов... Меж железобетонных до-

рожек пробивалась майская трава. В воздухе — зной; вокруг — туманный силуэт Берлина. Слышим — зажужжали наши истребители: поднялись навстречу «дугласам», идущим на снижение. На борту, как мы позже узнали, были союзники — представитель Верховного командования экспедиционных сил союзников английский главный маршал авиации Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал Спаатс и главнокомандующий французской армией генерал Детлар де Тассини.

ИЗ РАССКАЗА А. И. СЕМЕНКОВА:

— И вот наконец опустился четвертый «дуглас». В нем были доставлены представители разгромленной фашистской Германии. Они шли тесной кучкой, держась с какой-то деревянной напряженностью. По сторонам не оглядывались — чтобы не видеть горящего Берлина, дела своих рук. Фельдмаршал Кейтель прошел в нескольких шагах от нас. В темно-сером реглане, монокль в глазу, в руке маршальский жезл, лицо бледное, пошло пятнами. За ним, пожуравлиному переставляя ноги, шагал адмирал флота Фридебург, следом генерал-полковник Штумпф... Их имена мы узнали назавтра из газет. Но догадывались в ту минуту, что это за птицы.

С аэродрома Темпельгоф, расположенного на юге Берлина, вереница легковых автомашин в сопровождении охраны двинулась по улицам сожженного и разрушенного города в восточную его часть — Карлсхорст.

— А знаете, товарищ командир, — сказал Семенову Тайметов, — у меня такое чувство, что сегодня должно произойти что-то очень важное.

Командир обнял его за плечи. — Эх, Абдусамат, Абдусамат... Ты что же, не узнал нашего главного пассажира? Ну, пожилого, в очках? Это Вышинский. Андрей Януарьевич. Заместитель наркома иностранных дел. Соображайешь?

Было три часа дня. Темпельгофский аэродром опустел. Уставшие от бессонных ночей летчики задремали на чехлах от двигателей. Когда проснулись, уже вечерело. Но их как будто никто не собирался тревожить. Это нервировало — отвыкли на войне от какой-либо праздности. Дежурный офицер принес им ужин. Он весь светился, точно невеста перед венцом. Наверное, знал что-то такое, о чем говорить не имел права, хотя видно было, что ему до ужаса хочется поделиться новостью. Но летчики спрашивать не стали. Офицер на прощание со значением пожал им руки, сказав обещающее: «Ждите».

В это самое время в Карлсхорсте, в двухэтажном здании бывшей столовой военно-инженерного училища, готовили зал к исторической церемонии.

Ровно в 24 часа в зал вошли Г. К. Жуков, А. Я. Вышинский, К. Ф. Телегин, В. Д. Соколовский, представители от союзного командования Теддер, Спаатс, Детлар де Тассини. За столами, покрытыми зеленым сукном, расположились советские генералы, войска которых вынудили врага к безоговорочной капитуляции. Советские и иностранные журналисты приготовили свои блокноты.

— Мы, представители Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил и Верховного командования союзных войск, — заявил, открывая заседание, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, — уполномочены правительствами антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого командования.

В зал ввели генерал-фельдмаршала Кейтеля...

ИЗ РАССКАЗА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА В ОТСТАВКЕ Ф. Е. БОКОВА:

— У Кейтеля, мне показалось, глаза были белыми от злобы и бессилия. Он выглядел стариком. Нервически сжимая маршальский жезл, Кейтель шел не спеша, стараясь сохранить достоинство. И вдруг смертельно побледнел, увидев под ногами знакомый ковер, по которому на днях еще входил в ставку Гитлера. Этот ковер — наверное, не без умысла — доставили сюда из имперской канцелярии наши солдаты-разведчики.

В 0 часов 50 минут заседание, на котором была принята безоговорочная капитуляция, закрылось. Потом был прием в честь Победы. Сколько искренних, выстраданных слов было сказано! Песни, танцы... Маршал Жуков тоже не утерпел, пошел вприсядку. Не забуду один его тост: «Я поднимаю бокал за наших доблестных союзников, которые очень много сделали для нашей Победы. И передаю им привет от русского солдата, который прошел от Москвы до Берлина!» Потом, рассказывали мне, иностранные корреспонденты выспрашивали у Константина Симонова: «Как надо понимать тост маршала Жукова?» Симонов, немного подумав, ответил: «А пишите так, как сказал!»

А летчики спали. И снились им совсем не мирные сны — забыли мирные. Во втором часу ночи раздался автомобильный гудок. Выскокший из «джипа» полковник заколотил в стекло кабины, крикнул:

— Выходите из самолета! Да скорее же, хлопцы!

Когда они прыгнули на землю, полковник шагнул им навстречу и обнял по очереди каждого члена экипажа: подполковника А. Семенова, лейтенанта А. Тайметова, штурмана В. Калинина, бортрадиста В. Гордиенко, бортмеханика И. Демина.

— Поздравляю с Победой! — сказал он и перешел на официальный тон. — Командование приказывает вам немедленно вылететь в Москву. Возьмите на борт корреспондентов. А это, — полковник сделал торжественную паузу, — документы о капитуляции Германии и фотографии для московских газет. Ну, счастливо! — не выдержал он. — Привет столице.

Через несколько минут самолет поднялся в воздух, еще отдававший гарью. Взлетели с зажженными фарами — впервые за войну. Когда самолет набрал высоту, небо озарилось сполохами. «Зенитки?» — всполошились летчики. Догадка заставила их рассмеяться: это, конечно же, палили на радостях солдаты-победители. Трудно передать чувства, переполнявшие души летчиков. Они везли в Москву мир!

Москва не спала в ту ночь. Никто не спал, не мог, не хотел спать. Весть о Победе родилась в ночной час. Ее ждали. И когда диктор объявил по радио, что передачи будут продолжаться до половины четвертого утра, все жадно прильнули к рупорам.

В два часа десять минут наступил торжественный миг. Радио сообщило: Победа! Верховным Главнокомандующим отдан последний приказ войны — № 369.

«Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту. 8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции вооруженных сил. Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских за-

хватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена!»

Летчики, слушая в кабине слова Левитана, пытались представить, что творится сейчас там, в Москве. Сначала люди, наверное, засмеялись, а потом заплакали...

Самолет летел не зигзагами, как обычно, а по прямой. Курс — на восток, навстречу солнцу. Непривычно было лететь в полной тишине, не слыша хлопков зениток. Самолет летел над землей, на которой уже не было войны.

На рассвете 9 мая транспортный СИ-47 приземлился на Центральном аэродроме имени М. В. Фрунзе. Исторический груз был передан представителю Верховного Главнокомандующего. Едва состоялся акт передачи, как корреспонденты, не мешкая, ринулись в свои редакции диктовать написанные в самолете репортажи, тоже исторические. А летчиков долго качали друзья. «Побе-е-да!»

Москва ликовала, и летчики смешались с праздничной толпой. Первой мыслью у них было идти к Мавзолею Ленина, на Красную площадь. Это желание испытали тысячи людей. Человеческое море плескалось у Мавзолея. Победа! Как волнующе звучало это слово — Победа! Прими же ее, героический советский народ! «Не помню я Москвы такой красивой людьми, как в этот день», — заметил писатель Борис Агапов.

Невысокий, сухопарый человек с черными живыми глазами легко взбегаю по лестнице на третий этаж здания Узбекского управления гражданской авиации. «Не привык к лифту», — улыбается он. Вот ведь характер! Он и юридический факультет на старости лет закончил, чтобы только поближе быть к самолетам. Какой уж тут курьез... После войны Тайметов еще долго летал. Осваивал новые воздушные линии в Средней Азии. Командовал авиаподразделением, был начальником Ташкентского аэропорта. Теперь вот — юристконсульт.

Судьба его командира тоже замечательна. Через несколько дней после памятного полета в Берлин Семенов участвовал в разработке мирной операции — полета группы самолетов в США, в Думбартон-Окс. Предстояло доставить туда делегацию СССР на международную конференцию по выработке Устава ООН. В том же сорок пятом возил московских динамовцев в Лондон и обратно — с победой над «непобедимым» футбольным клубом «Кардиф-сити». Об этой серии матчей много писали тогда все газеты мира: истосковались за войну по футболу люди!.. Потом довелось Семенову организовывать постоянные воздушные трассы, соединяющие Москву с Берлином, Варшавой, Прагой, Веной, Белградом, Бухарестом, Софией, Кабулом, Улан-Батором, Хельсинки, Тегераном. А в 1956-м он руководил перелетом первого пассажирского реактивного лайнера ТУ-104 из Москвы в Нью-Йорк.

Сейчас мне приходит на ум мысль о том, почему до сих пор никто из журналистов не разыскал Алексея Ивановича Семенова (благо, искать-то было несложно — заместитель министра гражданской авиации СССР), не посидел за пиалами зеленого чая с Абдусаматом Тайметовичем Тайметовым, чтобы послушать истории поистине удивительные?.. А ведь есть тому объяснение. Оно — в великой скромности ветеранов, в глубоком и искреннем их убеждении, что ничего такого замечательного они на войне не совершили, вот другие — это да-а-а...

Давным-давно в далеком горном кишлаке Чернак жил комсомолец по имени Абдусамат, а в белорусской, затерянной в лесах деревушке Тесалы — другой, Алеша. Там ими сейчас гордятся.

ВЕСЬ ЖАР ДУШИ

Рассказ об Алексее Кожарине, разыскивавшем более 400 ветеранов 329-й стрелковой дивизии, однопольчан своего отца

Ночью опять снилась война... Мучительней всего было то, что опять и опять, как двадцать лет назад, он явственно видел, как медленно, угрожающе разворачиваются башни фашистского бронепоезда, вперились прямо в его орудие, и теперь вся надежда была на это орудие, на верную и безотказную 76-миллиметровую пушку, на «родную Маруську», как называли ее бойцы, и она не подвела — ахнула по бронепоезду на секунду или две раньше врага. Кожарин видел тоненькую струйку дымка, потянувшего из зияющей раны бронепоезда, а потом вдруг весь мир разом потонул для него во мраке. Это из-за реки ударил по их батарее фашистский миномет, первый же снаряд отбросил Кожарина от орудия, и он очнулся только в медсанбате, через несколько дней, далеко от передовой, со страшной болью в голове и предлечь. Очнулся контуженный, слепой.

Он ослеп в девятнадцать лет. Потом было много госпиталей и медсанбатов, множество операций. Иной раз казалось, что боль — главное его состояние. Жизнь и боль стали для него нерасторжимы, но в конце концов молодой организм взял свое, в правом глазу забрезжила жизнь, и хотя все вокруг было мутным и раздвоенным, непонятным, незнакомым, но это ничего не значило по сравнению с величайшей радостью: я вижу! Вижу!

С тех пор он видит только правым глазом. Острота зрения минимальная — 0,08.

Левый не видит совсем. ...Снова и снова снится ему тот бой в далеких белорусских лесах, одиночество фашистского бронепоезда и тщедушной «Маруськи», выстрелы, взрывы, леденящие душу завывания минометных снарядов, и каждый раз во сне, как тогда, в ноябре 1943 года, Кожарин со страшной и неумолимой силой вновь переживает острое ослепление взрывом, который отбросил его от орудия и поверг во мрак на долгие годы.

Еще много, бесчисленное количество раз слеп он в своих послевоенных снах. Война не отпускала его. Она жила в нем снами, воспоминаниями, болью, раздумьями...

Однажды ему попалась на глаза книга генерала Белова «За нами Москва», он не смог удержаться, листал весь вечер, напрягал зрение, вглядываясь и вчитываясь в строки. Правый глаз натруился до ноющей рези в висках — боль всегда отдавалась у него в висках, и хотя сам Кожарин не воевал под Москвой, он каждый раз остро, чутко откликался душой на описание боев под столицей. Это была его вторая, горькая и неизбывная боль — боль сына за своего отца, Антона Яковлевича Кожарина, солдата, пулеметчика, пропавшего без вести под Москвой.

Сын стонал во сне, крутил ручку наводки, брал Ельню, валялся в госпиталях, слепнул и снова прозревал, подбивал фашистские танки, вместе с отцом шел в атаку под Рузой и Можайском и только одного состояния не мог пережить до конца — состояния солдата, который пропал без вести.

Как могут пропадать солдаты без вести? Может, это просто живые не знают всех обстоятельств, при которых солдаты отдают жизнь за Отечество? Значит, все дело в нашей памяти, в нашей совести, в нас самих.

Все дело в живых. Кожарин проснулся. Во сне видения войны слились в настоящий калейдоскоп — отец, собственное ранение, вой снарядов, госпиталь в Горьком, штыковая атака, возвращение в родной Борисоглебск инвалидом войны с двумя орденами на груди — Отечественной войны и Славы, — и все это выпало на его долю в девятнадцать лет... Он вытер тыльной стороной ладони пот со лба, осторожно, чтобы не разбудить жену, поднялся с постели.

— Леша, ты чего? — Татьяна, спавшая всегда очень чутко, приподнялась на локте.

— Спи, спи... — успокоил ее Кожарин. — Душно что-то...

Он подошел к окну. Над элеватором мирно и тихо покачивалась луна, желтый ее круг расплывался перед взглядом Кожарина, но он все-таки видел в ночной тишине луну, видел мир. Хоть и плохо, слабо, но он видел, как все вокруг дышит покоем, умиротворением, — после войны прошло уже двадцать лет, и только сердце его болело, ныла душа, и не было им успокоения...

Алексей посмотрел на спящую жену. Он счастлив с ней, у них двое ребятишек — сын Олежка и дочь Оленька, и все-таки сердце у него не раз сжималось от непроходящей горечи. Фашистская бомба точным попаданием разрушила родительский дом Татьяны. Погибли мать, сестры и братишки...

Война. Опять эта проклятая война... Кожарин подошел к детям, присел на кровать сына. Что знает сын о войне? И захочет ли он когда-нибудь узнать всю правду о ней, или она останется для него просто словом — война? И что знает сын о своем родном отце?

Этот вопрос вдруг отозвался в душе Кожарина острой болью. Нет, не потому, что он представил сына равнодушным к своим собственным страданиям и размышлениям. А потому, что он вдруг прямо и беспощадно спросил самого себя: а что ты знаешь о своем отце?!

Только то, что отец пропал без вести. И на этом ты успокоился?

Нет, он никогда не успокаивался, он носил в себе боль и тревогу, но и эта боль и эта тревога были какими-то бездейственными, замкнувшимися в себе, они подтачивали его изнутри так же сильно, как мучили сны о боях на Смоленщине и в Белоруссии. И это мучительное состояние никогда не давало ему покоя. Никогда...

Но какой же выход из этого состояния?

Он уже знал этот выход. Он его уже нащупал. Еще вчера вечером, читая воспоминания генерала Белова, он вдруг почувствовал, как по телу его пробежал легкий озноб. И, еще не веря себе, быстро подошел к шкафу, где хранились отцовские письма, и по штемпелю последнего письма — 25 мая 1942 года — определил, что отправлено оно как раз из тех мест, где

Рисунок Владимира ДЕЛБЫ

сражался 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Белова. А ведь об этих боях на Смоленщине генерал писал довольно подробно...

Значит... Значит, достаточно найти людей, которые сражались с отцом в 329-й стрелковой дивизии в апреле 1942 года, и тогда, возможно, приоткроется тайна гибели отца.

Но как найти этих людей? И возможно ли это? Ведь нужно найти однопольчан, которые были рядом с отцом, знали его лично, вместе сражались. Можно ли разыскать их через двадцать лет после окончания войны?

Растревоженным ложился спать в тот вечер Алексей Кожарин. Хотелось быстрее дождаться утра и сразу же, не откладывая дела в долгий ящик, начать розыски. Особенно не давала покоя одна навязчивая мысль: почему он не сделал этого раньше? Почему он твердо решил искать отца только сейчас, в 1963 году, после прочтения книги генерала Белова «За нами Москва»?

Да потому, в сущности, что не с чего было начинать, не за что зацепиться. И эта мысль хоть немного, но успокаивала Алексея.

Он посидел еще около детей, и близость Олежки и Оленьки, сладкие их причмокивания во сне не просто подтолкнули его к размышлениям о собственном сыновнем долге перед отцом, но еще раз утвердили в решении: с завтрашнего дня начинается новая полоса в жизни — поиски отца, поиски фактов и людей, которые бы точно подтвердили гибель отца. Подтвердили или... Это «или» может означать только одно: а вдруг отец жив? Мало ли что случается на белом свете...

«329-я стрелковая дивизия была сформирована в сентябре — октябре 1941 года на территории Воронежской области. В декабре того же года дивизия в составе 5-й армии Западного фронта (командующий генерал-лейтенант артиллерии Л. А. Говоров) принимала участие в контрударе советских войск под Москвой и освобождала от немецко-фашистских захватчиков Рузский и Можайский районы Московской области. В конце января 1942 года дивизия в составе ударной группировки 33-й армии под командованием генерала М. Г. Ефремова прорвала оборону противника в районе железнодорожной станции Износки Калужской области и, гремя тылы врага, дошла до города Вязьма Смоленской области. С середины февраля до середины июня 1942 года дивизия находилась в составе группы войск генерала П. А. Белова (первый гвардейский кавалерийский корпус) и совместно с частями 4-го воздушно-десантного корпуса в течение пяти месяцев вела бой в тылу врага на территории Смоленской области, освободив город Дорогобуж и его окрестности. 15 июня 1942 года дивизия вышла из тыла врага...»

Но вышел ли из вражеского тыла отец Алексей — Антон Яковлевич Кожарин? По какому пути начать поиск? Куда писать? Какие люди и организации могут помочь в деле розыска?

Сейчас многое кажется ясным и поразительно простым, а тогда, в 1963 году, шестнадцать лет назад, Алексей Кожарин не знал еще ничего, и не было у него под рукой этой справки, которая теперь подшита у него в одной из многочисленных папок.

Итак, дивизия, в которой воевал отец на Смоленщине, соприкасалась с кавалеристами, десанниками и, конечно же, с партизанами, потому что бои шли в тылу врага. Алексей Кожарин написал прежде всего в Смоленский обком партии. Из партархива обкома ответила замечательная женщина Зоя Парамонова. Нет, она не назвала людей, которые вместе с отцом Кожарина участвовали в боевых действиях: в 1942 году на Смоленщине шла ожесточенная борьба с врагом, и очень немногие из партизан остались в живых, а тех, кто знал Антона Яковлевича Кожарина лично, не осталось совсем. Дело в другом — в отзывчивости, в чуткости, в участливости Зои Парамоновой. Это она подсказала Алексею Кожарину тот единственно верный путь, по которому ему нужно было вести поиск. И все последующие годы она внимательно следила за поисковой работой Кожарина и помогла ему не одним советом, не одной дружеской подсказкой.

Кожарин написал в Москву. Через адресное бюро нашел начальника разведки 1-го кавалерийского корпуса Кононенко — о нем упоминает в книге «За нами Москва» генерал Белов. Кожарин надеялся, что Кононенко, бывая в штабе 329-й стрелковой дивизии (с марта 1942 года А. Я. Кожарин был переведен из пулеметной роты в штаб дивизии), встречался с его отцом. Кононенко ответил, что не был знаком по делам службы с Антоном Яковлевичем Кожариным. Тогда Алексей обратился в Главное управление кадров МО СССР с просьбой сообщить ему, жив ли бывший начальник штаба 329-й стрелковой дивизии. А сам тем временем начал давать объявления в районных газетах Воронежской области, где когда-то формировалась дивизия, с призывом к ветеранам откликнуться. К тому времени он уже достаточно хорошо знал боевой путь дивизии и вкратце описывал ее героическое прошлое, а в декабре 1965 года в газете «Ленинский путь» города Калача, где он теперь проживал с семьей, Алексей напечатал свою первую статью о земляках-воронежцах — защитниках Москвы в суровую зиму 1941 года. И вскоре Алексею Кожарину стали приходить письма. Земляки Кожарина, воевавшие под столицей, писали, что никто из них не считает себя героем, это было их святой обязанностью — защищать Родину, и они честно выполнили свой долг. Самое удивительное, многие из них даже не подозревали о том, что награждены медалью «За оборону Москвы», да Кожарин и сам не знал об этом до поры до времени, а когда получил из Москвы официальное подтверждение о том, что все воины 329-й стрелковой дивизии, участвовавшей в боях под Москвой в декабре 1941 года, имеют право на награду, сделал очень многое, чтобы каждая медаль нашла своего законного хозяина.

...А между тем из Главного управления кадров ответили, что первый начальник штаба 329-й дивизии Сердюченко Степан Митрофанович погиб 28 февраля 1942 года, а сменивший его Семенов Леонид Николаевич прошел всю войну, но в 1957 году скончался.

Кто же еще мог знать отца по работе в штабе дивизии? Может быть, сам командир дивизии когда-нибудь сталкивался с ним и помнит его? А жив ли он, командир дивизии? И удобно ли обращаться к генералу по поводу судьбы обыкновенного старшины?

Но выхода не было, и Алексей Кожарин снова написал в Москву. К счастью, первый командир дивизии генерал-майор Маковчук оказался жив, но в ответе на запрос Кожарина он с сожалением писал, что ничего о судьбе старшины Кожарина Антона Яковлевича сказать не может.

В 1966 году «Комсомольская правда» опубликовала очерк Ольги Кожуховой, в котором она — бывшая медсестра 329-й стрелковой дивизии, а ныне известная писательница, автор многих военных повестей и романов, — рассказала о боевом пути родной дивизии. Алексей Кожарин тотчас написал Ольге Кожуховой, между ними, как уже со многими сослуживцами отца Кожарина, завязалась теплая переписка, продолжающаяся по сей день. Ольга Кожухова тоже ничего не смогла сказать Кожарину о судьбе его отца, но она, как и многие другие ветераны 329-й стрелковой дивизии, всем сердцем откликнулась на упорные поиски Кожарина, а кроме того, была искренне удивлена тем, как глубоко знает боевой путь 329-й дивизии Алексей Кожарин, — пожалуй, сейчас он был единственным человеком, к кому тянулись многие нити из тех, которые, казалось, уже давно были потеряны самими однополчанами.

В самом деле, еще сам не осознавая этого, Алексей Антонович постепенно становился своеобразным

центром, через который однополчане отца начали находить друг друга, завязывать переписку, узнавать, кто, как и чем живет после войны...

Сейчас это может показаться странным, но до 1963 года никто из ветеранов 329-й стрелковой дивизии даже не знал о взаимном существовании, а с 1963 по 1970 год Алексей Антонович Кожарин отыскал уже около 100 ветеранов дивизии. Больше того, очень многим людям — родным и близким погибших — он помог найти могилы их отцов, братьев и сыновей, отдавших жизнь за Родину в боях под Москвой. Сотням воинов Алексей Кожарин — и только он — помог обрести заслуженные ими награды. Многим ветеранам помог найти их боевых друзей, встретиться через 30—35 лет после жестокого боя, который, как сами они считали, был для каждого из них последним.

Вот несколько характерных историй, ставших известными благодаря поисковой работе Алексея Антоновича Кожарина.

История первая

Однажды в смоленской областной газете «Рабочий путь» под рубрикой «Розыск продолжается» Алексей Кожарин прочитал объявление: «Великолепова Клавдия Алексеевна из Липецка разыскивает своего мужа — бывшего топографа штаба 329-й стрелковой дивизии, старшего сержанта Великолепова С. Н.». Фамилия эта показалась Кожарину знакомой, и он тут же написал Клавдии Алексеевне письмо о том, что постарается ей помочь в розысках мужа. В тот же день он написал еще три письма — фельдшеру Новиковой Марии Калиновне, начальнику разведки Останину Ивану Тимофеевичу и машинистке штаба дивизии Ивановой Елене Алексеевне, — спрашивая, не знает ли кто-нибудь из них хоть что-то о судьбе бывшего топографа штаба. Ответила Ивановна: «Дорогой Алексей Антонович, я вам как-то писала, что в 1942 году в селе Сергеево (бывшее Всходовское, ныне Угранского района) рядом с военным госпиталем видела могилу с дочечкой, на которой была написана фамилия Великолепова С. Н., посмотрите, пожалуйста, мои письма». Алексей Кожарин стукнул себя по лбу: вот, оказывается, откуда ему знакома эта фамилия! Внимательно перечитав письма Ивановой, он действительно обнаружил в одном из них описание этого случая (в то время Кожарин интересовался госпиталями — вдруг отец лежал где-нибудь раненый и кто-нибудь встречал его в госпитале?). В 1942 году Е. А. Иванова даже просмотрела госпитальный журнал, и в нем четко была зафиксирована смерть Великолепова. Кожарин тут же написал обо всем жене погибшего бойца и сообщил ей адрес бывшей машинистки штаба дивизии Ивановой. Из переписки с ней Клавдия Алексеевна узнала подробности смерти своего мужа. Оказалось, он был тяжело ранен 17 марта 1942 года, и уже 25 марта Иванова видела близ госпиталя холмик и дочечку с его инициалами. Теперь Великолепова знала точно, что ее муж не пропал без вести, а скончался от тяжелого ранения. На ее запрос Угранский военкомат дал ответ, что останки старшего сержанта Великолепова С. Н. перенесены в село Всходы в братскую могилу, где похоронено 7,5 тысячи солдат, две тысячи из которых — безымянные герои войны. Так через тридцать с лишним лет вдова солдата нашла могилу своего мужа. И первые ее слова благодарности были адресованы Кожарину: низкий поклон тебе, дорогой Алексей Антонович, и спасибо судьбе, что есть такие, как ты, люди на свете!

История вторая

В одно из своих посещений Воронежского краеведческого музея Кожарин заинтересовался хранящимися там выписками Ольги Кожуховой, которые она сделала в архиве Министерства обороны СССР, работая над военным романом. Одна из выписок показала особенно любопытной Кожарину: уроженец Калачеевского района Воронежской области Щербина Николай Семенович, совершив в ночь со 2 на 3 марта 1942 года с двумя товарищами глубокий рейд в тыл врага и собрав для нашего командования ценнейшие сведения о сложившейся военной обстановке, был представлен к высокой награде — ордену Красной Звезды, но по неизвестным обстоятельствам так и не получил награду. Вернувшись домой, в город Калач, Кожарин просмотрел все копии мобилизационных списков Калачеевского района (это 3,5 тысячи солдат!) и обнаружил в них похожую фамилию — Щербин Н. С. Но тот ли это человек, о котором писала Ольга Кожухова? Кожарин обратился в адресное бюро, откуда ему сообщили, что, к сожалению, в Калачеевском районе нет жителя ни с фамилией Щербин Н. С., ни с фамилией Щербина Н. С. В ноябре

1969 года Кожарин публикует в районной газете «Ленинский путь» статью, посвященную годовщине битвы под Москвой, и в конце ее рассказывает о подвиге калачеевского солдата, не забыв упомянуть о том, что вот уже более 25 лет его ждет высокая награда. И вдруг Алексею Антоновичу Кожарину звонит из села Манино начальник военно-учетного стола: живет у нас Щербин Николай Семенович, не тот ли это солдат, которого вы ищете? Стали выяснять: Щербинин Н. С. действительно сражался под Москвой, но о том, что его представляли к награде, никогда не слышал. Кожарин написал в Москву в Главное управление кадров МО СССР: разберитесь, пожалуйста. Оттуда присылают выписку из приказа генерала Жукова о том, что к награде был представлен именно Щербинин Николай Семенович. Вот почему так долго не могла награда найти героя: в одном списке он значился как Щербина, в другом как Щербин, а в действительности фамилия его Щербинин! 30 апреля 1970 года на торжественных проводах новобранцев в армию, на которые пригласили и Щербинина, военком неожиданно для всех огласил приказ военного времени и приколот к груди старого солдата орден Красной Звезды. Привыкший всегда держаться в тени, неразговорчивый, потерявший к тому времени зрение, Николай Семенович никак не мог сдерживать слезы и трясущейся рукой все поправлял и поправлял на груди орден. Никак не мог понять он, откуда это люди узнали о том, что давным-давно — 28 лет назад — ходил он в глубокий тыл врага и честно выполнил приказ командования. И вот теперь он стоял на трибуне, плакал и улыбался, а мимо проходили притихшие, серьезные новобранцы села Манино. И один из них сказал солдату: «Дядя Коля, ты не думай, мы не подведем тебя — будем служить достойно...»

А где-то в толпе провожавших скромно стоял и радовался за солдата Алексей Антонович Кожарин.

История третья

Была в 329-й стрелковой дивизии медицинская рота, которой командовала военврач третьего ранга Мария Дмитриевна Каткова. Под началом у нее служило немало отличных девчат-медсестер, но особенно сдружилась она с Риммой Орловой — боевой, веселой, никогда не унывающей блеслой девчонкой. Кстати, именно Римма послужила впоследствии прототипом для образа медсестры Марьяны в известном романе Ольги Кожуховой «Ранний снег».

В одном из тяжелых боев под Москвой Мария Каткова вместе с частью дивизии оказалась в окружении, и с тех пор никто больше ничего о ней не слышал. Однажды Кожарин, беседуя с ветераном 329-й дивизии Николаем Гавриловичем Лебединским, который тоже попадал в окружение, услышал от него, что в плену, в концлагере под Вязьмой, он не раз видел, как раненым солдатам таким оказывала помощь молоденькая врачиха и будто бы это была точно, голову на отсечение, Мария Федякова (девичья фамилия Катковой). Всякий раз, когда Кожарин получал хоть какую-то надежду найти нового ветерана 329-й стрелковой дивизии, он начинал усиленную деятельность. Снова, как и много раз до того, он обратился в Главное управление кадров МО СССР с просьбой сообщить ему адрес Марии Дмитриевны Катковой (Федяковой) или ее матери. Из ГУКа прислали адрес сельсовета, к которому когда-то была приписана Мария Федякова. Кожарин написал письмо на имя председателя сельсовета и вскоре получил ответ: «Федякова М. Д. проживает в деревне Кулебаки Горьковской области и работает заведующей районной больницей». Какова же была радость Алексея Антоновича, когда вскоре он получил весточку от самой Марии Дмитриевны! Тогда-то он и решил сделать сюрприз Марии Катковой и Римме Орловой: пригласил каждую по отдельности на встречу ветеранов 329-й дивизии, но так, чтобы ни одна из подруг не подозревала, кого она встретит в селе Писаревке. В августе 1973 года в Писаревку съехались ветераны войны, и каково же было изумление — нет, скорее потрясение! — Марии Дмитриевны Катковой, когда, выйдя из машины, она увидела живую и невредимой свою самую дорогую — фронтовую — подругу Римму Васильевну Орлову! 32 года не виделись они, каждая из них считала, что боевой подруги нет в живых, — и вдруг такая встреча!

К сожалению, самому Кожарину не удалось увидеть радость фронтовых друзей — в то время был он в больнице с приступом холецистита. Да и вообще за последние годы пошаливает его здоровье: в 60-м году — инфаркт, в 74-м — второй инфаркт, а еще то печень мучает, то давление, то приступы холецистита. Но самое главное — слепота, правый глаз видит уже еле-еле...

Шестнадцать лет ищет своего отца Алексей Антонович Кожарин. Шестнадцать лет не может он найти хотя бы одного живого человека, который находился рядом с отцом в момент его гибели. Поэтому в гибель его окончательно поверить не может. И все ищет и ищет новых людей... Более 400 ветеранов 329-й стрелковой дивизии нашли уже друг друга благодаря Кожарину. И когда несколько лет назад решили создать совет ветеранов дивизии, они единогласно избрали Алексея Антоновича Кожарина ответственным секретарем совета ветеранов, присвоив ему звание «сын дивизии».

Сын дивизии...
Теперь им, старым воинам, кажется странным и невероятным, что еще совсем недавно не было совета ветеранов дивизии. Создан он был только благодаря «сыну дивизии» — Алексею Кожарину.

Сегодня им, ветеранам, кажется просто невыносимым, что еще совсем недавно они ничего не знали друг о друге. И то, что теперь они все вместе, тоже заслуга «сына дивизии» — Алексея Кожарина.

Многие матери, отцы и вдовы не представляют, как бы они жили на свете, не зная, где похоронены их любимые сыновья и мужья. И если сегодня они могут прийти к дорогим могилам, то это тоже только благодаря «сыну дивизии» — Алексею Кожарину.

А сам Алексей Антонович все никак не может отыскать след родного отца. За шестнадцать прошедших лет уже выросла дочь, она учится сейчас в технологическом техникуме, стал взрослым сын — служит в армии, и чем больше Алексей Кожарин думает о будущем детей, тем больше думает он о прошлом своего отца. Это та нерасторжимая связь, которая все время заставляет его с новой силой вспоминать отца, свою собственную молодость, которой у него практически не было — была одна война.

Может показаться, будто все эти годы Алексей Антонович Кожарин только тем и занимался, что искал однополчан отца... Нет, это не так, потому что вот уже 20 лет каждый день, несмотря на свой недуг, он идет на работу в Калачеевское учебно-производственное предприятие Всероссийского общества слепых и за эту свою работу награжден медалью «За доблестный труд». А все свободное время и все выходные дни без исключения отдает поиску ветеранов 329-й стрелковой дивизии.

Поиск — это ежедневное и скрупулезное чтение документов, мемуаров, это постоянное составление бесчисленных писем, справок, непомерное напряжение зрения, а оно у Алексея Антоновича Кожарина приближается к нулю...

И потому его поиск — это не просто огромная работа исследователя и следопыта, это настоящий подвиг. Подвиг солдата.

Каждый год в подмосковном селе Колюбакино, разросшемся ныне в небольшой городок, на празднование Дня Победы собираются ветераны 329-й стрелковой дивизии. Это здесь, под Рузой, — у сел Никольское, Никифорское, Колюбакино, Апаринова гора, Локотня — получила свое первое боевое крещение «воронежская» дивизия. Это здесь, в Колюбакине, сожженным немцами дотла, 12 декабря 1941 года появились советские воины, и поэтому так торжественно, с такой теплотой и любовью встречают жители Колюбакина каждый год своих освободителей — ветеранов 329-й стрелковой дивизии.

...Вот и в этот раз в Колюбакино съехались ветераны дивизии. Их осталось немного, кто смог приехать на празднование 9 Мая, но каждый из них — частичка той великой освободительной силы, которая вернула Колюбакину саму жизнь.

По традиции ветераны отправляются в парк Победы, который они заложили в день 30-летия разгрома фашистской Германии. 329 дубков привезли они в 1975 году из Воронежской области и вместе с колюбакинцами посадили их в парке. И сейчас они ходят, осматривают дубки — как принялись они, прижились на обильно политой солдатской кровью подмосковной земле...

А где-то в стороне склонился над «своим» дубком Алексей Антонович Кожарин. Нет отца, но есть память о нем, есть вот этот воронежский дубок, который уже принялся жить, который пошел и пошел в рост и через годы вымахает в огромный раскидистый дуб.

И мало кто знает, что это именно память Алексея Антоновича Кожарина о родном отце вызвала к жизни многое из того, что казалось давно исчезнувшим и забытым. И встречи ветеранов, и вот эти молоденькие дубки, и слова благодарности живым и мертвым героям 329-й стрелковой дивизии — все это вращает в жизнь благодаря сыновнему долгу, сыновней памяти Алексея Антоновича Кожарина.

Память потомства — это вечная жизнь.

Из сообщения ТАСС:

«Ученые Крымской астрофизической обсерватории Академии наук СССР предложили назвать открытую ими планету именем комсомолки Екатерины Зеленко, отважной летчицы-героини, в сентябрьскую ночь 1941 года направившей горящий бомбардировщик на механизированную колонну врага. Международный планетный центр утвердил это название — «Катюша»».

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

Звезда по имени «Катюша»

1

Над ложем десятки плавлен воздвигли.
И долгое время в нагретый поддон
стекала расплавленным тестом из тиглей
вулканическая магла — все семьдесят тонн.
Как долго она остывать не хотела!
Два года над ней колдовали, пока
приспела пора для стеклянного тела
улечься на стол поворотный станка.
Как бабочек пляс над ромашкой глазастой
весною рассеянный взгляд веселит,
так множество щеток с алмазною пастой
надели порхающе на монолит.
И с каждым касаньем сбегала шершавость
с отливки, являя чистейшую суть
сиянья, в котором душа обнажалась,
куда было больно глазам заглянуть.
Потом повезли ее светлостью далеко
на автоплатформе, в предутренней мгле,
дрожа за сохранность зеркального ока,
которому равного нет на земле...
Какая, подумать, людская уместность
светла с небесами земное стекло,
в котором сама на себя заглядываясь
планета Венера, блистая светло,
в котором увиделась каплею света,
стократно усилив волнение мое,
из мглы воссиявшая миру планета —
«Катюша» — не чудо ли имя ее?

2

...Поселок уютился у аэродрома.
И это не диво, что возле двери
торили дорожку у нашего дома
зенитчицы, летчицы и «технари».
Одна соколица во двор заходила,
смотрела, как лупим монетную медь.
Для летчицы словно б зарядкою было
на игры мальчишеские наши глядеть.
Мы все становились при ней языкатей,
могли разулыбиться ей на лету,
по дому, по братьям тоскующей, Катя —
так звали красивую летчицу ту.
Мы в шутки вдавались за милую душу,
насколько шутить позволяла война,
где песня — «Катюша», красало — «катюша»,
ракетное даже устройство — она!
Как высветить нынче из темени вязкой
черты, дороге для прежних юнцов?
У Зои, мне видится, Космодемьянской
с Катюшиным схожее было лицо.
Как жизнь одного человека годится,
чтоб видеть в ней отсветы тысячи душ,
так в память запала одна соколица
из всех, в гимнастерках зеленых Катюш.

3

...Лебеди парами,
зяблики стайками,
голуби стаей —
во веки веков...
Славно придумано, будто бы чайками
души становятся моряков.
Вот и пилоты в песенных соколах
преобразились — не удивись!
Зовами их окрыленья высокого
тянет ночами звездная высь.
Только и высь к тихим заводям тянется
там, где туманы клубятся у рек,
там, где с красною земной не расстанется,
даже звездною став, человек.
Прикосновением дружеским чувствуя
в дрожи листка, в холодке ветерка
тех побратимов живое присутствие,
память о коих не коротка.
Это нелепица: «В списках не значится».
Не прерывается жизни полет.
Всюду, где людям поется и плачется,
знаем, и Катюше сердце живет...

4

...На кожухе сверхтелескопа —
ни вмятины,
в таком не допустится
светопотерь...
Каким звездочету
Катюшино, Катюше
открылось,
спросить бы,
облице теперь?
Ее я отчетливо вижу доселе
среди сослуживиц ее дорогах:
вот русая челка касается зелени,
милеет приглядчивей,
чем у других.
Был ею не танковый полк атакован,
но — зло мировое,
что вышло на свет...
В нормальную меру масштаба людского
дано ее имя одной из планет.
Мы головы вверх задираем счастливо:
ведь это Катюша хотела как раз —
чтоб в свисте фугаса,
чтоб в громе разрыва
не рушилось ясное небо на нас.
Круглы телескопов зеркальные чаши,
и память высоким заветам верна,
и видятся светлые образы павших
планетами,
коим дают имена...

Рисунок Владимира РОДИНА

Вчера Митяка привадила хозяйка коты Зорька — это тучное животное, выпала из-за и поэтому была прикована, и сбегала бы весте куда. Вырвать кот было не мудрей — земля-то талая, мигала. И на этот раз Митяка не на шутку испугался за свою своеобразную кормилицу, а вдруг заросло? Среди низкорослых кустов погнались слезы, тут больше баюда, били в них студялые клочки, отсюда и название этому месту пошло — Ключики. Провались и такое пзериш — и поминай как звали! Земля-то хороша на Ключиках, каждую весну бабушка берет ее для комнатных цветов, люди на огородах ее таскают... Ключи холодные, а не замерзнут, и трава здесь первенкой является, особенно когда апрель теплый. Третьего дня отсюда, с Ключиков, Зорька еле дотащила домой с раздутыми боками, словно ей два куля на спину повесили, и молока аж полтора литры за раз дала!

Митяка облазил все Ключики, прошел по ручью вниз до самой железнодорожной насыпи, под сводом краснокирпичной арки вышел на ту сторону ветки и там услышал слыное бляение Зорьки. Он увидел ее полуживую, почти удушную перевкой, шаркающей на ивовые кусты. Распутывая глупую скотину, Митяка каждый раз искренне удивлялся тому, как можно накрутить столько замысловатых узлов, будто Зорька выделяла сложные салты, и в его душу закрадывалось подозрение: уж не спутал ее кто-нибудь шарочно? Из-за этой беззотной скотины он вчера недоделал уроки, промок, а главное — не смог доиграть с поселковыми ребятами в футбол новым тряпичным мячом, который бабушка сшила из лоскутов, а он туго набил сеном.

— Мить, Митя, вставай, — слышен сквозь сон голос бабушки. — Дмитрий, вставай, войне конец пришел...

Сонный Митяка почувствовал, как горячая капля обожгла руку и скатилась, оставив холодный след. Он открыл глаза и увидел плачущую бабушку, пригубившуюся на краешке сундука. Она вытирала глаза старым фартуком, в котором всегда торчали булавки.

Митяка сразу понял, что произошло. Победа! Конец войне. Конец голодухе! Конец карточкам, из-за которых он столько пережил в свои тринадцать лет! Он некоторое время лежал, глядя в потолок, не чувствуя себя и ничего не ощущая вокруг, будто после тяжелой и долгой болезни, когда впервые понимаешь, что выздоровел. Он позерил свершившемуся сразу, ибо ждал, как и все, этого часа еще с той поры, когда погнали врага от Москвы, а потом крепко врезали под Сталинградом, как прогремел первый салют за Курск... Вместе с угольками для печки люди приносили в дома радостные вести о близкой Победе. Надежда зрела в сердцах, как зреет на ветке завязь яблока, и оставалось только ждать, когда яблоко, спелое, упадет на землю... Но, конечно, не только ждать. Надо было заливать воду в тендеры паровозов, везущих эшелоны, стоять в очередях за хлебом и выдержать — не съесть его, донести до дома. Трудно было нести эти маленькие кусочки теплого сыроватого с мякиной хлеба, полученного по двум издвигическим карточкам. Надо было помогать бабушке стирать гимнастерки и ватники черным вонючим мылом, шить маскхалаты и дупалье варежки, разжигать дымную плиту, таскать за километр воду, заготавливать осиновы веники для Зорьки, надо было учиться, старательно писать на темной оберточной бумаге, а то и на старой газете, — надо было делать тысячу дел, чтобы дожидаться этого дня.

Еще вчера Митяка почувствовал какое-то движение, неуловимое беспокойство вокруг, но и сейчас он бы не смог объяснить, в чем оно выражалось. И без того яркие весенние дни были окрашены приближающимся желанным летом, когда не так давил голод, когда лебеда и крапива, ботва от свеклы и листья липы — все шло в пищу. Эти майские дни были наполнены особенными, полными ожиданиями взглядами людей, у всех на устах было слово «Берлин» — страшное и тяжелое, будто тонная бомба, и в свободную минуту каждый мысленно был там, на улицах этого города, где решалась окончательно судьба войны, где ежеминутно погибали солдаты.

Бабушка еще сидела на сундуке, вытирая красные, набрякшие глаза, а Митяка уже выскользнул из-под лоскутного одеяла, плеснул на лицо из-рукомойника, обмакнул палец в толченый мел и потер зубы, снова плеснул на себя водой и стал быстро одеваться. Надо было что-то делать, куда-то бежать! Куда? Конечно, на станцию! На станцию, которая всегда была центром жизни всего поселка: здесь работали, здесь встречали и провожали, отсюда шли все новости. И в праздники и в будни люди приходили на станцию купить газету, повидать знакомого. Всю войну на станции торговали семечками и махоркой, картофельными котлетками и морсом; люди сновали у проходящих эшелонов, выменивая шанки и кружки, новые портянки и самодельные зажигалки из гильз. Но самым главным для всех был клуб железнодорожников, где, хоть и частями, показывали кино, нет-нет да приезжали артисты из самой Москвы. По субботам и воскресеньям в фойе устраивались танцы под радиолу и духовой оркестр, и ребятам было интересно смотреть, кто с кем танцует и как танцует.

Митяке нравился совсем еще молоденький директор клуба Сергей Иванович, который неповторимо, с разными выкрутасами, танцевал танго и фокстрот. Он всегда начинал танцы с одной и той же партнершей, Зинаидой, красивой и веселой блондинкой, которая, впрочем, не жаловала Сергея Ивановича и в дальнейшем танцевала с офицерами, всякий раз появлявшимся на танцах. Митяке было жаль Сергея Ивановича, и он злился на Зинаиду, а если ему еще не нравился и новый ухажер ее, то он, знавший заветную скамейку возле соседского

дома, запускал туда шаром, уезжая, праша, что она не так хороша, как Зинаида, лишь напугает парочку, но не заденет. Под взгляд Зинаиды влюбленные и молоденького лейтенанта, который на несколько недель застрял в их поселке. Лейтенант был узкоплечий, грустный, когда на танцах становилось жарко, он доставал чистый, с визанной клеючечкой платочек и вытирал им лицо. Он был аккуратный, внимательный и нравился всем. Было решено, что Зинаида остепенится, найдет достойного жениха. Она танцевала только с ним и глядела на него так, словно выписалась за все свои предыдущие похождения. Спустя недели три лейтенант уехал, как говорили, на фронт, и некоторое время Зинаида на танцах не была. Но вскоре она опять появилась, и все пошло по-прежнему...

Митяка глянул на себя в старое трюмо с ящичками и зеркалом — на серебре, которое сто лет назад подарили бабушке на свадьбу. Изоблупившегося зеркала из него смотрели крупные черные глаза, обведенные синими кругами, торчали уши, из-за которых все мальчишки не хотели стричься наголо. «Одни глаза остались», — вспомнил Митяка слова бабушки. На шее он обнаружил острый калдык, но на этот раз не опечалился, сегодня было не до того.

Тишину прервал торжественный голос, доносившийся из черной тарелки-репродуктора, висевшего рядом с трюмо.

— Сегодня девятого мая тысяча девятьсот сорок пятого года, — рокотал репродуктор, — в Берлине подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии... Война закончилась...

Война закончилась! Мурашки пробежали по всему телу... Не будет похоронок! Вернется дядя Андрей, который катал его на велосипеде. Вернется тетка его — дядька Дмитрий, огромный веселый богатырь. Вернется ли? О плохом сейчас не хотелось думать, но Митя понимал, что не все вернется, у многих не будет той светлой довоенной жизни.

Какой счастливый и какой неутраченный будет этот день — День Победы.

А день выдался солнечный, свежий, майские ветры еще не донесли душные тепло с юга, листочки на деревьях проклюнулись, ярко-зеленые лоскутки украсили ветки, тополя выпустили сережки, словно берегли свои украшения специально для этого дня. Митяка будто заново увидел свой двор. Что-то изменилось в его облике: как бы повеселел старый сарай с латанной-перелатанной крышей, над которой вскинулись зеленые флаги деревьев... И железнодорожное депо, облезлые стены которого были видны с крыльца, празднично закрасилось на фоне чистого голубого неба... Все было на прежних местах, и все было не так.

Митяка поднялся на соседское крыльцо и увидел, что по насыпи к станции идет народ: некоторые приодеты, в чистых платочках и кофтенках, в новых водонепроницаемых, другие, видно, прямо с работы — в черных ватниках, в валенках с галошами из старых автомобильных камер.

Митяка хотел было постучать Светке, но она сама выскочила ему навстречу, чуть не столкнувшись с крыльцом, не поздоровавшись, выдохнула:

— Пошли... на станцию...

Голубые глаза ее вдруг потемнели, сделались синими, бровки сдвинулись, губы поджалась, обозначив на щеках ямочки. Она подтянула потуже платок под подбородком и решительно спрыгнула с крыльца. Они поднялись на насыпь и влились в людской ручеек, спешащий к станции.

— А что там... на станции? — спросил Митяка.

— Эшелоны... Встречать эшелоны... — задыхаясь, ответила девочка, семена по шпалам. — Может, папка вернется, — чуть слышно добавила она самое заветное, которое сейчас она могла сказать только Митяке.

И Митяка вспомнил осенний день сорок первого года, когда познакомился с эвакуированной Светкой, вот так же они шли на станцию мимо «г»-образной водоналивной колонки, мимо дежурки и угольного склада. Как и четыре года назад, поблескивали под ногами рельсы, изредка покрикивали маневровые паровозы, прямо пахло мазутом и угольным дымком от шлаковых куч... Светка шла, устремив взгляд вперед, и казалось, ничего не видела вокруг. «Пал смертью храбрых в боях за Москву», — вспомнил Митяка торжественные слова похоронок, которая зимой сорок первого пришла на Светкиного отца, и тяжелый ком неожиданно сдавил горло. Он стал всматриваться в идущих рядом людей, и, может быть, не так понял он их состояние, но появилась у Митяки уверенность, что сегодня нет и не будет погибших, что сегодня солдаты продолжают жить и должны вернуться!

Митяка шел встречать Победу, на которую потрудился самую малость: разгружал балласт на пути, вместе со Светкой ходил в госпиталь, писал письма под диктовку раненых, читал им книги, пел о Щорсе... Сейчас в его голове все смешалось, то один, то другие воспоминания будили воображение. Глядя на клочки черной, еще не вскопанной земли возле бараков, он вспомнил, как весной сорок первого делили огороды, как старательно, до мозолей, он копал землю, точно закапывал в нее фашистов.

Чем ближе они подходили к станции, тем отчетливее слышалась музыка — играла гармошка. Частушки то громче, то тише на разные голоса разносились по поселку. Народ валил к станции, и ребята невольно пригавали шаг, точно боясь опоздать, как неделю назад, когда «беспроволочный телеграф» принес весть, что в магазин завезли джем. Нет, сегодня было что-то другое: напряженные лица, сухие глаза, приглушенные голоса, готовые вот-вот сорваться на крик. Шли на станцию, как на свидание, и каждый нес надежду, переполнявшую сердце и ум, и эта надежда рвалась наружу, созревшая, желанная, выстрадавшая. Люди шли и не знали еще, что будут приходить на станцию много дней, что отныне и надолго

Эшелоны победы

жизни сплел для них местом надежды, местом тревожащих душу воспоминаний, которые разбудят гудки паровозов и зашипованные вагоны, в скамейки с буквами «НКПС» и в мелкий колокол, чудом уцелевший рядом с синим почтовым ящиком.

Барышня стихла, и ребята послышалось какое-то шипение, когда она подошла в толпе, спурдывшей возле ступенек дощатого настила перрона, словно паровоз стоял рядом и из его клапанов несильно вырвался пар. Митька прислушался и определил, что каждый вокруг произнес одно и то же слово, как пароль, — «эшелон». Остановится эшелон или нет? Это безымянные женщины. Немногочисленные мужчины — инвалиды, старики, путевые — не сомневались, так как их станция была не какая-нибудь «прогонная», а железнодорожный узел, где менялись локомотивы, и от этого узла было последнее «главное» для до самой Москвы.

— Есть табачок-первичок! Как закуришь — так умрешь, как встанешь — так еще захочешь! — донесся сильный голос.

Митька увидел скользящего в толпе инвалида по прозвищу Костыль, торговавшего куревом чуть ли не с первого года войны. Как всегда, он был в рваной солдатской шинели, в данный момент распахнутой так, чтобы все видели на его облезлой гимнастерке такие же облезлые две ленточки за ранения и единственную почерневшую медаль, которая уже не раз спасала Костыля от серьезных неприятностей. «Такой праздник, а этот все торгует!» — сказал кто-то в толпе. И Митька согласился про себя с этой злой фразой: Костыль он не мог никак оправдать — солдат с наградой, по его понятию, не имел права опуститься до торгашества. Костыль прошмыгнул рядом, обдав ребят перегаром самогона и крепчайшей махры. Митька невольно расслонил Светку... От быстрой ходьбы и свежего ветерка девочка раскраснелась, лицо ее порозовело, платок съехал на плечики, из-под него показались аккуратно зачесанные «шалкой» волосы с ровным пробором посередине и светлыми прядками, закрывавшими уши. Сдвинутые бровки придавали лицу взрослое выражение. Как непохожа она была в эту минуту на ту девочку в новеньких ботинках, которую встретил Митька четыре года назад! Как давно это было...

— Свет, ты бы застегнулась, — глухим от волнения голосом произнес Митька, чтобы хоть как-то оправдать свой долгий взгляд. Потом, совсем смутившись, отвернулся и сразу увидел идущую к станции Зинаиду.

Она была в форменной железнодорожной тужурке, красный берет еще больше оттенял бледность ее лица, взгляд замер, устремленный поверх голов туда, на юг, в конец станции, откуда должен был показаться состав. Митька знал это ее состояние, это выражение отчужденности на ее лице. Всегда веселая и общительная, она бывала грустной каждый раз после того, как уезжал очередной ее ухажор и она оставалась на растерзание языкатым бабам, и тогда Митька, сам не зная почему, жалел ее. «Тоже идет встречать, — подумал он беззлобно. — Только кого?» Ему сейчас показалось, что маленькая Светка куда старше и взрослее Зинаиды.

Вдруг что-то случилось: молчавшая в эти минуты толпа неожиданно дрогнула и повалила с перрона на первый путь. Митька протиснулся вместе со Светкой к забору, отделявшему подъездные пути от угольного склада. Люди схлынули, и ребята остались стоять на конце платформы, откуда было хорошо видно все, что делается на путях.

Эшелон проходил под мостом. Митька разглядел на передке паровоза большой портрет Сталина, увитый еловыми ветками. Локомотив загудел громко и, как показалось Митьке, торжественно, проходя последнюю стрелку и выводя состав на второй путь, где всегда останавливались скорые поезда с юга. Эшелон медленно шел мимо станции, будто в немом кино. Теплушки устало постукивали на стыках рельсов, и весь состав покачивался, словно корабль, вернувшийся из дальнего плавания и швартующийся у родного причала. Из вагонов с распахнутыми дверями, тоже украшенными ветками, махали пилотками и улыбались встречающим загорелые солдаты. Женщины, теснившиеся у самых путей, что-то кричали, тянули к вагонам руки, казалось, что они пытаются силой остановить эшелон.

Митька ощутил, как дрожит Светка, напрягшаяся и прижавшаяся к нему. Он не отстранился, понимая ее состояние.

Поезд затормозил и остановился, словно повинувшись тем сотням рук, которые протянулись к нему, желанному и долгожданному, и ребята увидели перед собой то, что уже не рассуждено им будет забыть до конца дней своих и о чем они будут потом не раз рассказывать внукам и правнукам своим, и будут объяснять память свою теми же сроками, которыми мерялось время на фронте; и здесь, в тылу, год шел за три, и здесь, в тылу, было прожито не четыре, а двенадцать лет!

В объятия встречающих из вагонов прыгали солдаты и офицеры, сверкали под весенним солнцем ордена и медали на гимнастерках и кителях, звон буферов слился с ликующими возгласами людей. Кто-то поднимал над головами детей, кто-то гладил седые волосы стариков, кто-то плакал, не стесняясь своих слез. И над всем этим будто гремели слова, запомнившиеся каждому еще с сорок первого: «...Будет и на нашей улице праздник!»

Потом Митька услышал звуки аккордеона и взглядом нашел в толпе поблескивающий перламутром заграничный инструмент, из которого солдат в кубанке лихо извлекал «Барыню», и вот уже толпа раздвинулась, кто-то охнул, и в круг вышел маленький рыжий солдатик с ефрейторскими лычками на погонах, швырнул оземь свою выдающую виды пилотку, горделиво подбоченился, прошелся, выбросив вперед правую руку и приглашая в пляс тех, у кого уже

высожи слезы, кто успел за эти минуты отойти душой от пережитого. Чьи-то руки подобрали пилотку, стряхнули с нее пыль и бережно передали стойкому рядом однопольчанину. А в кругу маленький ефрейтор уже плясал с какой-то женщиной, он то брал ее за руку и кадрилино водил вперед и назад, то прижимался к ней, будто в вальсе, то обходил вокруг нее, блаженно закрыв глаза, словно раппа с собой отганцевать за все.

Неожиданно Митька увидел идущую вдоль железного полотна пожилую женщину, почти старуху. Она шла медленно, неестественно сложив на груди руки и приспавив спящего на груди ребенка с подбородку. И опять вспомнил Митька солдатскую вдову, свою первую, от самой зны, когда он познакомился со Светкой и когда они пришли на станцию, где пробождали из фронт бойцов. У Митьки как всегда зашевелился язык, он вспомнил, как эта женщина подошла и обвила изголодавшего и истощенного крохотного ребенка с ланнойной оживленной и светлой чертой лица, как она села на землю, заглянула в глаза ему и как в наступившей тишине вдруг заприщавил по-матерински горько, смешал русские и украинские слова: «Маме, маме, маме, маме, маме, маме». На же и без тебя приду в свою хатонку, — и задрожала, и востановилась, и тогда она дрогала, и, сдерживая себя, сказала: «Маме, маме, маме, маме, маме, маме...»

Это была та самая женщина. В раз и это слово Митька видел ее на вокзале — седовласую, с потухшими глазами. Сейчас она шла к станции закутанная в потрешанную шаль, заны, ундев ее, рассудали, давая дорогу, ближние к ней бойцы замолкали и сторонились. Казалось, она шла к одному-единственному солдату, которого видела сквозь толпу и знала, где он. Наконец, она остановилась возле него, мягко, перешвытливо тронула за плечо, потом обеими руками так же неторопливо развернула его к себе и заглянула в глаза... Вдоль эшелона, как по цепочке, смолкли музыка и голоса, установилась давящая тишина... Тяжкое это мгновение вдруг оборвалось, надрывным воплем.

А минуту спустя все вокруг снова загомонило, зашумело, задвигалось... Митькины глаза выхватили из множества звуков и картин балабачника в новенькой гимнастерке с тремя звездами солдатской «Славы», он шарил на трехструнной что есть мочи, но что именно, Митька не мог расслышать, он как бы медленно просыпался после оцепенения, овладевшего им сразу же, как только он увидел старуху... Тянулись минуты, похожие на годы, и Митьке стало казаться, что он давно уже знает и маленького ефрейтора, и солдата в новенькой гимнастерке, и вон того спокойного солдата, которого старуха признала за своего сына...

Неожиданно эшелон вздрогнул, от вагона к вагону побегал звон буферов, лязгнуло железное сцепки, слившийся паровоз с составом, и все пришло в хаотичное движение: солдаты стали прощаться, целуя женщин, стариков и детей, как родных, лихо прыгали в вагоны, кому-то махали фуражками, пилотками, руками, что-то кричали...

Только сейчас Митька заметил, что Светка плачет. Он не стал утешать девочку, лишь положил ей на плечо руку и тихо сказал:

— Ты это брось... Сколь эшелонов еще будет...

Он повернул голову, взглянул на дымящийся, готовый в путь паровоз и оторопел: шагах в двух от него в застегнутой до подбородка шинели с непокрытой головой стоял знакомый Митьке немец. В этой привокзальной суматохе на него никто не обращал внимания. Жидкие пепельные волосы чуть шевелил ветерок, впалые щеки обросли серой щетиной, полузакрытые глаза ничего не выражали. Это был тот самый немец, который прошлой осенью постучался в его дверь... Ничего не подозревавший Митька открыл и увидел на нижней ступеньке крыльца человека в немецкой форме: в шинели без погон, в разбитых ботинках, затянутых веревкой, чтобы подошва не отвалилась. Как и сейчас, его безусое и безбровое лицо ничего не выражало, лишь «финка» — пилотка с козырьком — торчала, как Митьке показалось, вызывающе. «Клеб», — глухо произнес немец, протянув руку.

Митька не раз слышал, что в городе работают пленные немцы, и даже собирався с ребятами сходить посмотреть на них, но как-то все не удавалось, а тут перед ним стоял живой немецкий солдат... Первым порывом было захлопнуть дверь и убежать. Но как же он, единственный мужчина во дворе, у которого даже есть ракетница, мог убежать? Как же он, не раз воображавший себя матросом, который, закусив ленточку бескозырки, с криком «Полундра!» шел в атаку, — как он мог бежать!.. Чувствуя холодок, пробегающий по спине, он, все-таки прикрыв дверь, вернулся в комнату, достал из буфета горбушку хлеба и вынес ее немцу. Тот взял неожиданно, спокойно, что-то живое мелькнуло в глазах. «Данке», — сказал он и устало пошел со двора...

Митька вспомнил, как после этого случая он долго размышлял: правильно ли поступил? Он и теперь не мог решить, можно ли было врагу, лютому врагу, убившему Светкиного отца, можно ли было ему отдать хлеб? Хлеб! И тогда и сейчас не было у Митьки злобы, и он все спрашивал себя: почему?

...Немец стоял и, казалось, безучастно смотрел на слезы и радость русских людей.

Митька подумал, что, когда немец вернется домой, его тоже будут встречать, и он, если честный, расскажет своим детям, как русский мальчик дал ему хлеб.

Только никак не мог представить себе Митька, что немца будет встречать радостно.

Эшелон ушел. Но не скоро люди разошлись по домам. Долго и молча стояли и не знали, сколько еще будут приходить сюда — встречать ушедших в сорок первом...

„ЛЮДИ, ПОМНИ“

ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ

Кому не памятно июньское утро 1941 года? Особенно тем, которым в ту пору было по 17 лет. Начались последние школьные каникулы. Впереди 10-й класс, выбор единственной дороги — на всю жизнь. И вдруг — ВОЙНА! Разве могли мы представить себе, сколько бед и потерь принесет она, что наши мальчишки навечно останутся десятиклассниками! 1 сентября 1941 года класс собрался на первый урок. Появились новые ученики, эвакуированные из Ленинграда, Москвы, Великих Лук. Но учиться не пришлось: всем классом уехали в колхоз собирать урожай. Нашу 29-ю школу превратили в госпиталь. Занимались в другой школе, учились в три смены, писали на газетной бумаге, мерзли. Вечерами мы с подругой учились на курсах медсестер, надеясь вскоре попасть на фронт. Ночами стояли в очереди за хлебом, рыли укрепления в промерзлой земле. Взрослели. Однажды прибежали счастливые мальчишки: их взяли в Ярославскую коммунистическую дивизию. А позже стали приходить страшные известия об их гибели. Первым погиб Рэм Белов, затем Костя Скворцов и Шурик Степанов. Вскоре погибли Володя Грошев и Слава Мартянов. Учиться становилось все тяжелее: как можно было учиться, когда погибали одноклассники!

Аттестаты об окончании 10-го класса получали почти одни девочки.

Сейчас известно, где могилы наших одноклассников. Они на всем пути Ярославской коммунистической дивизии. Но где бы ни горел Вечный огонь, где бы ни стоял памятник солдату, мы знаем: это огонь их сердец, не доживших до победы, это они высечены из камня, чтобы напомнить нам о себе. Они навечно остались в 10-м классе! Склоните голову, десятиклассники нынешней поры, они дали вам радость сегодняшнего дня, перед ними в долгу все поколения. Они недоделали земных дел своих, сделайте вы за них! Они не успели получить ни орденов, ни медалей. А кем бы они были? Рэм Белов, наверное, был бы инженером: он любил математику и черчение. А может быть, артистом — он так хорошо пел. Костя Скворцов был бы преподавателем физкультуры или военным: он любил спорт и часто помогал учителю физкультуры вести уроки. Слава Мартянов был бы точно военным: он все время носил отцовскую гимнастерку. А может, литературным критиком: он много читал и любил обсуждать прочитанное, всегда имел свое собственное мнение. Шурик Степанов, самый скромный из ребят, наверняка был бы учителем: он как никто умел убеждать и успокаивать разбушевавшихся одноклассников, и его почему-то всегда слушались. Володя Грошев был бы литератором или композитором: его сочинения были лучшими в школе, он отлично играл на пианино и сочинял музыку. Последнее свое произведение, «Вариации на цыганские мотивы», он сыграл на школьном вечере.

Все они были оптимистами, мечтателями. Все они были комсомольцами. И, не задумываясь, отдали своей Родине самое дорогое — ЖИЗНЬ! Разве это не подвиг?! Помните о них, десятиклассники! Помните, все люди на Земле!

Александра РАССАДИНА,
врач,
Кострома

ПРИМЕР БЕРУ С НЕГО

Какова сегодняшняя молодежь? Пожалуй, очень трудно дать одно определение для всех. Поиск, задор, мечтательность — все это можно увидеть в моих сверстниках. В то же время ребята и девчонки унаследовали от своих дедов и прадедов, которые боролись за революцию и отстаивали ее завоевания в годы Великой Отечественной войны, стойкость, выносливость и упрямство в достижении цели. Я попробую рассказать об одном из них. О человеке, оставившем в моем сердце след на всю жизнь.

Склонились в скорби знамена, замолчали горнисты. Мы провожаем в последний путь нашего друга, нашего Валерку. Минута молчания в память о герое...

Будильник звонил долго, он упорно врывался в сладкую пелену сна. Вставать и идти в школу не хотелось, и я чуть не опоздала на урок. В класс вошел директор с молодым парнем в солдатской форме.

— Товарищи, — он всегда говорил с нами в строго официальном тоне, — это ваш командир взвода, Валерий Александрович.

А Валерий Александрович, который был старше нас всего года на три, страшно смущался. Он, видимо, не мог себе представить, как это он останется наедине с этой оравой шумных и ехидных «товарищей». И действительно, когда директор вышел, мы заметно оживились. А потом все больше умолкали и внимательно прислушивались к его словам. Валера рассказывал о том, как будет проходить «Зарница», о том, что надо сделать, чтобы всем было интересно. Это большое искусство — овладеть вниманием окружающих людей. И мы с первого раза поняли: Валера таким искусством обладает.

Всю неделю, как по заказу, шел снег. Деревья, земля — все покрылось пушистой, искрящейся пеленой. А мы каждый день после уроков готовились к «Зарнице». Каждый день с нетерпением ждали нашего командира. Он учил нас надевать противогазы, ходить в разведку, оказывать первую помощь пострадавшим, учил нас жить в военной обстановке.

«Зарница» в этот раз прошла весело и интересно. Я даже не знаю, было бы это так, если бы не Валера. Мы жили в лесу почти неделю. Землянки, ночные тревоги, веселые вечера с песнями и гитарой, дежурства на морозе у костра. И все время был с нами наш командир. Он умел заинтересовать, увлечь нас. О чем бы ни рассказывал: о космических полетах, о далеких землях, о городе, в котором жил до армии; что бы ни делал: разводил костер, чистил автомат, учил нас маршировать, — во всем было увлечение, какой-то азарт. Постепенно и мы стали заражаться его любовью к людям, к жизни, ко всей земле.

Прошло чуть больше года. За это время мы привыкли к нашему командиру — теперь мы только так его и называли, — не могли и несколько дней без него прожить. Валера учил нас жить, мечтать. Но подходил к концу срок его службы, оставалось меньше месяца до демобилизации.

...А в то утро я не знала, что вижу нашего Валерку в последний раз...

Ночью зазвонил телефон. Отец поднял трубку, и стало видно, как он побледнел: «Склады горят». За крышами домов время от времени поднималось красное зарево. Если бы я не знала, что там люди борются с огнем, можно было подумать, что заходит солнце после жаркого дня.

Под утро пришел отец, уставший, с воспаленными глазами, и сказал:

— С вашим Валеркой очень плохо, сильно обгорел парень.

Потом мы узнали, как это было. Боролись с огнем и солдаты, и офицеры. Выносили имущество из помещений, тушили огонь всеми возможными средствами. Но загорелся склад с горючим, и это было самое страшное. На этом участке и был наш Валерка. Он услышал крик:

— Человек, там остался человек!

Я знаю, что наш командир не мог поступить иначе: Валерка бросился в огонь, рискуя своей жизнью ради жизни товарища. А тот метался и никак не мог найти выход. Валера увлек его за собой, вытолкнул из горящего ада, а сам не успел: рухнул потолок.

Утром гудела вся школа. Мы не могли представить, что с ним могло случиться что-то страшное. Мы все, 25 человек, помчались в госпиталь.

Разумеется, к Валерке никого не пустили. Не пробилась мы к нему ни на второй, ни на третий день. А через неделю мы хоронили нашего друга. Все возможное сделали врачи, но очень сильными были ожоги, не выдержал Валерка. Нам передали, что перед смертью он пришел в сознание и прошептал:

— Передайте ребятам, что все хорошо... Пусть помнят мой наказ...

Никогда не забудем мы человека, который отда-

вал нам свою душу, который промелькнул в нашей жизни, как яркая звезда, и оставил в ней неугасимый след.

Стоит на холме обелиск, солдатский обелиск с пятиконечной звездой...

Галина ТЕРЕЩУК,
Киев

НАША РОДОСЛОВНАЯ

Мне 16 лет. Это начало судьбы, но она уже определена судьбой моих отца и деда.

Всю жизнь дедушка, Фадей Иванович, любил заниматься землей. Работал в селе агрономом, потом с геологической партией уехал в Казахстан. А через год добровольцем ушел на фронт.

И это понятно: ведь мой дедушка был коммунистом. Сражаясь на фронте, никогда не забывал о своей привязанности к земле. Он понимал, что в недрах ее находятся неисчислимы богатства, которые должны принадлежать народу. Для него этот вопрос оставался проблемой жизни.

В своем письме он писал: «Пусть дети и внуки мои совершат в жизни то, что я не успел, а Ивану скажи, чтобы обязательно стал геологом». Иван Фадей — это мой отец.

Дедушка воевал на Белорусском фронте, был в плену. Бежал и попал к партизанам. Там он и остался лежать вечно. Все письма, которые он успел прислать до тысячи девятьсот сорок третьего года, по сей день хранятся у бабушки в комод. И нам, уже взрослым внукам, она дает их читать. Всегда, когда читаешь их, не в силах сдержать слезы, и гнев к фашистам, принесшим смерть миллионам советских людей.

В партизанском отряде дедушка был политруком. Однажды ранним утром немецкие части атаковали партизан. Несколько атак партизаны отбили, вышли из леса и уже погнались немцев к селению, что под Могилевом, как снова раздался взрыв, и дедушка увидел танки с черными крестами. Он повел батальон в атаку, сам с бутылкой горючей смеси бросился под танк и сгорел вместе с ним. За этот подвиг Фадей Иванович Овчаренко был удостоен звания Героя Советского Союза посмертно.

О чем думал он в свою последнюю минуту? О земле? О семье?

На том месте, где погиб мой дедушка, сейчас стоит памятник с красной звездой. На мраморе большими буквами написано:

«Лейтенант Овчаренко Фадей Иванович,
посмертно Герой Советского Союза
1913—1943 гг.»

А еще ниже: «Люди, тише! Помните о нем!» А сколько таких людей погибло в этой войне! Многие из них лежат без памятников и званий. Только надпись «Они сражались за Родину» говорит о героях и героизме, об их бессмертии.

Мы же не раз ездили под Могилев, на могилу деда. Когда я стою на месте, где оборвалась молодая жизнь родного мне человека, я плачу, и в то же время гордость охватывает меня.

...Тринадцать лет было моему отцу, когда он стал партизаном. Домой вернулся в тысячу девятьсот сорок пятом году и увидел похоронную на своего отца.

Тогда он решил стать геологом. И стал им. Уже двадцать семь лет работает в экспедициях, всю свою жизнь посвятив поиску подземных богатств. Мой отец по праву носит звание геолога-ветерана.

Золотыми буквами вписана наша фамилия в Почетную книгу горняков и геологов. Огромное количество грамот, поздравлений, наград имеет наша семья.

Нет ни одного года перерыва в работе отца, если не считать, что однажды в экспедиции на Памире со скалы на него сорвался камень: три месяца он лежал в больнице с сотрясением мозга.

Рискованна профессия геолога, но интересна. Я горжусь своим дедушкой и отцом. Горжусь тем, что ношу их фамилию. Не случайно дедушка упомянул в письме о внуках.

Мы, двое внуков, продолжим дело отца и дедушки. Моя сестра закончила геологический факультет Харьковского государственного университета. Я тоже

ТЕ О НЕМ!

буду геологом. Пусть геологическая династия, начатая дедушкиной любовью к земле, будет продолжена нашими детьми и внуками.

Наталья ОВЧАРЕНКО,
Кировоград

ИЗ ПЕПЛА ВОЗРОЖДЕННЫЙ

Мой отец и его товарищи-коммунисты в годы оккупации Белоруссии приобщили меня, пионера, к подпольной борьбе. Я распространял в оккупированном городе газету минских патриотов «Звезда».

И теперь еще перед глазами пепелища, руины. Когда меня «взяли» в партизаны, я, как умел, мстил врагу за растерзанную Родину...

В нашем городе живет мой друг и ровесник Иван Максимович Сокольник, электромонтажник. В партизанской бригаде 13-летний Сокольник был связистом. Телефонная связь на войне, вы знаете, вещь великая. И вот, будучи связистом, узнал парнишка цену электричеству, самой малой электрической искорке. И знаете, как получилось? Когда бои окончились и надо было Ване выбирать дорогу в жизни, он пошел в школу фабрично-заводского обучения, где готовили электриков. Электрик — и сейчас почетная профессия, а в годы, когда мы поднимали из развалин наше хозяйство, это слово звучало особенно почетно.

Потом Иван Сокольник вместе с другими комсомольцами восстанавливал электростанции. Случалось, по 16—18 часов в сутки работали. Ребята спали прямо на станции, не раздеваясь, словно их могли поднять по тревоге, как на войне когда-то. Каждый послевоенный день, прожитый нами, был велик. Он передавал последующим дням негасимый комсомольский огонь борьбы и самоотверженного труда.

Я еще не сказал, что Родина вручила бывшему комсомольцу — партизану Ивану Максимовичу Сокольчику орден Ленина и золотую медаль «Серп и Молот».

Из таких людей, как Иван Максимович, из их умения побеждать трудности, огромного трудолюбия, горения их сердец и складывается слава нашей партии и нашего комсомола. У меня, между прочим, хранится как самая дорогая награда нечто вроде удостоверения личности: «Участник восстановления Минска». С комсомольской поры берегу это свидетельство.

Да, мы, минские комсомольцы 40-х годов, были свидетелями того, как впервые вспыхнуло в нашем городе слово «возрождение». Оно было начертано на развалинах домов: «Возродим тебя, наш родной Минск!»

Освобождение было венцом ратного подвига. А вот подвиг трудовой был увенчан возрождением.

Мой город-герой воскрес, стал еще краше. Здесь живут и мои дети. Они принимают от нас комсомольскую эстафету. И я рассказываю сыну и дочери о стойкости и мужестве комсомольцев 40-х годов, чьим мужественнее, сильнее становились они сами.

Петр КАЛИНОВСКИЙ,
Минск

РАЗРЕШИТЕ МНЕ!

Когда я приезжаю к бабушке на Смоленщину, всегда иду в эту прозрачную рощу. Сажусь на горбатый пенек, гляжу в озерную синь.

Кругом какая-то умиротворенность. Небо чистое, лишь на западе, у горизонта, пасутся белые барашки ленивых облаков. Пахнет спелой травой. Кончается август. Скоро поеду домой. В школу хочется, соскучилась о доме, о ребятах...

В сентябре нас, восьмиклассников, будут принимать в комсомол. Что-то должно измениться в моей жизни. Я должна жить как-то не так...

Бегу к воде — хочется всколыхнуть это очень уж спокойное озеро. В траве мелькнуло что-то металлическое. Патрон. Позеленевший, медный, нестреляный, с острой пулей. На моей ладони лежит смерть. Я беспечно озираюсь кругом: так вот в каких местах гибли ребята, вот такие патроны убивали их! Недале-

ко отсюда погиб и Игорь Смирнов, о котором я узнала нынче летом здесь, на Смоленщине.

...Бой шел за деревню Пруды. Вражеский пулемет прижимал к земле четвертую атаку. На уничтожение огневой точки лейтенант послал уже трех солдат. Все погибли, не достигнув цели. «Товарищ старший лейтенант, разрешите мне». — Игорь Смирнов сделал уверенный шаг вперед.

Высокий, чернобровый, веселый, он всегда был душой подразделения. Люди тянулись к нему: он много знал, интересно рассказывал, всегда помогал товарищам, не терялся в сложной обстановке.

Задержавшись на какую-то секунду перед броском из окопа, он пополз. Пулемет вдавливал в землю. Одно неловкое движение — и повторишь судьбу тех троих, что уже остались позади. Гранату уже можно бросать. Но как подняться для броска? Игорь чувствует, что за каждым его движением следит враг. Надо! Пора! Только приподнялся солдат — и тело пронзила жгучая боль. Он еще мог последним усилием воли швырнуть гранату в цель. Он еще прошептал непослушными губами: «За Родину!» — и угасающим сознанием увovil наше «Ура!».

У меня на руке лежала смерть. Был человек, радовался и грустил, любил и ненавидел, стремился и находил, ошибался и надеялся — человек жил. И вдруг вот такой патрон — и нет человека.

Я люблю жизнь. А смогу ли, как Игорь Смирнов: «Товарищ лейтенант, разрешите мне?»

Я видела женщину у невысокого обелиска — мать Игоря. Из года в год, в течение тридцати пяти лет, приезжает она сюда, на Смоленщину, чтобы поздравить сына с днем рождения. Ее Игорь прожил девятнадцать лет. Он мечтал изучать историю. Наверно, он был бы хорошим историком, но не стал им. Историю он творил сам и остался в ней.

Далеко от Смоленщины, в центре России, на Урале, — домик с тихим двориком. Здесь когда-то молодая мама укачивала своего малыша. Здесь встречала своего мальчугана с сияющим, расцветшим от алого галстука лицом, слышала жаркие юношеские споры о жизни, о чести, долге и мужестве.

На подоконнике — стопка ученических тетрадей. Сочинения Игоря за девятый класс. Вот одно: «Я счастлив: у меня хорошие друзья, интересная комсомольская работа, добрая, умная мама... Но я знаю: счастье надо беречь, а если потребуется, то сумею защитить его».

На комод — альбомы с вырезками из газет, рисунки, сделанные в летних экспедициях, дневник комсомольца Смирнова. На первой странице: «Сегодня я стал комсомольцем. Обещаю вам, трипольцы, Николай Островский, строители Комсомольска, я буду достоин вас. Всегда. Я не подведу».

В другом месте: «Володька не ездил на пожары. Записали строгий. Но ведь явно же, что струсил. Он не должен иметь комсомольский билет».

Женщина у невысокого обелиска... Снова и снова проходит перед ее глазами недолгая жизнь сына. Она помнит каждое сказанное им слово, каждую строчку его письма. В одном из последних сын писал: «Фронт стал моим университетом. Фронт закалил меня. Фронт разжег огонь ненависти к заклятым врагам и жажду мести за страну и народ. Фронт заставил в тысячу крат сильнее полюбить Родину, полной мерой оценить свою жизнь, понять до конца свой комсомольский долг». Гордые материнские слезы — я видела их, стоя у невысокого обелиска в березовой роще.

Березы хранят память о тех боях. Они хотят рассказать о девятнадцатилетних, что защитили их. Шепчут березы, и я слышу: «Товарищ старший лейтенант, разрешите мне». И повторяю: «Разрешите мне... Разрешите мне...»

Я вскакиваю. Нельзя сидеть. Надо идти, надо что-то делать. Позеленевший патрон затаился на ладони. Он уже потерял прежнюю силу. Я размахнулась и бросила патрон в озеро. Дзинькнуло разбитое зеркало воды. Ветер пронесся над рощей. Березы дружно и согласно кивнули вершинами.

Теперь я знаю, что скажу, когда получу комсомольский билет. Я скажу: «Разрешите мне». Там, где сложно, там, где трудно, где другие пока не решаются, я скажу: «Разрешите мне!»

Светлана УРЮПИНА,
г. Киров

Людмила ИШУТИНОВА

*Ты слышал,
как трава растет?
Как распускаются цветы,
как ветер
по ночам поет,
как под лунной звенят листья?*

*Ты слышал,
как в тиши лесной
вдруг просыпается заря,
ручей
рождается весной,
вздыхает после гроз земля?*

*Ты слышал?
Слушай!
Не спугни,
ведь тает на губах роса,
и гаснут светлячков огни,
и исчезают голоса...*

*Осенние дожди поют
о будущей весне.
Я слышу в песне их
отчетливо и ясно
напев
еще далекого апреля,
и робкое
дыхание весны,
и запахи черемухи
цветущей
вдруг принесет
нам ветер сентября.
И легкий мост
незримо,
невесомо
повиснет
над землей,
соединив
два полюса —
Весну и Осень.*

*Тополиные аллеи —
стада оленьи
рогами ввысь
уперлись.
Их кутает ветер
горностаевым мехом,
и со смехом
синица — вниз,
и белое небо
с землей белой
смело обнялись.
Тополиные аллеи —
стада оленьи,
куда вы?*

*Влюбленность с любовью не путай
друз с другом, мне не клянись,
мы вместе
только минуты,
а порошь
целую жизнь.*

*Легко расстаемся
друг с другом,
прощаем
друг друга легко.
За нашими окнами вьюга
снега намела глубоко...*

Прежде всего при въезде в Орджоникидзе—столицу Северной Осетии—вас покорают горы. Вы будете долго находиться под впечатлением от них, независимо от того, в какое время года приехали и какой выдался день. Но лучше, если выдастся ясное утро: солнце еще будет за горами, но лучи его, нежная россыпь их, розовато высветлят небо, растворят тяжелые облака, и тогда вы увидите Казбек, снежная вершина которого поначалу не очень удивит ваше воображение. Находясь в отдалении от скалистой гряды хребтов, Казбек незаметно возвышается над ними, и нет в нем, кажется, той величественности и покоряющей красоты, которая вдохновляла многих поэтов.

Но с восходом солнца глаз ваш начнет привыкать к горам, к истинной высоте, и вы поймете, почувствуете значительное превосходство Казбека над соседними вершинами. Превосходство не только в высоте, но и в самом очертании вершины—она не пронзает острием главы небо, напротив, нежно закругленная снежной белизной, она, как образец завершенности, будет мягко искриться на солнце, и иногда будет казаться, что вершина растворяется в самом небе, уходя в неизмеримую бесконечность.

И как все-таки выигрывает на фоне жестких скалистых пиков, вспарывающих безмятежное утреннее небо, поэтичная овалность вершины Казбека. Помните у Лермонтова:

*И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.*

...Когда солнце взойдет, вы вдруг поразитесь: город, в который вы приехали, окружен цепью гор. И на миг вы почувствуете себя в каком-то нереальном, сказочном мире, где за каждой вершиной хранится тайна... Если вы турист, который уже успел много попутешествовать по горным странам, вы попытаетесь сравнить горы Северной Осетии со скалистым Памиром или, допустим, Тянь-Шанем, возможно, с Кордильерами или Андами и, конечно, найдете немало общего. Но, уже поживя в Осетии с неделей, поймете, что горы ее непохожи ни на какие другие. В течение недели—если вы приехали, предположим, зимой—вы сможете ощутить на себе июльский зной, когда ваши башмаки, не просохшие еще от вчерашнего таяния снегов, покроются желтой пылью, но не успеете вы ее стереть, как тут же повалит снег и вчерашние лужицы за ночь затянет тонкой коркой льда.

Если вы отважный горнолыжник, то вы обрадуетесь такой перемене погоды и начнете настраиваться на слалом, обдумывая, с какими креплениями лучше брать лыжи и какая мазь подойдет к свежему снегу. Но наутро, выглянув из окна недавно построенной роскошной гостиницы «Владикавказ», вы удивитесь дождю в январский день и обилию зонтиков над головами горожан. В такую погоду лучше всего зайти в бывший католический собор—теперь филармонию—и послушать там Баха, Генделя, Бетховена, Чайковского, музыку современных осетинских композиторов. А вашей соседкой вдруг окажется осетинка, которой восхитился в своем «Путешествии в Арзрум» великий поэт. В ан-

тракте она поделится с вами впечатлениями о балете «Жизель», недавно поставленном на сцене осетинского музыкального театра, или об опере «Аида». Но, как человек любознательный, вы начнете расспрашивать девушку о крае, где она родилась.

— Коста Хетагуров,—точас вспомните вы и попросите:—Почитайте мне его стихи, ведь, пожалуй, никто не воспел лучше его Осетию.

Вы будете слушать стихи, и взволнованный, проникновенный голос девушки будет вам казаться отдаленной печальной мелодией:

*...Коченеет ворон...
Страшен бури вой...
Спит на круче черной
Нар, аул глухой...*

Еще находясь под впечатлением от стихов, вы будете смотреть на горы, и в густеющих сумерках вечера, молчаливые и неприступные, они начнут открывать вам свои тайны—какие-то из них для вас уже были открыты теми, кто был влюблен в горы, хотя и рожден далеко за их вершинами. Но вначале об открытых тайнах вам напомнит Терек—прислонившись к высокому каменному парапету набережной, слушая неутомимый шум реки, глядя на голые деревья под дождем на другом берегу, вы вспомните и «Казак» Толстого, услышав перестрелку их с черкесами, и лермонтовского «Демона», и осетинские зарисовки Пушкина из «Путешествия в Арзрум», а потом обратитесь мысленно к впечатлениям

о горном крае автора «Трех мушкетеров»... Река многого воскресит в вашей памяти, но взгляд бессознательно, словно магнитом, будут все же притягивать горы. Потому что горы всегда хранят в себе еще не раскрытые тайны.

— Вы слушали когда-нибудь осетинскую гармонику или скрипку?—спросит вас спутница.

Конечно, вы вспомните о том, как когда-то видели осетинский ансамбль «Алан», где играли и скрипка, и гармоника, и бубен, и красавцы джигиты выплясывали так, что зал замирал, особенно когда вышел на сцену совсем юный парнишка в черкеске и при газырях, сплошь приталенный кинжалами. Сразу было видно, что это кинжалы не бутафорские, потому что перед этим уже исполнялся танец-сражение, танец предков осетин-аланов, и он ничем не отличался от настоящего сражения: огненные искры от ударов кинжалов летели со сцены в зал, к зрителю, и вы боялись, как бы на сцене не пролилась кровь танцора...

В бешеном ритме музыки танцор на ходу вонзал кинжалы в сцену, бросая их через голову, через локоть, плечо, с руки, не сбиваясь с ритма, ускоряя его, рискуя быть тяжело пораненным, и зал притих, а потом, когда все кинжалы до единого были вонзены в пол и в их частокле артист продолжил танец на носках, зрители взорвались аплодисментами.

«А что же я еще знаю?»—начнете вспоминать вы. И припомните стари-

ка, патриарха отечественной школы наездников, которого видели еще в детстве, в цирке, что на Цветном бульваре. Он выезжал на манеж на сером породистом иноходце, подтянутый и стройный, словно юноша, в свои восемьдесят с лишним лет. Как же шла ему белая бурка, красная черкеска с газырями и кинжал в серебряной инкрустации!

— А вы видели наездника Алибека Кантемирова?—спросите вы девушку.—Это же настоящий волшебник.

— Волшебник умер, он никогда больше не выедет на манеж.

— Но выезжают его сыновья... Он передал им искусство предков.

— Они прекрасные наездники, но они все же артисты...

— А он? Ведь и он...

— Нет, он просто родился в седле.

ИСКУССТВО СИДЕТЬ В СЕДЛЕ

**ПОКРОВИТЕЛЬ ОХОТНИКОВ—
АФСАТИ.**

республиканский художественный музей, где выставлен большой живописный холст «Посвящение коня покойнику». Это картина известного осетинского художника Махарбека Туганова. Погибшего в бою воина сейчас предадут земле. Вместе с ним как священную жертву предадут земле и его верного друга на поле боя—коня. Седобородый старец, перед тем как отправить воина в страну мертвых, держа в руке рог с вином, обратится с молитвой к владыке ее—Барастыру. Старик скажет, что воин был храбр и заслуживает в ином мире достойное место. Он обратится и к привратнику мертвой страны—Аминону, чтоб тот встречал покойного со всеми почестями: человек, владевший искусством сидеть в седле, заслужил это.

А кто же был этот воин? Возможно, один из тех, кто не склонил головы перед несметными полчищами гуннов, ордами Чингисхана, а может, это был один из тысяч погибших в боях с хромоногим Тимуром или тот, кто обратил в бегство отряды персидского шаха Аббаса I, вероломно вторгшегося через Дарьял на аланскую землю. А

может, тот, к кому, соперничая между собой, обращались за союзом Византия и Хазария.

Вместе с советскими историками ученые многих стран со второй половины девятнадцатого века исследуют прошлое некогда могущественного государства, располагавшегося на стыке между Европой и Азией и именовавшегося Аланией.

Из этого прошлого и вынес свое искусство старый наездник, а затем продемонстрировал его на аренах цирков.

Из этого прошлого родился и танец с кинжалами, не уступающий по красоте и риску испанской корриде.

Ученых привлекает многое из прошлого Осетии. Одни пытаются установить: где же все-таки был расположен славный город Дедаков, столица древней Алании. Ищут его на левом берегу Терека, на реке Сунже, в Куртатинском ущелье, а то и в районе нынешней столицы Осетии—Орджоникидзе. Другим хочется обнаружить очередные памятники высокой кобанской культуры осетин, которая восходит к первому веку до нашей эры. А некоторым интересно узнать, в самом ли деле кобанская культура принадлежит тем, кого ранее изображали как обитателей горных «трусоб», «отсталых дикарей» и природных «разбойников», ведь она как-никак не уступает по своему уровню прославленной центральноевропейской культуре Гальштатта—культуре кельтов.

Замечательные памятники бронзовой кобанской культуры сейчас хранятся в местном краеведческом музее, в ленинградском Эрмитаже и Историческом музее Москвы, в Сен-Жерменском музее древностей в Париже, в музеях Лиона, Вены, Берлина...

...Рано утром, еще до того, как взойдет солнце над горами, хорошо побродить по незнакомому городу одному. Теперь вы кое-что узнали из прошлого древнего края и не торопитесь в горы, они уже для вас не только головокружительный спуск по проторенной лыжне, когда вы летите словно в бездну и встречный ветер готов вас опрокинуть.

Вы не спешите в горы, хотя многие их тайны вас по-прежнему манят. А вдруг в одном из ущелий навстречу вам промчится всадник в черной бурке, умыкающий невесту, или из врат боевой башни выйдет абрек, блеснув

лезвием кинжала, или появится на просторе одной из долин Дарьяла осетинский царевич Давид Сослан, меч которого не дрогнул в поединке с Ричардом Львиное сердце. Или из замка, возвышающегося на утесе по пути в Грузию, выглянет царица Тамара—дочь мудрой осетинки Бурдухан.

...Вы не спешите в горы. Вы бродите по городскому парку. Плакучие ивы любуются собой в сонной глади озера. Из-за островка, будто в сказке, выплывают на середину озера лебеди, один из них лениво приветствует вас взмахом крыльев, рассеивая вокруг серебристый водяной бисер. А вот и царственный павлин, он вышел навстречу к вам по песчаной аллее, солнце радужно искрится по всему оперению птицы, красивый хохолок, напоминающий корону, горделиво венчает голову. Павлин важно ступает, потом садится рядом с голубой елью, пыльным вѣером распускает хвост, и вам теперь кажется, что это вовсе и не птица, а какой-то экзотический, дикий куст цветов.

А рядом поле маков—от их пылающего огня кружится голова, дальше белые нарциссы, розы, гвоздики. А вот желтые цветы, их нежные длинные стебельки напоминают гибкий стан девушки. У нас эти цветы называют танцующими девами: когда вы опускаете их в вазу с водой, цветы вдруг начинают оживать, приходят в движение. Этими цветами усыяны альпийские луга в горах Осетии.

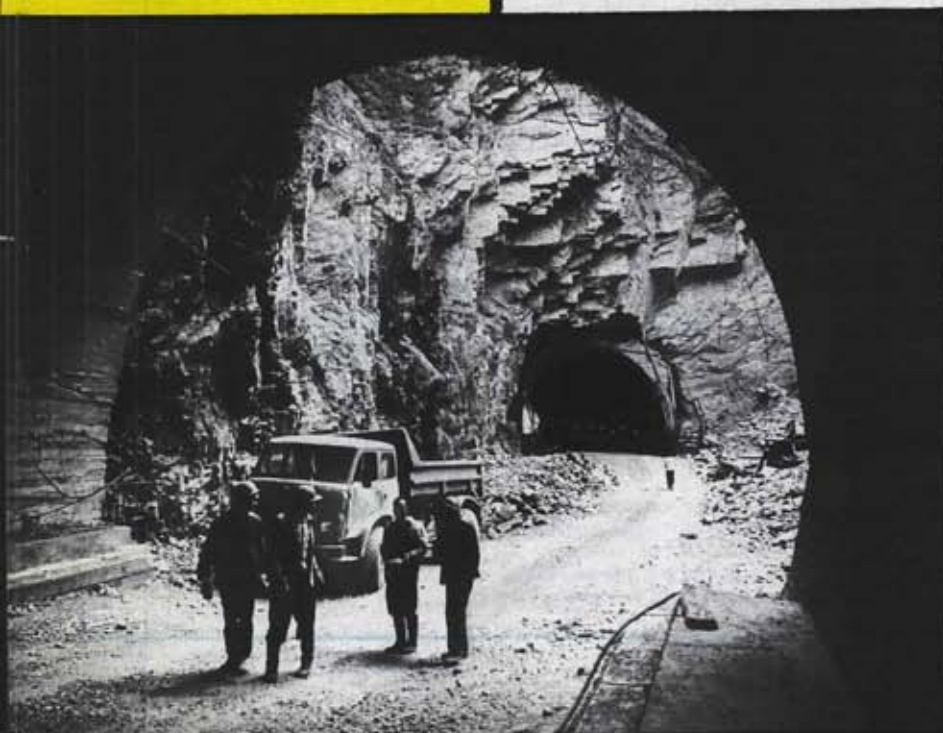
Вы уже сворачиваете с аллеи, чтоб выйти в город, но в этот миг вас привлекает необычное зрелище: по берегу озера катится старинный фэтон, запряженный симпатичными лохматыми пони. А в фэтоне детишки—интересно после трамвая или троллейбуса прокатиться на старинном, дедовском транспорте.

Городской парк—это одна из достопримечательностей старого города, в этом районе в основном расположились музеи, культурные учреждения, знаменитый тополиный бульвар, пересекающий весь старый город. В жаркий день в тени его сидят старики, играют в нарды, читают газеты. Бульвар—как бы продолжение парка, своего рода оазис отдыха.

А потом вы въезжаете в новый город: взлетающие ввысь многоэтажные корпуса, вершины которых венчают телевизионные антенны, потоки машин, несущихся по широким магистралям, грохот транзисторов, в котором угадывается знакомая мелодия, коктейль со льдом в кафе, из широкого окна которого хорошо видно, как выходят в обнимку он и она и вскоре теряются в улочной толчее, такой нарядной, счастливой и доброжелательной; теряются, чтобы, остановившись у афиши, сделать для себя выбор: куда же пойти сегодня? В театр, чтобы увидеть известного актера Владимира Тхагаева в роли Отелло? А может, посмотреть, как будет бороться на ковре прославленный олимпийский чемпион Сослан Андиев, или отправиться на выставку художников?

...Столица Северной Осетии, именованная ранее Владикавказом, была до революции захолустной провинцией, изнуренной нищетой, монотонной и однообразной жизнью, а стала ярким современным городом: десятки школ, несколько высших и средних специальных учебных заведений, университет, планетарий, кинотеатры, театры, филармония, дома отдыха, санатории, спортивные сооружения и, конечно, промышленные предприятия.

В Большой Советской Энциклопедии говорится, что ведущую роль в экономике Орджоникидзе играют новые отрасли: машиностроение, приборостроение, электротехническая промышленность. А «патриархом» промышленности не только столицы, но и всей республики, пожалуй, можно считать завод «Электроцинк». Он ра-

**ПО ПРОБИТОМУ ЧЕРЕЗ
РОКСКИЙ ПЕРЕВАЛ ТОННЕЛЮ
ПРОЙДЕТ СТРОЯЩАЯСЯ
ТРАНСКАВКАЗСКАЯ
АВТОМАГИСТРАЛЬ.**

**СТОЛИЦА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ
ОРДЖОНИКИДЗЕ—
ЯРКИЙ СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД.**

**ВЫ СЛЫШАЛИ КОГДА-НИБУДЬ
ОСЕТИНСКУЮ СКРИПКУ?**

Не ради цирка. А это самое сложное искусство—уметь сидеть в седле без эффектных трюков.

Поначалу у него была трудная доля, у этого старика, чья жизнь прошла в седле, кто верхом на коне объездил самые крупные и прославленные в мире арены цирков. Им восхищались американские ковбои, мексиканцы в знак особого поклонения подарили ему золотую подкову—высший приз наездничества. Им восторгались английская королева и докеры Амстердама, президенты и мелкие клерки, а кинозвезды брали у него автографы. Но вряд ли кто из них знал историю Осетии, с которой так тесно связана история древнего искусства.

У аланов был обычай, оставленный им еще со времен скифов. Чтобы лучше себе его представить, надо зайти в

Восьмистишия

Товарищи далеких дней моих,
ровесники, прожившие так мало!
Наверное, остался я в живых,
чтоб память на земле не умирала.

На поле боя павшие друзья!
Вас было много, страстно жизнь любивших.
Я ведаю: в живых остался я,
чтоб рассказать о вас, так мало живших.

Чем ближе и ярче весна,
тем пение птиц веселее.
Но песнь их умолкнуть должна,
едва лишь земля побелеет.

Чем снег тяжелей у крыльца
и чем безнадежней ненастье,
тем трепетней песни певца,
тем больше тепла в них и страсти.

Мой друг не пишет мне писем,
мой друг не пишет мне писем.
Я сам пишу себе письма,
как будто пишет мне друг.

Я письма читаю соседям,
я письма читаю соседям—
прекрасные, добрые письма,
которых не пишет мне друг.

Я проснулся на рассвете—
в небе ни единой тучи.
А вчера был дождь и ветер,
мир был весь в слезах горячих.

Кто ж так высоко-высоко
в небо поднялся с метлою
и подмел в мгновенье ока
небо, скованное мглою?

Размытые контуры скал—
день туманный и мгlistый с рассвета.
Он пришел к нам, спустился, настал,
но солнце оставил он где-то.

Он похож на коня, что во мгле
возвращается с поля сраженья,
оставив лежать седока на земле
без движенья...

На неведомых перронах
выхожу я из вагона
на коротких остановках:
вдруг увижу я тебя!

В дальних странах незнакомых,
на чужих аэродромах
выхожу: вдруг ту увижу,
что похожа на тебя!..

Жизнь капризна. Мы все в ее власти.
Мы ворчим и ругаем житье.
...Чем труднее она, чем опасней—
тем отчаянней любишь ее.

Я шагаю нелегкой дорогой,
ямы, рытвины—только держись!
Но никто не придумал, ей-богу,
ничего, что прекрасней, чем жизнь.

Все людям снится: радость, грусть
и прочный мир в дому...
Но только наши встречи пусть
не снятся никому.

Пусть никто о нас с тобой
не ведает вокруг—
про наше счастье, нашу боль
и песни первый звук...

Санта Клара

До утра брожу я по бульвару,
все не нагляжусь на Санта Клара.
Может, он из древнего сказанья,
этот город с ласковым названьем?

Все твержу я нежно: Санта Клара.
И зову с надеждой: Санта Клара.
И шепчу печально: Санта Клара.
И стою в молчанье: Санта Клара.

Кто построил в честь своей любимой
город красоты неповторимой?
Кто же подарил своей невесте
этот город-сказку, город-песню?

Слышу, вдалеке звучит гитара...
Я тебе признаюсь, Санта Клара:
жизнь моя прекрасна и богата
именами, что для сердца святы.

Это мать—ты слышишь, Санта Клара?
Это дочь—о, тише, Санта Клара.
И сестра моя в ауле старом.
И жена моя, ах, Санта Клара!

Если б сотворить умел я чудо,
я бы городов настроил всюду.
Города за реками, горами
милыми назвал бы именами.

Если б каждый город был обвенчан
с именем прекраснейшей из женщин,
люди спать могли б тогда спокойно
и исчезли бы вражда и войны.

Все б тогда твердили ежечасно
имена подруг своих прекрасных—
так же, как в тиши твоих бульваров
до утра твержу я: Санта Клара...

Перевела с аварского
Лорина ДЫМОВА

Запомни, сын мой,
Что любовь—одна.
Единственно—одна,
Пока не ложна.
Она лишь солнцу может быть равна.
Двум солнцам жить на небе невозможно.
Пускай она затмит все пустыни,
Все мелкое вокруг себя заслонит,
Как солнце, восходя из-за реки,
Стирает свет звезды на небосклоне.
Владей и управляй страстями сам.
Коварные, как ветер в непогоду,
Они то наполняют паруса,
То рвут их, опрокидывая в воду.

Запомни, сын мой:
В жизни много бед.
Ее уроки и мудры и строги.
И все ж, наверно, злей несчастья нет,
Чем вдруг да оказаться без дороги.
Дорога—
Под камнями ль, под песком,
Прямая иль кривая,—все ж дорожке
Покрытого печалью и тоской,
Бесцельного,
Пустого бездорожья.

Ты знаешь, сын, есть золото молчанья.
Но есть еще и слово-серебро.
Хочу, чтоб ты не спутал их случайно:
Что зло из них, а что из них добро.
Я думаю, что жизнь тебя научит
Неписаному правилу сама:
Сказать иль промолчать?
Как будет лучше?
И выбор твой—свидетельство ума.
Здесь все должно быть честно, а не ложно,
Душою покривишь, считай, сынок:
Ты в поединке дал врагу возможность
Из ножен первым вытащить клинок.

Как, сын мой, твое имя ни звучало б,
К каким высотам ни поднялся б ты,—
Запомни, что тропа берет начало
С земли,
С низины,
А не с высоты.
И, устремив свой взор к вершине гор,
Ты все же опускай его к дороге,
А то, споткнувшись, поломавшь ноги
О камень иль какой-нибудь бугор.
Еще, мой сын, напутствие одно:
Не ставь амбар, чтобы хранить зерно
На высшей точке гор. Ведь все равно,
Как ты ни береги его, оно
Мгновенно ветром будет снесено.

Будь верным, сын мой,
Сказанному слову.
Коль ты сказал: «Приобрету коня!»,
А кто-то, твое слово отклоня,
Взамен коня сулит тебе подкову,—
Не обольщайся.
Не забудь о том,
К чему стремился.
Твердым будь, как камень.
Ищи коня! Подкову ты потом
И собственными сделаешь руками.

Запомни, сын:
Большие корабли
На берегу не гибнут,
Как скорлупки,
А гибнут в море—от земли вдали,
С взметенным флагом,
С капитаном в рубке.
Так и мужчина,—
Если над странюю
Зажжется смертоносная гроза,—
Не на перине,
А на побре боя
В последний раз
Закроет он глаза.
Названия погибших кораблей
Уйдут к другим,
Что заново построят.
А именами славными героев
Дочурок назовут и сыновей.
И я от всей души хочу, мой сын,
Чтоб ты—делами долгими своими,—
Из жизни уходя,
Не уносил,
А обессмертил
Образ свой
И имя.

Итак, мой сын, ты расстаешься с детством,
Не забывая о важном и святом,—
Не бойся рук своих запачкать честным,
Любим,
Полезным для людей
Трудом.
Лишь одного желаю в этот день я:
Чтоб в долгой жизни до последних дней
Позорным и бессмысленным бездельем
Не загрязнил ты совести своей.
И не считай,
Что поздно или рано
К тебе придет спасительно вода...
Да вылей на себя хоть океаны,
А грязь с души не смоешь никогда.

Перевел с аварского
Владимир ТУРКИН

ботаает на сырье, поставляемом с многих горных рудников, давая стране цинк, свинец, различные сплавы. Кроме завода «Электроцинк», цветная металлургия республики представлена Садонским свинцово-цинковым комбинатом, Мизурской и Фиагонской обогатительными фабриками, столичным заводом «Победит», выпускающим твердые сплавы.

А в небольшом городке Беслане расположился крупнейший в Европе маисовый комбинат, вырабатывающий из кукурузы крахмал, патоку, глюкозу, масло, сухие корма. Крахмальный завод есть и в Орджоникидзе. Крахмало-паточная промышленность—традиционная для Северной Осетии. Но, как мы уже отметили, лицо промыш-

ленности республики и ее столицы определяют сегодня новые отрасли экономики. С их продукцией вы уже можете познакомиться в любом конце страны.

Назначив свидание, как и положено, под часами, поднимите голову—точное время вам укажут электрические часы, изготовленные в Орджоникидзе. Откройте дверцу холодильника, включите фары автомобиля или обыкновенный карманный фонарик—вполне вероятно, загоревшиеся лампочки окажутся прибывшими к вам из Северной Осетии. Практически во все города страны и в два с лишним десятка зарубежных государств поставляют свою продукцию электроламповый завод, одно из самых молодых

предприятий республики. На электроламповом трудится немало молодежи. Если вы, приехав в Орджоникидзе, будете внимательно читать местные газеты, то обратите внимание на нередко упоминающиеся в них бригады Николая Бедоева и Бенсултана Мамсурова. Это закономерно. Обе бригады—правофланговые социалистического соревнования на заводе, обе за высокие производственные показатели награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета СССР. Обе высоко несут звание комсомольско-молодежных бригад и обе крепко держат рабочее слово. И нет у нас никаких оснований сомневаться в том, что, когда читатели получат этот номер журнала, бригады Бедоева и

Мамсурова выполнят свои социалистические обязательства и завершат пятилетнее задание.

Про таких людей вам будут в Орджоникидзе рассказывать с явной гордостью, ставя их имена вровень с теми, кого давно знает вся страна.

...«Мой путь в Арктику начинался отсюда, с Орджоникидзе,—говорит один из почетных его граждан, капитан атомхода «Арктика» Юрий Кучиев.—Когда я еще был мальчишкой и мы гоняли по Тереку маленькие парусники, тогда и зародилась мечта стать капитаном и выйти в открытое море».

«Я родился в этом городе,—вспомнил о столице Северной Осетии крупнейший театральный деятель Вахтанг

Дубосеково

«Велика Россия, да отступить
некуда—позади Москва».

Полистрок Клочков

Спрыгнул я на дно окопа,
А в низине, за леском,
Покатился конский топот,
Громыкнул далекий гром.

И с проселочной дороги
Круто, высоко в зенит,
Словно облачко тревоги,
Пыль взметнулась от копыт.

Поле стелется отлого,
Утки в небе тянут сеть.
Близкая спешит подмога,
Да вовек ей не поспеть.

Танков черная лавина
Скроет белый свет от глаз...
Смерть... Падения Берлина
Наступает первый час...

От железного удара
На сажень земля мертва.
Жив лишь голос комиссара
И последние слова...

Быстро скачет конь в низине,
Утки прынули в зенит.
Нет войны давно в помине,
Только голос все звучит—

Для того, кто через бруствер,
Принимая смертный бой,
Вдаль смотрел с улыбкой грусти,
Взглядом встретился с судьбой.

Из цикла «Святыни Грузии»

Я хочу в Светицховели
Дольше быть, чем быть пришлось,
Я хочу один без цели
Здесь бродить, случайный гость.
Чтоб, сюда ступив повтором,
Снова дрогнула нога,
Чтоб взметнулась перед взором
Перелетных птиц пурга.
И пока остынет трепет
В зябком воздухе и крик,
Свежий, словно бы и не пит,
Пить и целовать родник.
Он давно бежит из плена,
Долгие века и дни.
Преклони пред ним колена,
Низко голову склони!
Кончились тепло и лето,
Летним птицам в путь пора.
Не тебя—их вспомнит Мцхета,
И Арава, и Кура.

Но хочу в Светицховели
Прилететь... Хочу, хочу!..
Неужели, неужели
Вновь туда не прилечу?..
Знать, дано тому подворью,
Где сошлись мы вчетвером,
Нас пленить одной любовью,
Повязать одним добром.
Слово там живет живое,
Свет его не умирал,
Высоко над головою
Бор звучал, звучал хорал.
Ни гордыни и ни слеси
В песнях—все труды, бои.
Птицы помнят в поднебесьи
Гнезда теплые свои.
В солнечном и лунном блеске
Реки плыли, на стене
Выпукло сияли фрески,
Словно камешки на дне.
Светит над Светицховели
Родины моей звезда.
Вот и птицы улетели,
Не оставили следа.

Пройдет прямой рассветный дождь,
И ветер низовой
Опять поднимет в поле рожь
Под тучей грозовой.
Леса пересекут между,
Что делит тьму и свет.
Я на дорогу выхожу,
Конца которой нет.
Свеченье тусклое небес,
Сырого поля шум
Дороже призрачных чудес,
Заветных выше дум.
И слабо реют в синеве
Над тучей стрижи,
Как темные догадки две
В безмолвии души.
Как образ взора и намек
Подруги дорогой,
Чтоб я один понять лишь мог,
Лишь я—никто другой.

Взлетает шумная волна
Над бледной отмелью морскою,
Напоминая скакуна,
Что поднят сильною рукою.
На побережье шторм идет,
Грохочет берег слева, справа.
А сердце медленнее бьет,
И грусть дороже, чем забава.
Здесь я любил... Любви слова
И говорить и слушать трудно...
Не год прошел, а двадцать два,
Но место это так безлюдно.
Я постоял и повернул
От берега своей печали,
А по пятам катился гул,
И все деревья трепетали,
Как и тогда, когда двоих
Нас мучил шторм, слепая сила.
Ты слышишь, ветер не затих,
А ты уже про все забыла.

Время листьев

Пойду бродить в лесу. Не всюду стаял снег...
И лед еще не весь ручьем размолот.
Но в средней полосе все дольше длится свет,
И метр за метром уступает холод.

Он сжался, потемнел, он весь ушел в себя.
Он жертва для языческих заклятий—
Как бьет в него лучом, сверкая и слепя,
Победоносный март—и молодой и ранний!

Распутицей махну наискосок
К опушке солнечной, где писк пичуги тонок,
Где зябнет на ветру порывистом дубок,
Как убежавший из дому ребенок.

Пробежать по старому этому мосту—
Что-то бы растаяло в сердце ли, мозгу,
С глаз туманом сгнуло, мутью, пеленой,
Кругозор раздвинуло поймой речной.

Пробежать по шаткому этому мосту
Полверсты, а может быть, целую версту
И влететь в боярышник, в травы, лебеду:
Чтобы голос бабушкин услышать в саду.

Пробежать по ветхому этому мосту—
Увидать над Клязьмою синюю звезду.
Как волнует издавна этот тихий свет!
Увидать хоть издали, как рыбачит дед.

Босиком—по теплому этому мосту.
К юности приставлен он—сторож на посту.
Старый мост над Летою посреди небес.
Деревянный след его—даже след исчез.

Все строилось—да еще как старательно,
Расчетливо,—чтоб после не страдать.
Хотели бы и к счастью гарантии—
Чего оно никак не может дать.

Казалось счастье теплою квартирою,
В бездомье обретенной наконец.
Казалось счастье вечною картиною,
А было только отдыхом сердец.

Но долго ли мужчине быть мальчишкою,
А женщине девчонкой сколько ж быть?!
А счастье было только передышкою
Среди труда великого—любить.

Влюбленный мальчик движется
На станцию метро,
И сам себе он кажется
Печальным, как Пьеро.
Никак он не отважится
На важные слова...
Вот просыхают лужицы,
И млеют деревья.
Стрижи над сквером кружатся...
Ну, полно, посмотри,
Как лист из почки режется,
Как давит изнутри.

I
Поутру холода остры.
Льдинки в лужах—
Осколки стекол.
Упоенно,
Легко,
Жестоко
Раздувает октябрь
Костры.

Ветки голы над головой,
Не сказать—до чего сиротливы!
Что-то рано старые липы
Распростились с листвою.

Шелестящий, хрустящий ком,
Ворох брошенных ассигнаций.
За инфляцией не угнаться—
Обесценено сентябрем.

От жары вы спасали меня,
Жару ярому послужите!
Рад ему, как пещерный житель.
Сердце ожило у огня.

В небесах журавлей кресты.
Вся округа насквозь продута.
Перед битвой великой будто
Светят утренние костры.

II
Время листьев.
Надо им пролиться!
Падают чудовищным дождем
Бешеные, огненные листья.
К ночи город ими подожжен.

Кто крылами так о стекла бьется?
Птица Феникс села на окно.
Плечет, погибая, и смеется.
Точно людям, это ей дано.

Плачь и смейся!
Скоро будет голо:
Парки, скверы выгорят дотла.
И тогда уже ударит холод
В синие свои колокола.

И, сверкнув красой великолепной,
В иней превратятся плач и смех.
Вот и все. Уже остывшим пеплом
Улицы укроет легкий снег.

И как тюльпаны нежатся,
Как май в них жизнь разжег.
Не сбудется? Не сложится?
Все сладится, дружок!
Жаль только, что среди множества
И радостей и бед
Ты, обретая мужество,
Вдруг потеряешь след
Того, который кружится
У станции метро,
Который себе кажется
Печальным, как Пьеро.

гов.—На сцену театра я ступил впервые здесь».

«В Орджоникидзе зарождалась любовь к музыке,—рассказывала народная артистка СССР, дирижер Московского симфонического оркестра Вероника Дударова.—Посмотрите на эти горы, разве в них не звучит величественная симфония!»

В этом городе начинали свой путь в искусство одна из ведущих солисток Большого театра, народная артистка РСФСР балерина Светлана Адырхаева, лауреат международного конкурса, дирижер Ленинградского Кировского театра Валерий Гергиев, лауреат Государственной премии СССР скульптор Сосланбек Тавасиев, автор крупнейшего в мире конного монумента

Салавату Юлаеву, и многие другие именитые люди.

В этом городе живет отличный парень по имени Бетроз, когда-то он играл в футбол, потом работал слесарем в трамвайном депо. Теперь он, должно быть, уже не парень, а средних лет мужчина. Потому что с того весеннего паводка, когда проснулись ледники на вершинах, когда свирепые, студеньевы волны Терека, разлившись, несли с вершин огромные, со скалы, камни, заливая набережную города и мостовые, прошло немало лет. Тогда в огромном потоке реки кто-то увидел детскую люльку, которая, словно маленькая лодочка, неслась вдаль...

— Да в ней же ребенок!—выкрикнул кто-то из толпы.

Тотчас появилась надувная камера. Худой, неброского вида паренек молча, без слов взял камеру у кого-то из рук и, не раздумывая, бросился в ледяную воду. Мало кто надеялся, что отважный пловец останется жив, выплывет из бурного потока. Он выплыл и спас ребенка. Родителей малыша не нашли. Хотя искали даже по самым высокогорным, отдаленным аулам. Бетроз усыновил младенца. И назвал его Казбеком—именем самой высокой вершины Осетии. Но не под стать ли этой вершине рабочий паренек Бетроз!

Вот вам ода о городе, о ее людях. Но горы рядом. Они ждут. Разве можно прощаться с Осетией, не побывав в горах, не ступив на извилистую тропу

на краю пропасти, чтоб пробраться к боевой башне Мамсуровых.

«Святой Уастарджи, покровитель путников, воинов и охотников, сохрани нас в дороге!»—исстари, еще со времен великих аланов, обращались в горах к святому. Он чтится особо, ведь путь в горах постоянно связан с риском: из-под прыткого копытца вспугнутой на вершине косули на вас может обрушиться каменная лавина; может она обрушиться и от таяния снегов по весне, от порыва ветра, от внезапного подземного толчка или от первого раската грома перед грозой. Вот и мы обратимся к покровителю путников. И не из языческого поклонения, а по традиции, по тому, как это издавна повелось у осетин.

По пути в Даргавс, еще до того, как добраться до боевой башни Мамсуровых, вы увидите на просторной долине Куртатинского ущелья одинокого коня с опущенными поводьями. В бою на нем сидел гордый и отважный джигит, много врагов poleglo от его руки, но пуля снесла его с седла, и теперь конь замер на просторе, печалась по своему седоку. Эта скульптура—память о воинах-куртатинцах, погибших во время Великой Отечественной войны, память обо всех сынах Осетии, сражавшихся против фашизма, память о семерых братьях Газдановых, павших в борьбе против него. Мать семерых погибших братьев до конца дней своих не снимала траур, как не снимают его многие матери в Осетии. Пятьдесят восемь сынов маленькой Осетии стали Героями Советского Союза, и среди них дважды Герой Советского Союза, генерал армии Исса Александрович Плиев.

...«Масыг» в переводе с осетинского—боевая башня. Их много в Осетии. В свое время каждый род имел свою боевую башню. Чем более знатным был род, тем выше строилась башня. Высота некоторых из них достигала двадцати метров. Когда ночью приближался враг, то на вершине первой, стоящей у входа в ущелье, вспыхивал костер, его видели с соседней башни; тут же на ней зажигали костер, и так сигнал от одной башни передавался к другой. Враг не успевал подойти к аулу, как жители его были уже готовы к отпору.

Боевая башня Мамсуровых, что стоит в Даргавском ущелье, мало чем отличается от остальных башен в горах Осетии. Как и большинство из них, она стоит на вершине крутого обрыва. Когда вы приблизитесь к башне, вас она ничем особенно не удивит. На стенах ее вы не увидите витиеватых узоров или причудливого орнамента—только частые отметины от стрел и пуль врага. Но вас поразит сама кладка башни. Как могли в ту пору строители поднимать на такую высоту огромные, подчас величиной со скалу бесформенные глыбы, затем полировать их чуть не до блеска и складывать, придерживаясь строгих правил военной архитектуры. Такой же кладки и архитектуры все башни в горах Осетии. Тогда чем же все-таки отличается боевая башня Мамсуровых от остальных?

Сама башня, пожалуй, ничем. Но вот род Мамсуровых, воздвигший ее... На всю Осетию он был известен своими мастерами—строителями и кузнецами, выдающимися государственными деятелями. Этот род дал Осетии первого поэта девятнадцатого века Темирболата Мамсурова, председателя Совнаркома Горской республики Саханджери Мамсурова, писателя Дабе Мамсурова. Он дал Героя Советского Союза, генерал-полковника Хаджимара Мамсурова. Кто смотрел фильм «Земля—до востребования», тому, наверное, запомнился один из героев его, полковник Ксанти, крупный разведчик, на долю которого в период борьбы против фашизма в Испании выпала не меньшая миссия, чем на долю таких, ныне известных советских разведчиков, как Маневич, Рихард Зорге, Абель.

Полковником Ксанти называли Хаджимара Мамсурова, близкого друга Мате Залки, Михаила Кольцова, Ильи Эренбурга.

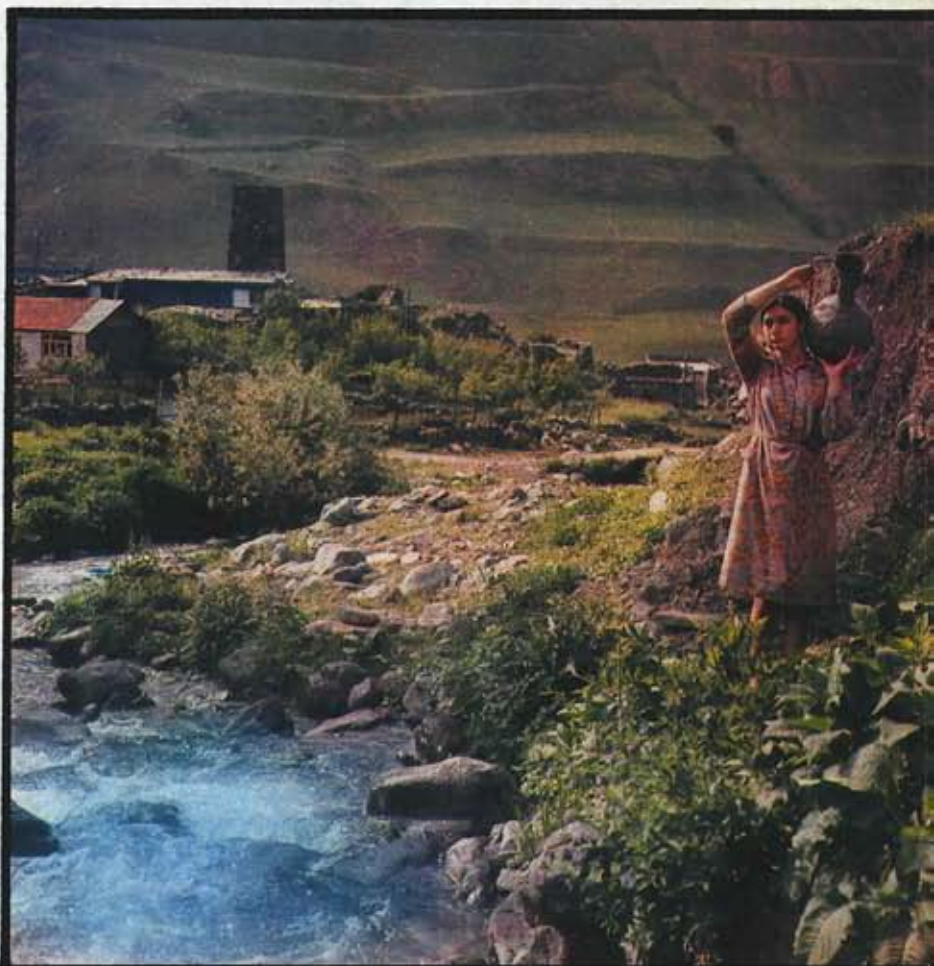
О легендарном Ксанти много слышал Эрнест Хемингуэй в период своего пребывания в Испании. Вскоре американский писатель познакомился с Ксанти. Вначале, как известно, писатель и разведчик не особенно прониклись друг к другу симпатиями. Хемингуэй, чтобы как-то расположить к себе Ксанти, предложил распить вместе бутылочку доброго вина, но, к его удивлению, разведчик, представлявший собою воплощение мужества, отказал-

ся, шутливо сославшись на то, что в роду его никто не пил и он не собирается нарушать эту традицию. Тогда писатель предложил провести вечерок в веселом кабачке. Но и тут Ксанти не принял приглашения. Известный писатель, с которым охотно общались многие видные люди, был поначалу возмущен неприступностью полковника, но со временем, все же узнав его ближе, проникся к нему большим уважением, наделив чертами Ксанти главного героя своего романа «По ком звонит колокол».

Боевая башня Мамсуровых ничем не отличается от всех других башен в горах Осетии. Так же, как и все, рожденная из скал, она сурово и неприступно возвышается на краю крутого обрыва.

...Если вы впервые в Даргавском ущелье, то вы откроете для себя еще одну тайну—справа по пути в глубь ущелья вы увидите высокий холм. Вверх по этому холму взбираются непонятные с первого взгляда строения, в них мало общего с жилищами горцев—саклями, тем более они непохожи на боевые башни. На языческие святилища эти строения тоже мало похожи. Скорее они напоминают часовни. Но это и не часовни, эти строения—своеобразные склепы, выложенные из плит светло-желтого сланца. В Осетии этот холм со склепами называют «Городом мертвых». В склепах его по сей день сохранились останки тех, кто умер во время большой чумы, напавшей на горы в конце восемнадцатого столетия.

Проезжая Даргавское ущелье, этот холм со склепами видел Пушкин. Поз-

**МНОГИЕ ПОЭТЫ
ЧЕРПАЮТ ВДОХНОВЕНИЕ
В ГОРАХ ОСЕТИИ.**

**РЯДОМ С ВЕЧНЫМИ ЛЕДНИКАМИ
И КРАСАВЦАМИ ВОДОПАДАМИ
РАСПОЛОЖИЛАСЬ ТУРБАЗА
«ЦЕЙ».**

же он писал в своем «Путешествии в Арзрум»: «...наш караван ехал по прелестной долине, между курганами, обросшими липой и чинаром. Это мобыли нескольких тысяч умерших чумою. Пестрели цветы, порожденные зараженным пеплом. Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная лесистая гора; за нею находилась крепость».

В Осетии немало красивых ущелий. Приходится удивляться, как на таком маленьком клочке земли природа сумела сотворить так много чудесных поэтических местечек. Каждое ущелье по-своему неповторимо. Взять, к примеру, Цейское—оно удивляет вечными ледниками, рождающимися быстрые реки, высокие красавцы водопады. В глубине девственных лесов Цейского ущелья, в заповедных местах его можно повстречать дикого кабана и коварную рысь. В густых кронах деревьев

щебечут тысячи разных птиц. А на скалистых вершинах весенним расцветом, когда туман растает с первым лучом солнца, вы увидите чудо: у края пропасти, выставив вперед крутые рога, застыв в горделивой позе, красавец тур будет ждать смертного боя. Сейчас отчаянный соперник разбежится и в страшном прыжке обрушит свой удар. Если первый его выдержит, то туры поменяются ролями. Поединок будет длиться до тех пор, пока слабого не поглотит пропасть. И в роковой час единоборства судьями являются только притихшие вершины да парящий в прозрачной весенней сини орел, не смеющий помешать поединку, зорко следящий за его исходом.

Еще находясь под впечатлением от увиденного, вы не заметите, как в вечернем небе блеснет одна звезда, другая; теперь, в наступающих сумерках, вы будете любоваться маленьким

аулом, приютившимся на склоне горы; взглянув чуть выше, вдруг увидите бородатого козла: упершись о незаметный для вас выступ, он будет преспокойно пощипывать травку, пробирающуюся из расщелин скалистого отвеса.

Но не спутайте его с круторогим диким туром—это обычный домашний козел, который вольно, без присмотра, пасется в горах; неприхотливый, он может питаться даже колочими кустарниками. За день в поисках пищи он забирается очень высоко в горы, в места, недоступные человеку, но к вечеру, ровно в назначенный час, он вернется в дом.

Потом перед вами появится отара овец—старик пастух, посвистывая, будет подгонять их, овцы будут мягко притеснять вас, и вы почувствуете теплый запах их шерсти—вперемешку с запахом альпийских лугов. Па-

**В ГОРОДЕ МНОГО
УЮТНЫХ, КРАСИВЫХ УГОЛКОВ.**

**В УЩЕЛЬЕ ВЫ
ПОВСТРЕЧАЕТЕ ДЕВУШКУ
С КУВШИНОМ НА ПЛЕЧЕ,
ИДУЩУЮ
ПО ГОРНОЙ ТРОПИНКЕ
К РОДНИКУ.**

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ
АНСАМБЛЬ «АЛАН».**

стух поприветствует вас как старого знакомого, пожелает прямого пути и здоровья. Вам некуда будет спешить, вы остановитесь и прислушаетесь: где-то в стороне аула залаяла собака, за ней другая, откуда-то издали прокричал петух, замычала корова... Неожиданно хлопнет бичом пастух, а вам покажется, будто кто-то выстрелил из ружья...

Вы еще раз взглянете в сторону аула, но теперь не увидите его живописных строений—в темноте замелькают лишь огоньки, но не беспокойтесь, что темная ночь вас застигла одного в пути. Каждый подмигивающий огонек—это заранее приготовленный для вас домашний уют и ночлег. В горах гость—дар судьбы. Вас угостят горячим кукурузным чуреком, испеченным на углях, острым осетинским сыром и козьим молоком—вам покажется, что нет ничего вкуснее этой простой крестьянской пищи. В гостеприимном доме, сидя с седобородым старцем за треногим столиком, поднимая тосты за героев и простых смертных, за тех, кто давно усоп и кому еще предстоит появиться на свет, вы услышите тысячу разных историй

от старца, который, как и принято испокон веков в горах, сдержан в еде, добр и щедр к гостю и мудр в слове.
...Утром вы снова в пути. В ущелье вы повстречаете голубоглазую красавицу осетинку (по преданию, предки осетин—аланы были белокуры и голубоглазы), с кувшином на плече грациозно сбегающую по горной тропинке к родниковому ключу.

Много прекрасных ущелий в горах Осетии. Много тайн хранят они. И много легенд. Одна из них об Уастарджи—покровителе путников, о том, кто вел нас по узким тропам, нависающим иной раз над самой пропастью...

...На вершине одного из высоких холмов селения Синдиккау, в густых зарослях стоит огромный, со скалу, камень. Раньше в дни праздников, чтоб почтить богов, на вершину этого холма поднимались жители села. Древнее предание гласит о том, что однажды там решил прикорнуть уставший в дороге покровитель путников. Как только он опустился на землю, на голой вершине сразу же вырос густой лес. Под кронами его могучих деревьев, в ночной тиши уже стал было засыпать Уастарджи, как услы-

шал шум и крики, доносившиеся с соседнего холма. Это нарушали всеобщий покой и тишину разбойники. Уастарджи попросил их не шуметь. Но разбойники не унимались. В этот миг с неба прямо к ногам покровителя путников упал огромный камень. Разъяренный, он разрубил мечом на две половины глыбу и одну из них швырнул в разбойников. Вторую часть Уастарджи подложил себе под голову и вскоре заснул.

На плоской поверхности той половины камня, что осталась на вершине холма, старый мастер, житель села Синдиккау, Сосланбек Едзиев, изобразил Уастарджи на коне, карающего злого змея. В Осетии вы едва ли найдете человека, который бы не слышал о Сосланбеке Едзиеве—скульпторе, каменотесе, печнике, плотнике и неистощимом сказителе древних преданий и легенд. И едва ли вы найдете художника, на которого бы так или иначе не повлияло искусство Сосланбека или по крайней мере не затронуло до глубины души. Скромная муза его коснулась искусства таких крупных художников Осетии, как Махарбек Туганов, Сосланбек Тавасиев, Азамбек Джанаев и Лазарь Гадаев. «Пирсmani в скульптуре»,—говорят о нем грузины, гостищие в Осетии. «Он подобен Комитасу в музыке»,—восхищаются друзья из Армении. Никто не остается равнодушен к искусству скульптора-примитивиста Сосланбека Едзиева—он древо, от которого, как ветви, взяли свое начало многие современные художники Осетии. А корни этого древа, пробивая многовековую толщу времени, питались из известной кобанской культуры осетин.

Сосланбек собирал в реке камни, в форме и очертании которых он находил общее с задуманным сюжетом. За такими камнями надо было часто лезть в ледяную, сплывающую с ног горную реку. Односельчане да и жители окрестных сел и аулов нередко обращались к мастеру, чтобы он сделал памятник умершему. И Сосланбек делал, отказываясь при этом от платы. Его называли святым человеком.

По пути к реке загляните на старое сельское кладбище у подножия одного из холмов. У изголовья могил, рядом с надгробьями из мрамора, сделанными холодной рукой ремесленника, вы увидите изваяния, сотворенные из простого горного известняка: девушку с гармошкой—скульптор любил танцевать на свадьбе или на праздниках под ее игру; джигита, не раз участвовавшего в войнах, вместе с русскими солдатами освобождавшего болгар от нашествия турок—его Сосланбек изобразил в черкессе и при кинжале, с лихо вздернутым усом; старую женщину—она была сказительница...

Вы выйдете к реке. На выбеленных солонцах островках ее виднеются колочие кустарники. Эти кустарники часто встречаются у подножия и на склонах холмов, они неожиданно пробиваются даже сквозь асфальт в самом центре улицы—потому, видимо, и село Синдиккау, где жил старый мастер Сосланбек, в переводе означает—селение колочек. Старый мастер ходил по земле босым. Родная земля врачевала душу. Поздней осенью, перед началом заморозков, мастер шел к реке искать камень, чтобы в нем увековечить своего соседа—косаря, пахаря, пастушка, гармониста, двух своих сыновей, не вернувшихся с последней войны. Жизнь давала много тем старому мастеру—счастливых и трагических. После себя он оставил вечную, добрую память в народе. Память, вдохновившую многих художников.

...Когда вы будете покидать страну гор, будет грустно расставаться с ней, потому что еще многие тайны вы не успели для себя открыть. Но главную черту горного народа—искусство сидеть в седле—вы, конечно, поняли.

Каждому еще со школьной скамьи известно, что вокруг Земли существует магнитное поле, которое наглядно управляет стрелкой компаса. Но это поле не только указывает путь кораблям, но и служит для Земли еще и своеобразной броней, которая охраняет все живое от потока космических частиц больших энергий, летящих из космоса. Борьба этих частиц с магнитным полем ярко проявляется в полярных и экваториальных сияниях.

Любое открытие — это разгадка какою-то «секрета» природы, который она до сих пор тщательно скрывала. Уровень сегодняшних знаний о природе настолько велик, что каждое новое открытие достается все с большим трудом. Исследователь-одиночка давно стал анахронизмом, в научных экспериментах принимают сейчас участие ученые разных лабораторий, институтов, а порой и стран. Глобальные международные проекты позволили в ряде случаев совершенно по-новому взглянуть на наш дом — планету Земля.

Инициатором некоторых международных экспериментов по изучению магнитного поля Земли выступила известная советская ученая, профессор Валерия Алексеевна Троицкая. Эти эксперименты, проведенные на земле, под водой и в космосе, позволили сделать одно важное фундаментальное открытие.

ЭКСПЕРИМЕНТ ПЕРВЫЙ. Для офицеров французского военного корабля приказ командующего военно-морскими силами был краток: «Осуществить погру-

фа, но уже через минуту убедилась, насколько это непростое дело. Она и сейчас не помнит, как ей удалось повторить этот маневр — протиснуться в люк. В чувство ее привел голос Фробервиля: «Люк задрал! Батискаф готов к погружению!»

Троицкая огляделась и увидела, что полсферы уникального подводного корабля занято приборами, а во вторую половину этого подводного аппарата, кроме нее и командира, удалось еще втиснуть профессора из Сорбонны Эдуарда Зельцера. Она взглянула на часы: ровно шесть утра. Все шло по графику. Начался быстрый спуск. Пестрые, экзотические рыбки поплыли на свет прожектора. Ее поразила их окраска. «Зачем в крошечной тьме такая пестрая «одежда»? Видно, и под водой такие же загадки, как и в моем магнитном мире», — подумала она. — Много же мы еще не знаем о своем многоквартирном и многоэтажном доме по имени планета Земля».

Вдруг батискаф попал в сплошной грязевой поток. Троицкая быстро взглянула на эхолот: до дна еще 800 метров. Неужели зацепили подводный склон? Еще этого не хватало! Но она тут же поняла, что где-то неподалеку произошло извержение грязевого вулкана. Капитан предложил: «Назовем его «Троицким» — в честь вас, мадам!»

Наконец луч прожектора уперся в сероватую поверхность дна, и Троицкая увидела овальные «норы». Они чем-то напоминали пчелиные соты, но только величиной с кулак. Куда они ведут? Кто с такой тщательностью отполировал входы в земные недра на глубине более двух с половиной километров? Она ждала, что вот-вот «кто-нибудь» выглянет из загадочной обители, но вокруг не было ни одного живого существа. Однообразие настораживало и пугало, но батискаф уже мягко придонился на ровное серое поле.

Серьезность ситуации хорошо понимали все ее спутники. Особенно Фробервиль, который часто рисковал, доводя до «ума» разные подводные аппараты. Но это была его профессия: он хорошо знал, насколько коварны большие глубины. Медлить было нельзя! Исследователи прощупали лучами прожекторов «странное» дно и обнаружили, что ребра батискафа глубоко просели в ил.

— Присосались! — определил Фробервиль. — Надо раскачивать батискаф! Это единственный шанс...

Прошли минуты, показавшиеся часами, пока моторы раскачивали батискаф: вправо-влево, вперед-назад...

Вскоре батискаф пошел вверх, как воздушный пузырь. Два с половиной километра морской толщи он проскокчил в считанные минуты и, вылетев из воды, закачался на голубых волнах. Радости акванавтов не было предела...

Финал этой истории был довольно забавным: Троицкой принесли кипу зарубежных газет, где описывались ее «похождения». Оказывается, она ныряла за атомной бомбой, которую американские летчики потеряли в районе Паламареса! Никогда она так не смеялась...

ЭКСПЕРИМЕНТ ВТОРОЙ. Над Ледовитым океаном полыхало северное сияние. Ослепительная белизна безбрежного снега незаметно переходила в немислимо сложный орнамент, сотканный из голубовато-серого и фиолетового цветов. Богатство этих красок завораживало и охватывало душу смутным волнением. Подобное Троицкая видела впервые, поэтому никак не могла наглядеться. Ей невольно вспомнились слова известного физика Дирака: «Если глубоко

ЭТОТ СТРАНИЦА

жение в Средиземном море на глубину 2500 метров в батискафе «Архимед». Экипаж забрать в порту Тулон».

Приказ есть приказ. И хотя море штормило, батискаф с кораблем-спутником появился в условленном месте. Каково же было удивление моряков, когда на палубу корабля поднялась элегантная женщина и представилась: «Профессор Троицкая! Приехала на погружение!»

Капитан корабля с чисто французской галантностью осторожно пошутил: «Мадам! А вы ничего не перепутали? Существует морская традиция — избегать женщин на борту военных судов! А вы с нашей палубы хотите погрузиться в бездну!»

Троицкая спокойно выслушала монолог капитана и на чистейшем французском ответила: «Этот спуск — научная необходимость. Его предусматривает совместная русско-французская программа изучения колебаний магнитного поля Земли. Какое оно на дне моря — еще никто не знает. Наверное, морякам не надо объяснять значение магнитного компаса? А вот правильны ли его показания под толщей морской воды?»

Шторм бушевал. Батискаф мотался на буксире, как поплавок. Морская болтанка была непривычной для Троицкой. Всю ночь, пока корабль шел к месту погружения, ее мучило. Но утром, когда капитан батискафа Жерар де Фробервиль пригласил ее на завтрак в офицерский салон, она вышла под пристальные взгляды офицеров и с трудом выпила чашечку кофе. В голове гудело, но Троицкая старалась держаться непринужденно. Офицеры, конечно же, заметили ее состояние, но оценили мужество советского ученого.

Погружение было назначено сразу же после завтрака. Море по-прежнему штормило, поэтому за борт вначале спустились «лягушки»-аквалангисты, готовые в любой миг прийти на помощь. Они едва держали надувную лодку, которую бросало на волнах как мячик. А от борта лодки надо было пробежать еще несколько метров по скользкой палубе батискафа. Троицкая видела, как Жерар де Фробервиль, словно уж, проскользнул через узкий люк в чрево батиска-

...Более восьми часов продолжались исследования. Сложность их была в том, что сверхчувствительные приборы улавливали малейшие колебания, и пока батискаф не замер — перья самописцев бешено «плясали». Они были настолько чувствительны, что улавливали даже дыхание исследователей, поэтому, чтобы не исказить запись данных, замеры регистрировались буквально между вдохами. Со стороны было бы странно наблюдать за экипажем, работающим как бы по команде «смирно».

Как и предполагала Троицкая, толща воды — это своеобразный экран для магнитных волн, который по-разному отражает и пропускает их в глубь морей и океанов. На дне их поведение тоже меняется. Надо было провести громадное количество пробных замеров, чтобы это определить.

Работы хватало всем, и никто не заметил, как пролетели восемь часов, проведенных на дне моря в батискафе. Все были поглощены важной и нужной работой, которая позже дала возможность уточнить имевшиеся представления о колебаниях магнитного поля Земли на дне морей и океанов. Тогда же была отработана и новая методика подводных измерений.

— Пора наверх! — напомнил Фробервиль. — Время истекло!

Троицкая включила все прожекторы, надеясь снова увидеть испещренное дно моря, где находился и ее «собственный» вулкан. Прошло несколько секунд, но батискаф не двинулся.

— В чем дело, капитан?! — обратилась она к Фробервилю. — Может быть, нам снова приступить к работе?

— Мы еще лежим на дне? — удивился капитан. — Не может быть — я сбросил весь груз, необходимый для всплытия!..

По его лицу Троицкая поняла: дело серьезное. Только теперь она по-настоящему поняла, что пошла на огромный риск — ведь никаких спасательных средств для таких глубин просто не существует. И сразу вспомнила раздраженное лицо старшего пилота батискафа, который наотрез отказался спускаться на дно моря вместе с женщиной.

проникнуть в сущность проблемы, руководствуясь критерием красоты, тогда можно быть уверенным, что находишься на верном пути».

Троицкой было известно, что красота полярного сияния зависит от свойств и законов движения заряженных частиц, а управляет ими магнитное поле Земли. Сейчас она даже четко представила, как лавина заряженных частиц летит из Большого космоса и наталкивается на своеобразную броню — магнитное поле Земли. Барьер этот, что называется, «в лоб», они преодолеть не могут, поэтому скользят вдоль магнитно-силовых линий к полярным областям Земли, где магнитное поле значительно слабее. Вот тут-то частицам и удается прорваться в ионосферу и вызвать всполохи полярных сияний. Это красивое явление не что иное, как результат борьбы заряженных частиц с магнитным полем Земли. Эта борьба идет постоянно, но драматизм ее зависит от количества и энергии заряженных частиц. Словом, связь между состоянием магнитного поля и земными явлениями очень сложна, но одно совершенно очевидно: магнитная броня спасает нашу планету от мощных рентгеновских, ультрафиолетовых и гамма-излучений. Если бы они доходили до земной поверхности, то на Земле не было бы никакой жизни.

Но как узнать, насколько надежна эта магнитная броня? Как влияют ее колебания на поведение заряженных частиц в окружающем Землю космосе? С частицами каких энергий магнитному полю не справиться? Проверить это можно было только натуральным экспериментом.

Тогда-то председатель Ученого совета по земному магнетизму Академии наук СССР Валерия Троицкая и решила провести глобальный эксперимент: изучить эти вопросы на концах одной магнитно-силовой линии. Самой перспективной оказалась линия, выходящая с французского острова Кергерлен в Индийском океане и входящая в земные недра в архангельской деревушке Согро. Идея советского ученого заинтересовала французских коллег — родился глобальный эксперимент. Так ближний космос превратился в своеобразную лабораторию, где предстояло провести строгие физические опыты.

**ПРОФЕССОР ВАЛЕРИЯ ТРОИЦКАЯ
СО СВОИМИ
ФРАНЦУЗСКИМИ КОЛЛЕГАМИ
ПОСЛЕ ПОГРУЖЕНИЯ
НА ДНО СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ.**

Все это было очень не просто: пришлось создать уникальные приборы, разместить специальные станции для наблюдения и регистрации колебаний магнитного поля и эффектов, вызванных бомбардировкой его заряженными частицами.

После огромного комплекса наземных исследований другие группы ученых подготовили эксперимент «Аракс». И вот две французские ракеты с советскими электронными пушками поднялись с острова Кегерлен и с высоты в двести километров выстрелили по этой магнитно-силовой линии определенным пучком электронов, которые заскользили вдоль линии и через одну — три секунды были пойманы специальными ловушками, установленными в Согро. Длительные наблюдения в этих двух сопряженных точках планеты приоткрыли завесу над многими сложными процессами, происходящими в околоземном пространстве, в радиационных поясах Земли. Стало возможным с земной поверхности угадывать и непрерывно следить за катастрофами в далеком космосе, имеющими далеко идущие последствия для жизни на Земле...

ЭКСПЕРИМЕНТ ТРЕТИЙ. Вдоль дороги, ведущей в обсерваторию Борок Института физики Земли Академии наук СССР, ровными рядами выстроились березки. Ветер шелестел их листвою и обвевал пряным

МАГНИТНЫЕ И МР

запахом разнотравья. Где-то за березовой рощей высоко в небе повис жаворонок, распеваящий звонкую песню. Сегодня Троицкая все замечала, и это приносило ей радость. Она спешила в обсерваторию, где ее ждали двое ученых из западногерманского института Макса Планка. К этой встрече с коллегами она готовилась несколько недель, продумывая детали постановки наблюдений магнитного поля Земли вдоль профиля Новосибирск—Борок—Калининград—Геттинген, протяженностью более пяти тысяч километров.

И хотя еще не все было ясно и не вся аппаратура была готова, но одно уже представлялось совершенно очевидным — этот эксперимент принесет огромную практическую пользу.

По дороге Валерия Алексеевна вспоминала, сколько высказывалось сомнений, пока проект проходил многочисленные инстанции. И всюду неизменно спрашивали: «Целесообразны ли такие огромные усилия?»

Иногда кажется, что организация научного эксперимента, в котором принимает участие множество институтов и ученых разных стран, — это спокойное дело, требующее лишь тщательной научной и технической подготовки. На самом деле его организация — тяжелая борьба: борьба мнений, убеждений, авторитетов, преодоление организационных и финансовых трудностей и, наконец, борьба с природой. Просто так природа свои тайны не раскрывает, поэтому с каждым годом научные исследования требуют все больших масштабов и средств. А глобальные эксперименты тем более.

Так было и с этим проектом. Когда спор дошел до извечного «Быть или не быть?», Троицкая привела пример с запуском первого искусственного спутника Земли. Впервые сообщение о предполагаемом запуске спутника Земли в Советском Союзе сделал председатель Советского комитета по Международному геофизическому году Иван Павлович Бардин на совещании в Барселоне.

Едва Бардин закончил свою речь, которую, кстати, Валерия Алексеевна переводила на английский язык, сразу же посыпались вопросы: «Зачем Советскому

Союзу выбрасывать в космос такую уйму денег? Какую прибыль вы получите, вкладывая огромные средства... во что?» Интересно, что подобные вопросы звучали в этом же зале в свое время, когда Христофор Колумб выпрашивал деньги на «открытие Америки». Сейчас, когда с любой точкой планеты можно поговорить через спутник связи или посмотреть прямой репортаж из космоса, мы понимаем, насколько дальновидными были тогда ученые. А попробуйте сейчас представить без космоса сбор данных хотя бы о погоде, состоянии посевов и видов на урожай!

Предлагая провести глобальный эксперимент по исследованию колебаний магнитного поля Земли вдоль линии Новосибирск—Геттинген, Троицкая была уверена в его большой практической пользе. Ведь суть его заключалась в том, что около десятка автоматических магнитных станций, расположенных на этой линии, одновременно зафиксируют колебания магнитного поля, определят, с какой скоростью они распространяются в земной тверди, с какими процессами в окружающем космическом пространстве они связаны. Кроме станций, обслуживающих профиль Новосибирск—Геттинген, одновременно работали другие станции — вдоль меридиана, пересекающего Скандинавию и Северную Европу. Эти исследования убивали сразу двух зайцев: «заглядывали» в космос и «просвечивали» земные недра. Чтобы сделать это обычными методами, не хватило бы и нескольких поколений геологов.

Последний эксперимент еще осмысливается — требуется обработать огромное количество фактического материала, но он открывает дорогу для разработки эффективных и экономичных методов наземных исследований далекого космоса и земных недр...

Эксперименты, проведенные в рамках глобальных проектов, позволили по-новому взглянуть на колебания магнитного поля нашей планеты. Оказывается, оно не только пульсирует, но порой и вовсе исчезает. Характер этих пульсаций зависит, в частности, и от силы ветра заряженных частиц — космического ветра, летящего к нам в основном от Солнца. Борьба этого ветра с магнитным полем Земли проявляется в

голубых, зеленых, красных полярных сияниях, а наиболее драматическим моментом этого взаимодействия являются магнитные бури. Колебания при магнитных бурях — наиболее сильные, больше которых в природе не бывает. Эти-то колебания и наводят переполох не только в радиосвязи, но и являются самым сильным врагом всего живого.

Недавно сотрудникам Института физики Земли имени О. Ю. Шмидта Валерии Алексеевне Троицкой и Марии Васильевне Мельниковой удалось открыть удивительный феномен: комплекс пульсаций с убывающим периодом от десяти и до одной секунды. Затухают они тоже по строго определенному закону. Их возникновение знаменует наиболее катастрофические изменения во всей самой внешней оболочке Земли — ее магнитосфере.

Эта закономерность и зарегистрирована под номером 179 в Государственном комитете по делам изобретений и открытий Совета Министров СССР. Официально открытие именуется так: «Явления возбуждения квазипериодических колебаний геомагнитного поля Земли нарастающей частоты!».

Помимо познавательной стороны дела — раскрытия еще одной тайны природы, — это открытие имеет и сугубо практическую сторону. Теперь по наземным наблюдениям оказалось возможным мгновенно, без предварительной обработки многочисленной информации, узнавать моменты наибольшей возмущенности магнитосферы. Это очень важно знать при полетах космонавтов и для предсказания последствий прорыва энергичных частиц глубоко внутрь магнитосферы Земли.

Само явление создает вокруг Земли мощные кольцевые токи, которые концентрируются на высоте 5—6 радиусов нашей планеты. «Транспортировка» этих токов на Землю открыла бы человечеству неисчерпаемый источник энергии...

История любой науки начинается с первопроходцев. Но делать первые шаги в неизведанное не каждому по силам. Научная деятельность профессора Валерии Алексеевны Троицкой — пример такого научного подвижничества...

КАРНАВАЛ

Антикультура: мифы, иллюзии, идолы

«ПАНК»... «ПАНК»... «ПАНК»...
УЖЕ ЦЕЛЫЕ ТОМА МОЖНО СОСТАВИТЬ ИЗ ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ ПРОСТРАННЫХ РАССУЖДЕНИЙ ОБ УВЛЕЧЕНИИ, РАСПРОСТРАВИВШЕМСЯ ТАМ С ИНТЕНСИВНОСТЬЮ ХОЛЕРНОЙ ЭПИДЕМИИ СРЕДИ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЧАСТИ МОЛОДЕЖИ.

МАТЕРИАЛ, КОТОРЫЙ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ «СМЕНЫ», ПОДГОТОВЛЕН НА ОСНОВЕ ПУБЛИКАЦИЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ.

ИТАК, ПАНКИ.
ВНАЧАЛЕ НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ...

Панк: в ухе булавка, на шее лезвие

Безобразно размалеванная молодежь, одетая в тряпье с помоек, сочетающееся с нацистскими регалиями и цепями, служащими для привязи собак, выражает в индустриальном обществе протест против безработицы и скуки. Их примитивный «панк-рок» с успехом распродается фирмами, выпускающими грампластинки...

Грохот, раздающийся из колонок усилителей «Маршалл» и «Хиватт», становится таким сильным, что барабанная переборка воспринимает лишь однообразный треск. С трудом различаешь слова «Подари мне смерть, мне не хочется жить, подари же мне смерть», которые с ревом вырываются из уст лихорадочно извивающегося перед микрофоном прыщавого подростка по имени Джонни Блуд, солиста инструментального ансамбля «Дед догз» («Дохлые псы»).

С неоновых ламп, металлических труб, стальных балок на потолке переполненного подвала на потную, все время вздрагивающую толпу падают капли конденсата: в лондонском «Рокси» на Ковент-гарден танцуют пого.

На танцующих разорванные майки, их всклокоченные волосы окрашены в зеленый, розовый или фиолетовый цвет и для устойчивости смазаны помадой из вазелина и талька. У некоторых щеки, губы, нос или мочки ушей проколоты английской булавкой. Певец временами швыряет в танцующих пустую пивную банку, но они продолжают размахивать руками, словно крыльями ветряной мельницы.

Некоторые (в основном ребята и девочки в возрасте 15—20 лет) впелись друг другу руками в шею, словно стараясь задушить партнера или партнершу. Спаситься от ударов и пинков почти невозможно. У некоторых идет из носа кровь, но похоже, что остальным это нравится.

Кто-то неожиданно разбивает у сцены бутылку из-под пива, начинает размахивать вокруг себя заостренным горлышком, кто-то вырывает из уха разбушевавшегося соседа английскую булавку вместе с половиной мочки. Течет кровь, однако пого-экстаз не утихает: никому до этого нет дела...

Описанное увеселение, напичканное насилием, не является каким-то исключением. Подобное происходит каждую ночь, и не только в «Рокси». В лондонском «Вортексе», вмещающем почти 500 молодых людей, гримированных под

Рассказанная прессой Запады поучительная история с прологом, саморазведением и некрологом, скандально начавшаяся и трагически завершившаяся

Рисунок Сергея ТЮНИНА

персонажи фильмов ужаса, в клубе «Марки» и в бесчисленных прочих забегаловках подобного рода по всей Англии, вплоть до городов Манчестер и Ливерпуль, подростки из среды люмпен-пролетариата и «отбившихся от рук» детей буржуазных семей ищут разрядку с помощью вызывающе примитивного рока, пытаются излить накопившиеся страхи и гнев.

Возможно, в некоторых подобных местах встреч подростков за пределами Великобритании — таких, например, как «Си-Би-Джи-Би-с» на нью-йоркской Бауэри, в клубе «Рэт» в Бостоне, в «Маске» неподалеку от калифорнийского Голливуд-бульвара, в подвале «Ля мэн бле» в одном из предместий Парижа или в «Панкхаузе» на западноберлинской Кудамм, — обстановка выглядит более благопристойной. Но одно очевидно: в крупных западных городах распространяется движение панков — новое молодежное движение, рожденное не больше чем тремя резкими рок-аккордами.

Там, где такие ансамбли, как лондонские «Вайбрэйторс» («Вибраторы»), оплевывают посетителей пивом, где «Странглерз» («Душителы»), «Дэмд» («Проклятые»), «Клэш» («Громилы») призывают разнести все вокруг себя в пух и прах, там растет и число злых парней с булавкой в ухе или лезвием на шее.

Даже выдавшие виды приверженцы старого рока сторонятся небезопасных панков и стараются находиться от них в пивных и дискотеках на почтительном расстоянии. «Нужно выглядеть так, — говорит Джонни Зик из американской панк-группы «Шэртз», — как будто ты в любой момент готов сразиться и носишь всегда в кармане раскрытый нож или лезвие бритвы».

Для большинства панков, однако, угрожающий вид — это всего лишь поза, и ее следует скорее расценивать как отражение глубоко укоренившегося комплекса неполноценности в обществе, которое, собственно, не уделяет молодому человеку никакого внимания, пока он не начнет шокировать других.

«Дер шпигель», ФРГ.

ОТНОШЕНИЕ ПРЕССЫ К ПАНКАМ ОДНОЗНАЧНО НЕ НАЗОВЕШЬ. КТО-ТО ИХ БЕЗОГОВОРЧНО ОСУЖДАЕТ, А КТО-ТО ПРИБЕГАЕТ К ЭТАКОЙ СНИСХОДИТЕЛЬНОЙ ИРРОНИИ: ПОДУМАЕШЬ, МОЛ, ОЧЕРЕДНОЕ СУМАСБРОДСТВО МОЛОДЕЖИ.

ВОТ СООБЩЕНИЕ: АНГЛИЙСКАЯ ПАНК-ГРУППА НА ГАСТРОЛЯХ В США.

«Секс Пистолз» — здесь. Пионеры панк-рока не «зажигают» Атланту

При виде четырех музыкантов, которые не спеша направлялись к самолету в лондонском аэропорту Хитроу, становилось ясно, что это не просто одна из самых популярных групп. Они плевались и обзывали фоторепортеров нецензурными словами, внушая ужас пассажирам свирепыми взглядами. Одна из женщин в недоумении спросила: «Это что, какие-то животные?» Нет, всего-навсего «Секс Пистолз», пытающиеся оправдать свою репутацию «несносных мальчишек» британского панк-рока.

Два дня спустя в Атланте солист группы Джонни Роттен открыл первый концерт их первого тура по США следующими словами: «Хватит плять на нас глаза, просто отдыхайте и веселитесь». Американский дебют «Секс Пистолз» проходил спокойно, почти respectfully. Джонни не бросал в публику

пустые пивные бутылки. Только постоянно сморкался. Бас-гитарист Сид Вишес (в переводе «порочный») выкрикнул всего несколько непристойностей. Правда, Сиду удалось вызвать одобрение публики, когда, сняв рубашку, он обнажил хилый торс человека весом в 90 фунтов. И Вишес и Роттен (в переводе «гнилой») имели такие прически, как будто они сушили волосы в аэродинамической трубе или специально их назлектризовали.

Возможно, несвойственная им сдержанность объясняется присутствием в первых рядах представителей уголовной полиции Атланты. Всего год назад на британском телевидении разразился скандал, вызванный тем, что «Пистолз» использовали нецензурные выражения. От их услуг отказались две студии звукозаписи, большинство крупнейших британских рок-клубов, концертных залов; их ругали за песню, в которой они грубо оскорбили королеву Елизавету, осуждали за вопиющую вульгарность. Им временно запретили въезд в США — четыре концерта были отменены — в связи с тем, что члены группы имели в прошлом судимости.

Их намеренные оскорбления и непристойности являются частью задуманного образа «Пистолз» как авангардной группы движения, получившего название «панк-рок», или «новая волна».

Кривляния «Пистолз», когда смотришь их на сцене, несколько оживляют общее впечатление, доставляя особое удовольствие любителям непечатных выражений. Роттен, к примеру, похож на живой снаряд: изнуренная, назлектризованная фигура, которая прыгает по сцене, принимая различные позы, от полуприседания обезьяны до размахивания руками и «крадущейся походки».

БЕЗУМИЯ

Сменяя застенчивую улыбку дьявольской ухмылкой, он полурычит, полукричит пресловутую песню «Анархия в Объединенном Королевстве»:

Я — антихрист,
Я — анархист,
Не знаю, чего хочу,
Не знаю, как этого добиться,—
Я хочу разрушить.

Начало турне в любом месте, не говоря уже о другой стране, всегда является испытанием даже для самой известной рок-группы. Публика Атланты не была насмерть сражена выступлением «Пистолз», но, несомненно, повеселилась. Это не оказалось типичным панк-сборищем уличных бродяг, хотя там и был один субъект, у которого щека была проколота булавкой. Подростки дружески забросали музыкантов мятыми бумажными стаканчиками, извиваясь и раскачиваясь в такт биг-бита «Пистолз». Зал не был предусмотрен для поощрения неформального общения. Вы можете себе представить, нельзя было даже поломать никакой мебели!

«Тайм», США.

ЧТО ТАКОЕ «ПАНК», ОТКУДА ПОЯВИЛОСЬ ЭТО НАЗВАНИЕ?

Слово «панк» зарегистрировано с XVI столетия: как существительное оно означает «уличная девка», а как прилагательное — «испорченный», «никчемный», «не обладающий никакими качествами».

«Оксфорд дикшенри»
(«Оксфордский словарь»),
Великобритания.

НУ, ХОРОШО, ЭТО САМО СЛОВО «ПАНК». А КОМУ ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ПРИНАДЛЕЖАТ «АВТОРСКИЕ ПРАВА» НА ТО, ЧТО СЕГОДНЯ НАЗЫВАЮТ «ПАНК-КУЛЬТУРОЙ»? КАК ОНА НАЧИНАЛАСЬ?

Игги Поп (настоящее имя — Джеймс Остерберг), в котором панки усматривают прародителя, в 1970 году на сцене в Детройте распорол себе осколком стекла оголенную грудь, вывел свою группу «Студжиз» («Марионетки») на сцену в нацистской форме и стал выкрикивать «под музыкальный фон, отлично подходящий, чтобы сечь людей плетью», слова «Я последнее дерьмо» и «Меня от всех вас тошнит».

«Лос-Анджелес фри пресс»,
США.

ТАК... НО ЭТО БЫЛО ЛИШЬ ОДНОЙ ИЗ МНОЖЕСТВА РЕКЛАМНЫХ ВЫХОДОК — НЕ ПЕРВОЙ И НЕ ПОСЛЕДНЕЙ В ШОУ-БИЗНЕСЕ. ЧТО ЖЕ ПРЕОПРЕДЕЛИЛО ПРЕВРАЩЕНИЕ «ПАНКА» В ЯВЛЕНИЕ, КОТОРОЕ В ОПРЕДЕЛЕННЫХ КРУГАХ МОЛОДЕЖИ ЗАПАДА СТАЛО ЧУТЬ ЛИ НЕ МАССОВЫМ?

Общественный климат, по-видимому, таков, что он способствует процветанию культуры насилия, грязи и помоев...

Панк — это, конечно, не свидетельство наступления бесчеловечного будущего, агрессивность которого предвосхищается, например, в фильме Кубрика «Заводной апельсин». Панк — это скорее отражение настоящего, ставшего для многих подростков неуютным.

Пропаганда насилия, исходящая от пистолов и им подобных, объясняется, по словам антрепренера Макларена, исключительно их желанием утвердиться и реакцией общественности на это: «Насилие проистекает от представленных самим себе безработных детей, блуждающих по улицам больших городов». Так что если молодой французский писа-

тель Патрик Эделин описывает в своей книге «L'Aventure Punk» в безобидных тонах все это направление, как некую «пляску мишуры», «вечно юную игру взглядов» («Нет ничего важнее моды, ничто не характеризует ее чем-то иным, нежели моментом присутствия»), то он не понимает панков.

Ведь панки, пишет д-р Питер Марш, британский психолог, занимающийся проблемами молодежи, «уходят своими корнями в социальную структуру и характер поведения в обществе этого десятилетия».

Марш, возглавляющий в Оксфордском университете исследования по вопросам агрессивности в молодежной субкультуре, приводит в подтверждение своего тезиса о том, что панков порождают непосредственно безработица и чувство обманутости, царящие среди молодежи, слова из песни «London's Burning», исполняемой группой «Клэш». Они звучат приблизительно так: «Я еду на метро и иду пристанища. Один поезд везет меня сюда, другой в иное место. Вокруг опустевших домов завывает ветер, он тоже ищет пристанища. Взгляд мой скользит по пустым стенам, я совсем одинок».

Однажды так уже было — когда битлы и с ними еще около сорока любительских бит-групп не нашли в конце 50-х годов в Ливерпуле иного выхода из труппы, социальных гетто и безработицы, кроме того, который перед ними открыли электрогитара и сопливый рок.

Тогда в промышленном районе с 1,28 миллиона жителей, расположенном в устье реки Мерсей, было больше всего безработных и самые страшные во всей Европе труппы. Число преступлений почти вдвое превышало средние данные по стране в целом. 43 процента всех квартир были негодными.

С тех пор проблема безработицы среди молодежи превратилась во всемирную катастрофу. Если, например, в 1967 году число молодых людей моложе 20 лет, официально зарегистрированных в качестве безработных, составляло во всей Англии 71 000 человек, то сегодня их число выросло более чем в три раза. В США 5,1 процента всех мужчин и 6,9 процента всех женщин не имеют работы, а среди молодежи в возрасте 16—19 лет этот процент составляет 17,4. Около четверти всех безработных в ФРГ — моложе 25 лет, а в Италии — даже более 60 процентов.

Поэтому не приходится удивляться, что слова из песни пистолов наподобие таких, как «Изрядно пусто, без будущего, работы тоже нет, на смерть от скуки обречен», находят широкий отклик и за пределами Великобритании. Вполне логично, что нигилизм пустого, или, как говорится в названии одной из песен панков, «голово», поколения принял столь деструктивный, а подчас даже самоуничтожающий оборот. В 1976 году дети эры Никсона разбили только в США оборудование школ и других учебных заведений на сумму в 600 миллионов долларов.

Бас-гитарист Сид Вишес из группы «Секс Пистолз», которому, как говорят, принадлежит авторство во введении моды на использование английской булавки, провел целый год в Англии в коридорах ведомств по трудоустройству. Чтобы обратить в конце концов на себя внимание, он попытался покончить с собой с помощью осколка стекла: «Это отличная возможность быть принятым во внимание, я всегда готов воспользоваться ею снова».

Молодежное движение панков породило не столько материальная нищета, сколько бедность предлагаемых выпускникам школ видов работы, бедность «профессиональных возможностей», о которых поет группа «Клэш». Музыканты ансамбля «Дэмд» выполняли раньше работу, которую им доверяли в соответствии с представлением об их возможностях добросовестных граждан: двое из «Клэш» были уборщиками в туалетах, а солист — могильщиком...

«Дер шпигель».

СТАЛО БЫТЬ, «ПАНК-КУЛЬТУРА» — ПОРОЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ НЕУСТРОЕННОСТИ И КОМПЛЕКСА НЕПОЛНОЦЕННОСТИ ДЕТЕЙ ТРУЩОБ. ЧЕМ ЖЕ ОБЪЯСНИТЬ, ЧТО ОНА ВДРУГ ОБРЕЛА ХАРАКТЕР «КРИКА» МОДЫ СРЕДИ ТЕХ, ДЛЯ КОГО СОВРЕМЕННОЕ БУРЖУАЗНОЕ ОБЩЕСТВО ОТНЮДЬ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЧЕМ-ТО ЧУЖДЫМ?

Конечно, творцы моды из разных стран уже давно настроились на панков. Уродливое прекрасно, шокирующее шикарно. Когда хозяйка одного из ночных клубов Парижа Регина пригласила около 1000 своих друзей и постоянных посетителей принять участие в первом панк-вечере на континенте, из подъезжавших дорогих машин стали выходить супербогачи в разорванных майках, с булавками и цепями для привязи собак.

Когда в конце лета эксцентричная Лулу де Ляфалез, ассистентка Ива Сен-Лорана, владельца фешенебельного дома моделей, собрала в Булонском лесу парижский свет на свою свадьбу с сыном художника Бальтуса, у гостей на шее были золотые бритвенные лезвия, а музыкальное сопровождение обеспечивала панк-группа «Стинки тойз» («Вонючие игрушки»).

Сандра Родес, дама с редкостной головной цвета шпината и мрачной косметикой, предпочитающая черную одежду, одна из тех, кто делает моду в Лондоне, рекомендовала своим клиентам панк-стиль.

Понятно: дитя подвала творит свою панк-моду, пользуясь свалкой старого барахла. А панк полусвета делает покупки у фирмы «Бургардс» в Западном Берлине или в панк-шопе на Абендротсвег в Гамбурге. Антрепренер группы «Секс Пистолз» Макларен и его спутница жизни Вивьен Уэстуд держат в своем лондонском магазине «Седишнэри» наряду с драным тряпьем под вывеской «Одежда для героев» также кое-какие нацистские ордена, так как «это интересные украшения».

В магазинах «Шмуц» и «Бойз» на лондонской Кингс-роуд покупатели могут попросить побрызгать купленную одежду кровью или подпалить. Универмаг «Макси» в Нью-Йорке предлагает под недвусмысленным названием «Dressed to Kill» («Одет, чтобы убивать») майки с прожженными дырами и ржавыми пятнами, а также куски материи, скрепленные английскими булавками...

Панк-рок стал большим бизнесом. И хотя поначалу лишь немногие радиостанции позволяли солистам дисков выступать в духе «новой волны», магазины по продаже грампластинок в США отвели панкам целые секции. Такие подпольные фирмы, как «Стифф» в Лондоне или «Бесеркли» в Калифорнии, поставляют на рынок почти исключительно продукцию панков, а крупные концерны платят огромные суммы за право ее распространять.

«Дер шпигель».

ПОПРОБУЕМ СУММИРОВАТЬ ТО, ЧТО ПОРОЙ ДОКАЗАТЕЛЬНО, ПОРОЙ СУМБУРНО ИЗЛОЖИЛИ НА СТРАНИЦАХ ИЗВЕСТНЫХ ЗАПАДНЫХ ЖУРНАЛОВ ПУБЛИЦИСТЫ, СОЦИОЛОГИ, ПСИХОЛОГИ. ВНАЧАЛЕ ПАНКИ ВРОДЕ БЫ БРОСАЮТ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОМУ БУРЖУАЗНОМУ ОБЩЕСТВУ, ЕГО КРИТЕРИЯМ ВКУСА, ПРИЛИЧИЯ И Т. Д. В ИТОГЕ ЖЕ ПРОИСХОДИТ ПОЛНАЯ ИХ ИНТЕГРАЦИЯ В ЭТО ОБЩЕСТВО. «ПАНК-ИДЕОЛОГИЯ» ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ИНСТРУМЕНТ ОДУРАЧИВАНИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ, ЧУВСТВУЮЩИХ СЕБЯ ПОТЕРЯНЫМИ В БЕЗОТРАДНОМ И ЖЕСТОКОМ МИРЕ. ОДНОВРЕМЕННО ПАНК СТАНОВИТСЯ ОЧЕРЕДНОЙ ЗАТЕЙЛИВОЙ И ВПОЛНЕ БЕЗОБИДНОЙ ИГРУШКОЙ В ТАК НАЗЫВАЕМОМ «СВЕТЕ».

ПРОТЕСТ — ЕСЛИ ЕГО И МОЖНО ТАК НАЗВАТЬ — ТРАНСФОРМИРОВАН В УЖИМКУ МОДЫ. АНАФЕМА ПРЕВРАЩЕНА В АЛЛИЛУЮ. ОБЩЕСТВО БЕЗДУХОВНОСТИ ДОСТИГАЕТ СВОЕЙ ЦЕЛИ. ГЛАВНОЕ — УВЕСТИ МОЛОДЕЖЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ ПОНИМАНИЯ РЕАЛЬНОСТЕЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА, ОТ БОРЬБЫ ПРОТИВ ЕГО ЯЗВ.

И РАЗВЕ УДИВИТЕЛЬНО, ЧТО ТЕ, КТО ДЕЛАЕТ ДЕНЬГИ, ВЗЯЛИ ПАНК-РОК НА ВООРУЖЕНИЕ?

Это проститутки. Несколько месяцев назад они приказали бы сторожу дать нам от ворот поворот, а теперь они все хотят с нами сфотографироваться. И это только потому, что мы продаем кое-какие пластинки.

Малькольм Макларен,
антрепренер «Секс Пистолз», о руководителе радиоконцертов и фирм грамзаписи.

А КАК ШЕФ СКАНДАЛЬНОГО КВАРТЕТА ОЦЕНИВАЕТ СВОИХ ПОДОПЕЧНЫХ?

Да, я манипулирую четырьмя темными, бесталанными парнями. Они не только ничего не смыслят в музыке, но читают-то и пишут с великим трудом. Ради чего манипулирую? Ради денег и личной власти.

Малькольм Макларен в интервью порттеру «Дейли миррор».

Панки говорят, что они нападают на эксплуатацию молодежи в нашем обществе. Понимают ли они, что сами являются жертвами массовой эксплуатации со стороны бизнесменов, делающих деньги на «панк-культуре»?

Из письма 15-летней школьницы Н. Хетер в газету «Дейли мейл».

Идея, будто «панк-рок» угрожает обществу, оказалась совершеннейшим абсурдом.

Журнал «Нью сэсайети»,
Великобритания.

НАВЕРНОЕ, ДОСТАТОЧНО ФАКТОВ, ОЦЕНОК, СУЖДЕНИЙ...

НО ВДРУГ: РАЗДУТАЯ ТЕЛЕВИДИЕНИЕМ, РАДИО, ПРЕССОЙ «ПАНК-ИСТЕРИЯ» ОБРЕЛА НЕКОЕ ЗЛОВЕЩЕЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ...

**Уголовная хроника:
убийство, совершенное
панком**

Они называли себя «Секс Пистолз» — это была британская группа панк-рока, отличавшаяся неумной энергией. Солиста звали Джонни Роттен, а бас-гитарист был известен под именем Сид Вишеса. Они плевали в публику, ругали ее нецензурными словами и дрались на сцене. Насилие превратилось в жестокую реальность для Ви-

шеса, настоящее имя которого Джон Симон Ритчи. Ритчи, которому 21 год, вызвал полицию в залитую кровью комнату на втором этаже захудалой нью-йоркской гостиницы «Челси». Там полиция обнаружила прислоненное к двери ванной тело 20-летней Нэнси Лауры Спанген, давнишней американской подруги Ритчи. Ее ранили ножом в живот, и она умерла от потери крови.

Сотрудники уголовной полиции заявили, что, когда они пришли, Ритчи был в полубессознательном состоянии и признался, что находится под действием наркотиков. В результате произведенного в номере обыска было обнаружено много атрибутов, связанных с употреблением наркотиков, а также сумка, заполненная плетью, цепями и наручниками. Предполагают, что Ритчи ударил Спанген охотничьим ножом, который нашли на кровати. Полиция считает, что Ритчи «отключился», прежде чем сообразил, что произошло. Ритчи предьявлено обвинение в непредумышленном убийстве.

Карьера Ритчи быстро пошла на убыль после того, как в результате неудачного турне по США группа «Секс Пистолз» распалась. Впрочем, английская студия звукозаписи «Вирджин Рекордс» планирует выпустить в самое ближайшее время альбом с записями некоторых старых песен группы. Что же касается последнего времени, то Ритчи играл в основном в маленьких нью-йоркских рок-клубах. Если его признают виновным в убийстве Спанген, рок-звезде грозит тюремное заключение сроком до 25 лет.

«Ньюсуик», США.

И, НАКОНЕЦ, СОВСЕМ НЕДАВНО — ПОДОБИЕ НЕКРОЛОГА...

Исполнитель рока Сид Вишес умер в Нью-Йорке от чрезмерной дозы героина — типичный конец панк-карьеры?

Когда лондонский исполнитель рок-музыки Сид Вишес после почти двух месяцев воздержания от наркотиков снова взял в руки шприц, привычная доза героина оказалась слишком сильной. Бас-гитарист английского ансамбля панков «Секс Пистолз» умер в Нью-Йорке. Скандальная хроника рок-бизнеса дополнена еще одной жертвой.

За день до смерти Джон Симон Ритчи, которого рок-индустрия снабдила псевдонимом Вишес («порочный»), был выпущен под залог в 60 тысяч долларов из нью-йоркской тюрьмы Рикерз Айлэнд. Он находился в заключении по подозрению в убийстве своей подруги Нэнси Спанген.

Мистическая история с ледящим душу убийством Нэнси Спанген; арест Вишеса и первое освобождение под залог в 50 тысяч долларов; попытка самоубийства; нападение с бутылкой в руках на брата рок-певицы Пэтти Смит в одной из нью-йоркских дискотек; вновь тюремное заключение — таковы последние вехи жизни панк-рокера Сида Вишеса.

«Дер шпигель».

«Я ХОЧУ РАЗРУШАТЬ», — ЗАЯВИЛИ В НАЧАЛЕ СВОЕЙ КАРЬЕРЫ ГОРЛАСТЫЕ АПОСТОЛЫ ПАНКА. В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ ИХ «ТВОРЧЕСКИЙ БАЛАНС» — ЭТО ОПУСТОШЕННЫЕ ДУШИ И СЛОМАННЫЕ СУДЬБЫ ТЕХ МАЛЬЧИШЕК И ДЕВЧОНОК, КОТОРЫЕ ИМЕЛИ НЕОСТОРОЖНОСТЬ ИЛИ НЕСЧАСТЬЕ ПОВЕРИТЬ В ИХ «АНТИБУРЖУАЗНОСТЬ».

УЙДЕТ В ПРОШЛОЕ, СТАНЕТ ПЕРЕВЕРНУТОЙ СТРАНИЦЕЙ ШОУ-БИЗНЕСА И СНОБИСТСКОЙ МОДЫ ПАНК-РОК — ИСТЕРИЧЕСКАЯ ВСПЫШКА, КОТОРАЯ ВНОВЬ, КАК И МНОГИЕ ПОДОБНЫЕ, ВЫСВЕТИЛА НЕДОБРЫЕ БУДНИ И МРАЧНЫЕ ЗАДВОРКИ ТОГО, ЧТО НА ЗАПАДЕ ИМЕНУЕТСЯ «МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРОЙ»...

БИБЛИОТЕКА «СМЕНЫ» В УРЕНГОЕ

Комплектование библиотеки для Уренгоя еще продолжалось, посылки с книгами шли в редакцию, а читатели по-хозяйски стали заботиться уже о следующем этапе жизни библиотеки. В письмах они предлагали свою практическую, деловую помощь. Так, комсомольцы-библиотекари централизованной библиотечной системы Череповца выразили желание помочь уренгойским библиотекарям профессиональным советом, личным опытом: «Это очень здорово, что с первыми жильными домами для строителей газопровода вырастет библиотека, а это значит, что все они станут ее новыми читателями и книга поможет им в тяжелом и нужном деле.

Нам будет вдвойне приятно, если книги наших писателей-земляков, которыми мы гордимся, станут любимыми у молодых строителей. Мы, библиотекари Нечерноземья, передаем привет молодому библиотекарю ударной стройки Сибири и надеемся, что между нами завяжется хорошая дружба. Ведь наш город Череповец — город молодежный, и на наших ударных комсомольских стройках работают такие же молодые парни и девушки. И если потребуется помощь в обслуживании молодого читателя, мы всегда поможем».

Интересно, что в фондах Уренгойской библиотеки дополнительно уже может быть создана специальная юношеская библиотека, так как наши читатели высылают много книг для детей и подростков. Детскую библиотечку в 800 книг привезли в редакцию ученики школы № 609 Зеленограда. «Мы живем в городе — спутнике Москвы — Зеленограде, расположенном на 41-м километре от Москвы. Именно отсюда началось героическое наступление Советской Армии в декабре 1941 года, отброшившее фашистов от стен нашей великой столицы. Земля, на которой стоит наш город, полита кровью советских воинов, и мы свято храним память о них», — написали они в сопроводительном письме.

Инициатива журнала «Смена» вызвала особый интерес у книголюбителей страны. Библиотечку советской и классической литературы в 300 книг направили в Уренгой книголюбители одного из научно-исследовательских институтов Москвы. «Надеемся, что собранные книги помогут в формировании книжных фондов Уренгойской библиотеки и станут добрыми помощниками молодым патриотам ударного комсомольского отряда в их труде, учебе и отдыхе». Общество книголюбителей Госплана СССР передало в дар библиотеке 457 книг.

«Среди книг, как и среди людей, можно попасть в хорошее и плохое общество», — пишут уренгойцам книголюбители Владимирской областной сельскохозяйственной опытной станции из Суздаля. — Значит, надо самим суметь выбрать добрые книги, как добрых друзей. Одни из присланных книг познако-

мят вас со страницами жизни замечательных людей, другие откроют тайны природы. Кто-то отдохнет за приключенческими страницами, кто-то найдет для себя совет в сложной жизненной ситуации».

«Книги — мои друзья. А держать друзей взаперти грешно. Очень благодарен редакции за то, что вы дали мне возможность вложить свой кирпичик в большую всенародную стройку и этим почувствовать свою сопричастность к великому делу» — это строки из письма наших постоянных корреспондентов из Коми АССР Ларукова И. и его жены Королевой Т. Уже несколько раз мы получали от них бандероли с книгами.

Многие комсомольские организации обратились к комсомольцам Уренгоя с просьбой начать переписку, обмен опытом. «Мы пока учащиеся первого курса, — пишет группа слесарей-ремонтников СКТУ № 201 Волхова, — только начинаем знакомиться со своей профессией. Нам предстоит работать на Волховском алюминиевом заводе имени Кирова. Наш завод славен своими трудовыми традициями, он один из первых в стране начал осваивать производство алюминия».

Нам бы хотелось получить ответ от молодежной комсомольской бригады Уренгоя. Расскажите нам о себе, о своем поселке, о своих увлечениях».

Наибольший интерес для читателей Уренгойской библиотеки представит «Золотой фонд»: книги с дарственными надписями известных писателей, военачальников и деятелей искусств. Вот наши последние поступления: книга чемпиона мира по шахматам, члена ЦК ВЛКСМ Анатолия Карпова «Девятая вертикаль»; книга Героя Социалистического Труда Николая Злобина об опыте работы злобинских школ; книги Роберта Рождественского. «Библиотеке города Уренгоя — далекого по расстоянию, но близкого по духу и сердцу», — написал поэт, посылая свои книги на ударную комсомольскую стройку.

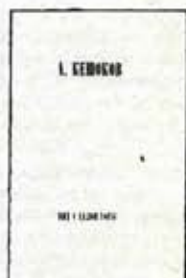
Спасибо всем за присланные книги!

Григорьев И. — от него ждем книжки
Нового Уренгоя

@ по кассе ателье, 700 руб
отм. высшего мерки факен
нашело века

Анна К. от
Москва - 1978

СЕРДЕЧНО
ПРИВЕТСТВУЮ
ГЕРОЧЕСКУЮ
КОМСОМОЛНЮ
УРЕНГОЯ
НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР
ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА,
РЕЖИССЕР
Сергей Ю. (подпись)

ПУБЛИЦИСТИКА

Товарищ Лучо — о самом себе

Есть книги, что, подобно бою на передовой, наносят удар по врагу. Они бьют четко, без промаха, достигая цели со снайперской точностью. И черные точки их набора — словно пули в обойме.

Книга генерального секретаря Компартии Чили товарища Луиса Корвалана — среди таких произведений. И хотя ее название «Из пережитого» (Политиздат, 1978 г.) дает автору право вспомнить наиболее интересные моменты из его жизни, перед читателем раскрывается и общая картина событий в Чили.

Свои заметки о пережитом товарищ Корвалан писал в заключении в концлагере Ритоке. «...Запирали в восемь часов вечера, и, едва в замочной скважине поворачивали ключ, я принимался писать... Книга была написана с ходу, на одном дыхании. Поэтому многие вещи так и остались, как говорится, в чернильнице. Позднее я вспомнил о событиях, которых нет в книжке, а они сделали бы мое повествование более содержательным, более интересным».

Когда товарищ Корвалан прибыл в Москву, ему предложили издать книгу. Особенно настаивала на публикации Гладис Марин, руководитель чилийского комсомола. Она убеждала всех, и в первую очередь товарища Корвалана, что книга поможет молодежи понять, как происходит становление личности коммуниста.

«Нет, товарищи, — сказал я (Луис Корвалан. — М. К.) им. — Она слишком сыра, и я должен еще поработать над ней».

А спустя некоторое время пришло известие, что страницы воспоминаний уже опубликованы в Чили под заголовком «Моя борьба — борьба моего народа. Воспоминания». Оказалось, что, когда товарищ Корвалан находился в заключении, с рукописи было снято несколько копий и руководство партии сочло необходимым подпольно издать ее. Когда с большим трудом книгу удалось вывезти из Чили, товарищ Корвалан решил: «...Пусть она останется такой, какой увидела свет».

Свои воспоминания товарищ Корвалан посвятил памяти сына Луиса Альберто. Он посвятил их

молодым коммунистам Чили и каждому молодому человеку планеты, кому дороги высокие идеалы борьбы за мир и счастье людей.

И вот книгу перевели на русский язык. Перевели, сохранив свежесть и красоту стиля автора. Дружеский, доверительный тон повествования, мягкий юмор, а главное, простота изложения свойственны этой книге. Каждый человек, прочтя ее страницы, еще раз убедится в несокрушимой вере коммунистов Чили в победу, правое дело своего народа. Нельзя без волнения читать строки, посвященные Коммунистической партии Чили, которая стала для единомышленников товарища Корвалана большой семьей, неотъемлемой частью жизни. И чувствуешь боль об ушедших безвременно бойцах партии и гордость за всех, кто поднялся на борьбу с тиранией.

Отцовская гордость и боль. Как и должно быть в большой дружной семье. Двадцать лет возглавляет товарищ Корвалан Коммунистическую партию Чили. И трудно выразить огромную ответственность, масштаб работы и значимость дела, доверенного ему народом. Народ, Коммунистическая партия, Луис Корвалан — они вместе, в едином строю. Вот почему так правдивы и столь понятны воспоминания товарища Лучо.

Михаил КОРОТКОВ

ПРОЗА

Космонавты океана

«...В жизни всегда есть место подвигу». Эти известные слова не раз вспоминаешь, читая книгу «Под парусом через океан» («Молодая гвардия», 1978 г.). Вещь читается на одном дыхании, как самая увлекательная научная фантастика. Но это не фантастика. Авторы книги, муж и жена Папазовы, на самой обычной спасательной шлюпке, к тому же бескилевой, покрыли гигантское расстояние от мыса Гибралтар до Кубы.

Во имя чего было совершено это путешествие через Атлантический океан, путешествие, полное опасностей, граничащих со смертельными, и суровых лишений? Нет, отнюдь «не ради славы», говоря словами Александра Твардовского. Супруги Папазовы решили добровольно поставить себя на место жертв кораблекрушения в открытом океане и собственным опытом доказать, что даже в самых отчаянных условиях можно выжить, если быть мужественным и ни при каких обстоятельствах не терять веру в собственные силы.

Экспедиция «Планктон III», о которой идет речь в книге, была осуществлена в 1974 году, и тогда же весь мир заговорил о ней.

Из интересно и живо написанной книги читатель узнает не только о том, как проходил этот

крайне рискованный длительный эксперимент, но и о подготовке к нему — о работе людей разных специальностей. Нужно было продумать и учесть массу факторов, как известных, так и не совсем известных... Это была серьезная научная программа, составившая важный вклад в программу освоения Мирового океана, разработанную ООН. Сможет ли выжить человек, заброшенный в океан с минимальным количеством подручных средств, питаемый в основном планктоном в течение нескольких месяцев, пока стихии прильют его утлую посудину к берегу? На этот вопрос предстояло ответить.

Был и еще один немаловажный аспект отважного путешествия супругов Папазовых. Ныне человечество все более уверенными шагами выходит в открытый космос, чему свидетельством является недавно закончившийся беспрецедентный космический полет на советской орбитальной станции с первым в мире интернациональным экипажем. Такие полеты становятся все более продолжительными, и в этих условиях важное значение приобретает проблема психологической совместности членов экипажа на борту станции — небольшого замкнутого пространства. И здесь опыт Папазовых оказался весьма ценным. Недаром ведь их исследования данного цикла были включены в международную программу «Интеркосмос». И недаром советский космонавт Виталий Севастьянов назвал супругов Папазовых космонавтами океана...

«В наш век мало показать: вот смотри, я умею то и это! — утверждают авторы книги «Под парусом через океан» Дончо и Юлия Папазовы. — Вопрос в другом: принесешь ли ты этим кому-нибудь пользу? Если ты добьешься хотя бы частичного результата, окажешь этим помощь кому-либо или вдохнешь в него своим примером смелость, тогда считай, что ты достиг цели».

Владимир МИХАНОВСКИЙ

ПОЭЗИЯ

Метельный ритм поэзии

Удивительно, каким живым, одушевленным кажется движение снегопада, когда вечером в светлом пространстве вокруг фонаря стремительно падают, и летят вверх, и завихриваются снежные хлопья. Этот смятенный ритм всегда будет созвучен чуткой душе человека, согласуясь с ее изменчивым настроением.

В словах «снег», «метель», «снегопад», часто встречающихся в «Снежной книге» Сергея Мнацаканяна («Современник», 1978 г.), заключено много оттенков смысла. В одних стихотворениях это эмоциональный фон для основной мысли, в других

они приобретают смысловую наполненность символа: в полете снега словно материализуется ход времени; осознанная связь поэта с прошлым Армении, своего народа и всего человечества награждает его пронизательным взглядом, позволяет анализировать и судить себя и современность. Если сохраняется преемственность поколений, не ослабевает духовная связь с народом, то прошлое человеку не упрек и будущее не страшилка: «Смотрю во тьму времен без опасений...» В цепь времен для сохранения ее непрерывности поэт встроил и свое звено. Стихи об Армении, пожалуй, самые зрелые и самые удачные в книге.

«Снежную книгу» можно назвать отчетом автора самому себе на одном из поворотных моментов судьбы, осмыслением пройденного и предстоящего пути. Характерно начало одного стихотворения: «И вот уже ты — взрослый человек...» В стихах о жизни родной страны, о труде ее строителей и первопроходцев, о солдатской службе постоянно присутствует раздумье автора о становлении собственной личности. Молодой человек утверждает себя в мире, и основанием для зрелой уверенности в себе и одновременно источником плодотворного недовольства собой служит для него сердечная деятельная чуткость в отношениях с людьми и напряженная работа — сыновний долг перед Родиной. Любовь к родной земле проявляется не только в стихах о ее возвышающей душу красоте, но и там, где воспеваются мастерский труд — поэта, камнереза или гончара. Рядом с изображением трудовых сегодняшних будней в книге Мнацаканяна — философские раздумья о месте человека в мире («Дорога»), о природе и космосе («Ты говорил о любимой реке...»), научно-технической революции («Я думаю, что все разумно в мире...»).

...В последнем стихотворении книги — «И еще я хочу приписать на полях...», вынесенном в «Постскриптум», ощущима лирическая мягкость — открытость и как бы взгляд в будущее; в этом — обещание дальнейшего развития поэтического мастерства Сергея Мнацаканяна, которое столь явно проявилось в его «Снежной книге».

Елена ВАСИЛЬЕВА

ПРОЗА

Будни подвига

Название сборника повестей и рассказов («Молодая гвардия») Валерия Поволяева кратко формулирует суть содержания в книге нравственного урока: «Быть самим собой»... Мне кажется, название это все же следует прочитывать не категорично, не как повеление, а с интонацией скорее раздумчивой. Автор не настаивает, он

приглашает поразмышлять, что же это такое — умение всегда оставаться верным себе. Один из героев книги так выражает эту мысль: «...в жизни не надо стараться быть сильным или слабым; и то и другое наигранное, чужое для человеческого естества». Ибо в минуту испытания сила и слабость характера проявятся сами.

Ситуации, в которых испытывает своих героев В. Поволяев, — исключительные, требующие от людей подлинного мужества, напряжения физических и духовных сил. Именно такие испытания позволяют увидеть душу человека «до дышка». В таких испытаниях и сам человек узнает, проверяет себя, раскрывается как на ладони.

Собранные в книге произведения хронологически охватывают период от Великой Отечественной войны до наших дней. Связывает же их воедино позиция автора — находить в жизни героическое начало. Свою задачу писатель видит в том, чтобы доказать: любое время — мирное и военное, любой труд — гражданский и ратный — требуют от человека максимума самоотдачи.

Разведчик Лепехин (повесть «За год до победы») совершает рейд в тыл противника, прорывается к окруженному «своим». И в минуту смертельной опасности он не забывает: задание любой ценой необходимо выполнить. Он собран, сжат, как пружина, — и преодолевает не только подстерегающие его на пути трудности, но и себя, свои сомнения и слабости. Сознание ответственности порученного дела ведет его через все испытания, делает сильнее, изобретательнее, отважнее. Быть самим собой не значит быть довольным собой. Герою В. Поволяева чужда самоуспокоенность, самоудовлетворенность. Для них быть самим собой — это значит постоянно совершенствоваться.

Сродни подвигу Лепехина и подвиг молодого паренька Витки из повести «Двенадцатая буровая». Здесь все то же осознание личной ответственности за дело, которому служишь, которому посвятил жизнь. Казалось бы, мирные дни. Но когда нефть бьет из скважины огромным фонтаном и тут же сгорает, был буровиков без натяжки можно сравнить с буднями фронта. «Жизнь на фонтане все равно что на фронте — встанешь утром и не знаешь, ляжешь ли ты вечером спать?..» Но у подвига во все времена одна цена. И одна награда — вечная человеческая благодарность. Вот почему с полным основанием может сказать старик Васильич, зачерпнув пригоршню нефти: «Виткина нефть...»

На Всесоюзной творческой конференции писателей и критиков в Тюмени особенно подчеркивалось, что сама атмосфера нашей жизни воспитывает людей героями, а подвиг — внутренняя потребность каждого советского человека. Подвиг и мечта — вот что роднит книги Валерия Поволяева. Ради осуществления своей мечты о счастье завтра каждый из них и совершает свой в общем-то будничный подвиг. Что ж, такие у этих людей будни.

Андрей ЯХОНТОВ

ПЯТЬ ДНЕЙ И УТРО ШЕСТОГО

1. Воскресенье, 8 февраля

Появившаяся из-за леса электричка несколько секунд беззвучно подрагивала на краю горизонта. Лобовая часть ее быстро росла, заполняя неглубокую ложбину впереди. Неестественно увеличившийся моторный вагон теперь втягивался под путепровод в полукилометре от того места, где работала оперативная группа.

Неожиданно Денисов словно увидел все со стороны: голый февральский лес как бы на возвышении по обеим сторонам железнодорожных путей, приближающуюся к воронке под однопролетным путепроводом электричку и черную сеть контактных подвесок поперек заснеженного полотна.

В направлении Москвы воронка круто расширялась. Ничем не нарушаемая тишина стояла кругом.

«...Как все произошло? Как она попала сюда? Что навсегда умерло теперь вместе с нею? Как будем искать?! Все только в прошлом и будущем!»

— Дальше отходите! — махнул огромной, похожей на лопату, рукавицей капитан Антон Сабодаш, дежурный.

Электропоезд был по-прежнему неслышен. Снега намело много, отходить пришлось по своим следам — осторожно, как по песку.

Денисов бросил взгляд на погибшую. В бескровном лице было невозможно ничего прочесть. Оно казалось отрешенным и скорбным. По плечам струились рыжеватые, видимо, крашенные волосы. Руки бессильно раскинуты. Между свитером и лыжными брюками, припорошенная снегом, белела верхняя часть девичьего бедра — доступная постороннему взгляду неукрытость мертвого тела.

— Быстрее! — крикнул Антон, отступая с насыпи.

Гипертрофированный передний вагон, все больше растягиваясь, закрыл собою путепровод и большую часть окружающего леса. Кабина машиниста, приближаясь, словно взмыла вверх.

«Может, возвращается та же локомотивная бригада... — думал Денисов в последние ясные мгновения тишины. — Те, кто обнаружил труп?!»

Мощный гул безжалостно подавил морозную тишь; все задрожало, ощущая приближающуюся на огромной скорости тысячетонную массу.

Сообщение поступило в Москву около четырнадцати. Звонила женщина, билетный кассир из Михнева. Связь работала плохо. Помощник дежурного по отделению понял только: надо встретить электричку, проследовавшую через Михнево в сторону Москвы, потому что бригаде известно о каком-то случае.

— Когда? С кем?

— Не сказали.

Помощник отыскал нужный тумблер на пульте связи. В кабинете со стрельчатым окном, с колонной, поддерживавшей свод, — в старой, не подвергнутой реконструкции части вокзала — трубку снял капитан Денисов. В этот воскресный день по части угольного розыска все замыкалось на нем.

— Говорите! — крикнул помощник.

— Во время стоянки передали! — Женщина объясняла сбивчиво. — С электрички...

— Несчастный случай? — Денисов тоже мало что понял.

— Вроде. На перегоне.

— Давно проследовали?

— Только сейчас.

«Надо ехать навстречу бригаде, — подумал Денисов, — будет быстрее».

В окно увидел: внезапно начавшийся снегопад прекратился, платформы у поездов дальнего следования белы и пустыны, а все вокзальные часы показывают одно и то же время — четырнадцать ноль шесть.

К отправляющемуся с восьмого пути сцепу спешили люди.

— Снег в Михневе идет? — поинтересовался он у кассирши.

— Кончился. Теперь хоть снегоочиститель пускай...

— Выезжаю, — сказал Денисов помощнику. — Запиши выезд. Дежурка отреагировала спокойно.

— Сразу звони, Денисов, если что...

Локомотивную бригаду Денисову удалось перехватить на платформе в Расторгуеве. Сведения исходили от помощника машиниста.

— По ходу на Москву справа. Там ориентируетесь! — Он не спускал глаз со светофора. Машинист, сверстник Денисова, наоборот, внимательно разглядывал инспектора. — Второй пикет. У контактной мачты... — Он кивнул в сторону машиниста. — Кричи ему: «Человек лежит! Неужели не видел?!»

Денисов уточнил:

- Вблизи переезда?
- Не-е! От шоссе порядочно.
- В лесу?!
- Ну! — Помощник переступал в дверях кабины, по-прежнему не отрывая глаз от светофора. — За путепроводом...
- А вблизи никого не заметили?
- Глухое место! Там и летом никто не ходит!
- Зажегся светофор, помощник был само внимание.
- Выходной по второму пути! Два желтых... — На стрелках всю зиму устанавливали ограничение скорости. — Мы поехали. Вызывать будете?
- Ну! — ответил Денисов в тон.
- Из кассы позвонил в Москву.
- Дело серьезное...
- Связь разладилась окончательно. В аппарате что-то чавкало, будто в нем обитало живое существо.
- ...В трех километрах от станции в направлении Каширы.
- К Кашире?
- В трех километрах.
- А обстоятельства?
- Пока ничего не известно. — Обитавшее в трубке существо немного утихло. Москва замолчала. Несколько минут не было никаких звуков, кроме равномерного приглушенного чавканья.
- День раскололся на «до» и «после» телефонного сообщения. Денисов привык к этому.
- Денис!
- Он узнал голос ответственного дежурного — капитана Антона Сабодаша.
- Встретимся на месте. — Денисов ощутил плохо скрываемую тревогу. — Я тоже выезжаю. Оперативная группа со следователем прокуратуры и экспертом подключится из Каширы. На всякий случай помощник вызывает и группу райотдела...

Жестко колотились колеса. На стыках рельсов вагоны неуклюже подсакивали — громоздкие, серо-зеленые, под цвет леса.

Колуце стегнул ветер. Денисов успел заметить: из электрички что-то вылетело.

«Спичечный коробок...»

Воздушная волна несколько раз перевернула его, раскрыла, швырнула на полотно. Спички веером рассыпались по сторонам.

Через секунду все стихло.

— ...Труп девушки-подростка, — эксперт поправил очки, — предположительно шестнадцати-семнадцати лет, в четырех метрах от правой нити пути, заметен снегом. Голова запрокинута, правая нога вытянута, левая полусогнута...

Протокол составляли черне, но полно. Следователь прокуратуры, молодой и немногословный, время от времени переставал писать, растирал руки; не снимая перчаток, засовывал глубоко в карманы.

Денисов работал с ним впервые.

— ...На трупе два свитера, полушерстяной красный и черный хлопчатобумажный, брюки темно-синего цвета, колготки. Ценности и документы отсутствуют.

Правый карман брюк вывернут. В левом неполная пачка сигарет «БТ». На верхнем свитере у плеча имеется свежий разрыв ткани прямолинейной формы...

Увязая в снег, Денисов пошел в сторону путепровода. Это было для него привычкой, профессиональным навыком — высмотреть все на месте происшествия. Но именно сейчас он уходил от равнодушного голоса эксперта, которым тот сообщал страшную истину, — эта девушка уже не засмеется, не заплачет, не удивится... Не в первый раз, конечно, зачитывались в его присутствии бесстрастные заключения о человеческих трагедиях. Но привычки, профессионального навыка слушать их спокойно капитан милиции Игорь Денисов не выработал. И не хотел выработать.

Снежные барханы были чисты. Денисов шел с полчаса, но продвинулся недалеко.

Смеркалось.

Цепочка сотрудников райотдела возвращалась с осмотра по ту сторону третьего — Валуйского — пути, ничего не обнаружив, и теперь полукругом огибала место происшествия. Снег выпал около четырнадцати, и можно было утверждать, что с этого времени никто, кроме оперативной группы, к железнодорожному полотну не приближался.

Денисов посмотрел на часы:

«Восемнадцать...»

Недалеко от путепровода, у одной из контактных мачт, Денисов насторожился.

Снега здесь было меньше. Небольшая вмятина напоминала очертания человеческого тела, будто кто-то лежал незадолго до снегопада за бетонным основанием.

Еле заметный след волочения соединял вдавленность с полотном и там пропадал. Неподалеку из кювета что-то торчало.

— «Бутылка!...»

Денисов зацепил ее пальцем. Явно брошена недавно: на дне виднелись капли жидкости.

«Портвейн «БЛЕ», — значилось на этикетке.

Проваливаясь с каждым шагом, Денисов вышел на опушку, по лестнице с раскрошившимися ступенями из силикатного бетона поднялся к путепроводу.

Наверху было пусто и ветрено. Контактные подвески поперек полотна вдаль казались частыми, в направлении Москвы интенсивность их возрастала. Отрезок главных путей внизу выгибался, обоими концами упирался в горизонт.

Где-то недалеко, слева, неожиданно прокричал петух, потом еще. Там была деревня. Денисов постоял.

«Помощник машиниста ошибся: летом здесь, безусловно, кипит жизнь», — подумал он.

Впрочем, это было неважно.

Следователь, которому Денисов, возвратившись, рассказал о вмятине, подул на перчатку.

— Занятно! — Он так и не смог согреться.

— Откуда вот она? — ни к кому не обращаясь, спросила одна из железнодорожниц, понятая. — Чья?!

Чья? Денисова ожгло это слово — «чья». А почему не «кто»? Кто она? Какая она была? Добрая или злая, веселая или грустная? Ведь был человек. Жил...

Несколько поездов, не снижая скорости, прошли в обоих направлениях. Воздушные течения упруго коснулись Денисова и как бы помогли ему встряхнуть невеселые размышления.

Трупных пятен на лице девушки Денисов не увидел: спазм и низкая тем-

пература не позволяли крови стечь в нижележащие сосуды и подкожную клетчатку.

Следователь и эксперт негромко разговаривали, до Денисова долетали отдельные фразы:

— ...может быть, они посмертны, в то время как действительная причина иная...

— ...ответ в данном случае однозначный! Следов колесных дисков не видно...

Оперативный саквояж следователя был открыт, сверху лежала пачка «БТ», найденная у погибшей. Денисов осторожно, перчаткой поднял ее. Сигарет оставалось не более десятка, он высypал их в ладонь, пересмотрел, снова сложил. Под слюдяной оболочкой и внутри пачки ничего не было, он уже хотел положить ее в саквояж — снаружи, на основании, заметил буквы, нацарапанные шариковой пастой:

«Не режь по живому, Малыш!»

Денисов показал следователю, потом понятным. Следователь кивнул благодарно.

— Очень важно!..

Подошли инспектора оперативной группы. С ними дежурный.

— Сброшена с поезда, шедшего в Москву. — Антон уверенно поставил точку над «i».

«Слишком уверенно», — подумал Денисов.

Эксперт долго поправлял очки.

— Скажем так: «падение». — Это был деликатный человек. Ничто не могло заставить его дать на месте категорическое заключение. — Ушибленные раны, множественные переломы... Плюс это... — Он показал на контактную мачту, у которой лежал труп.

Антон вздохнул:

— В электропоездах двери открываются автоматически. Падение все равно не может быть случайным.

— А если применен стоп-кран?!

— И тогда двери не открываются сами.

— «Выброшена» или «упала» — для медика это иногда может выглядеть идентично...

— Астраханский поезд прибыл нормально? — спросил следователь.

— В том-то и дело, бригадир не приходил и с девятого, саратовского. — Антон достал «Беломор».

Он курил много и все не мог похудеть. Форменный полдубок на нем дышал каждым швом, готовый лопнуть.

— После астраханского было пятнадцатиминутное «окно», потом прошли две электрички. Вторая локомотивная бригада обнаружила труп.

На путепроводе над чахлым леском оказался состав. Отцепка грузовых вагонов тянулась над главными путями со скоростью улитки. Под путепроводом тоже оказался поезд.

«На месте происшествия больше ничего не узнать. Все! — подумал Денисов. — А составление протокола займет не менее полутора-двух часов...»

Его молчаливый призыв как будто бы дошел до следователя.

— Дежурному и инспектору, — он наконец отставил протокол, — я думаю, лучше возвратиться в Москву. Первоочередная задача: осмотры прибывших поездов, электричек. Поиск свидетелей. Работы хватит. Особенно инспектору...

Денисов возблагодарил судьбу за то, что работает инспектором.

— В добрый час! — сказал следователь.

— Спасибо.

Сабодаш надел шапку, сошел с полотна.

В электричке заметили сигналы, машинист выключил прожектор. Казалось, запущенный кем-то тяжелый чугунный шар беззвучно катится по огромному кегельбану.

— Надо стянуть людей на вокзал, — мысленно Антон был уже в Москве, руководил дежурным нарядом, — установить все электрички с неисправностями компрессорных установок. Может найтись электричка, в которой дверь не закрывалась.

Денисов кивнул.

— Кроме того, кровь в тамбуре! Следы сопротивления! Следователь оторвался от протокола:

— Связь со мной круглосуточно...

Тормозной путь электрички растянулся почти на километр.

— Что случилось? — Моторный вагон остановился против Денисова. В кабине горел свет, лица помощника машиниста Денисов не рассмотрел.

Антон взялся за поручень.

— Здравствуйте... Экстренный случай. Транспортная милиция участка.

— Садитесь.

Денисов поднялся следом. Кабина была высоко. В дверях он обернулся: фигурка под снегом казалась совсем жалкой.

Электропоезд двинулся, с места набрал скорость.

Денисов прошел в вагон. Пассажиров было немного, все головы тотчас повернулись к нему.

«В электричках перманентный интерес к каждому, кто вошел...» — подумалось.

Он выбрал скамью над действующим обогревателем, сел. Антон остался с локомотивной бригадой, чтобы на первой стоянке звонить в Москву.

«Труп появился совсем недавно...» — Денисов обеими руками отбросил на себе верх куртки, воротник припелся на лопатки. — С проходящих электропоездов его бы обязательно и быстро заметили. Может, трагедия произошла в электричке, которую пустили за астраханским?!» — Он думал о поезде, как о живом существе.

«Платформа «Пятьдесят первый километр», — объявило вагонное радио.

Свет не зажигали. В тамбуре курил парень, сквозь стекло он неожиданно враждебно взглянул в сторону Денисова.

«...Товарищи пассажиры! Соблюдайте в вагонах чистоту и порядок», — продолжало радио и смолкло.

По другую сторону Денисова сидел мужчина с рюкзаком. Дальше занимала место молодая пара.

«В электричке всегда найдутся очевидцы...» — Денисов поправил куртку. — Во всяком случае на первом этапе. Где и с кем она села в поезд? Кто подходил к ней?!

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

Он посмотрел в окно, на две трети словно залитое мутной молочно-белой краской; треть стекла занимала пыль, простоявшая ползимы в снегу, лишенные запаха соцветия клонил ветер.

Внезапно профиль пути изменился — рельсы скользнули вниз; крутой склон, покрытый толстым слоем сугробов, придвинулся к самому окну.

«Почему потерпевшая оказалась в тамбуре? Вышла курить? Что означает фраза «Не режь по живому, Малыш!»? Кто ее написал? И разве может юное существо, которое нежно называют Малышом, резать по живому? Резать по живому — больно ведь...»

Денисов знал: каждый раз должно начинаться с самого начала, с собственных первых шагов. Таково непреложное правило.

«Что еще было на месте происшествия?»

Ссадины, которые он видел на потерпевшей, имели вид плотных сероватых углублений — «пергаментные пятна». Образовавшиеся посмертно, они выглядели так же, как и те, что возникли непосредственно перед смертью.

«Окончательное заключение о прижизненности повреждений принадлежит эксперту...» Мысли переменялись. — Но вот разорванный свитер на плече?!

Если б удалось быстро установить личность убитой! — Денисов не верил, что потерпевшая жила по соседству с местом происшествия. — Тогда можно было б узнать многое!..»

Парень в тамбуре потушил сигарету, вразвалку пошел по вагону. Недалеко от места, где сидел Денисов, он неловко шаркнул подошвой и стал сразу понятнее. Недружелюбие скорее всего скрывало уязвимость, Денисову был знаком этот стиль.

Народ в вагоне прибывал.

«Дневную смену уголовного розыска, безусловно, оставили в Москве до особого распоряжения...» — Денисов представил, что сейчас делается на вокзале после звонка Сабодаша. — Подтянули инспекторов со всего узла... Операцию, наверное, возглавляет начальник отдела Бахметьев. А то и начальник уголовного розыска управления!»

Течение мысли отклонялось то в одном, то в другом направлении:

«...Вмятина за контактной мачтой на полотне, метрах в четырехстах от труп, словно кто-то лежал там до снегопада. Как она образовалась? И эта бутылка «Биле» в кювете... Из электрички?!

Мелькали платформы. В Белых Столбах на краю поселка стоял сруб. Дальше тянулся лес.

Ель со сломанной верхушкой напомнила о потерпевшей.

«Где ее шапка, варежки? Билет, наконец?! Что произошло?!

Денисов знал свой недостаток: не хватало непрерывности последовательного мышления. Мысли необходимо было несколько раз снова пробежать всю цепь, чтобы пробиться вперед на самую малость.

Перед Расторгуевом Денисов задремал. Проснулся от стука. Почти все места вокруг были заняты, с хвоста поезда по вагону шли ревизоры. Один из них сразу прошел в тамбур, к кабине машинистов, двое других двинулись по вагону. Среди ревизоров имелись асы, приближавшийся от кабины был одним из них: двух-трех пассажиров попросил предъявить проездные документы, других миновал, безошибочно определив владельцев льготных абонементных билетов. Денисов наблюдал до тех пор, пока физиономист-ревизор не стал проявлять признаки беспокойства. Несколько раз он скользнул взглядом по скамье, где сидел Денисов, и явно стал склоняться к «безбилетной» аттестации капитана.

Электропоезд прогрозотал через Варшавское шоссе над нескончаемым потоком машин, слева открылась Москва-река.

Денисов отвернулся к окну. За Автозаводским мостом покачивался на воде уже едва различимый в темноте малый буксирный флот. Река рябила, полосы прожекторов ложились рядом, переменяя ночь.

«Лыжный костюм!.. — Разгадка, видимо, была в двух теплых свитерах потерпевшей. — Лыжная прогулка...»

Денисов достал блокнот, записал:

«Отправлялся ли сегодня поезд «Здоровье?»»

Электричка приближалась к Москве-Товарной. Показались белые дымы, неподвижные, как свечи. Ближе — водонапорная башня, затейливо выложенная, похожая на минарет.

«Поезд «Здоровье»! Воскресный состав для любителей зимнего отдыха... — Он поправил куртку, отложил, наконец, воротник. — Как я упустил из виду поезд с лыжниками?!»

Он дописал:

«Не прошел ли в «окно» между астраханским и электричкой поезд «Здоровье»? Узнать, какого райсовета. Кто ответственные за вагоны. Изъять скоростемерную ленту. И еще: вмятина в снегу в четырехстах метрах от тупа в направлении Каширы».

— ...вокал. Доброго вам пути! — пожелало радио.

Денисов снова увидел ревизора. Ас разговаривал с коллегами, потом посмотрел в его сторону. Взгляды их встретились, дальнейшее было нетрудно предвидеть. Ревизор неожиданно нашел разгадку психического феномена, мешавшего во время проверки билетов, вскочил, обрадованный, через вагон направился к Денисову. Коллеги тревожно следили, готовые немедленно прийти на помощь.

— Приехали?! — Ревизор остановился в двух шагах. — А как с билетиком, молодой человек? — Он просил. — Забыли приобрести?!

За стеклянной дверью, в тамбуре, корчился от смеха Антон. Весь вагон наблюдал, как Денисов доставал удостоверение.

«Надо срочно связаться с районными туристическими отделениями, — думал Денисов. — Мы узнаем, откуда девушка, ведь у них должны быть списки...»

«...Руководствуйтесь ст.ст. 78, 184 и 187 УПК РСФСР, назначить судебно-медицинскую экспертизу, поручив производство Ступинскому районному судебно-медицинскому эксперту.

Поставить на разрешение следующие вопросы:

4. Имеются ли следы, указывающие на возможную борьбу и самооборону?

5. Принимала ли потерпевшая незадолго до смерти алкоголь, если принимала, то в каком количестве?

6. Каков механизм возникновения повреждений, обнаруженных на трупе, и могли ли данные повреждения возникнуть при падении с движущегося поезда (60—80 км/час) на снег и последующем ударе о столб?»

— ...Колыхалова, Денисов, Сабодаш, к начальнику! Повторяю.

Бахметьев щелчком выключил динамик: все трое вызванных уже стояли в кабинете.

— Мысли так, — сказал Бахметьев. — Проверка по туристской, так сказать, линии дала кое-какие зацепки: мы знаем, что убита Анкудинова Роза, ученица ПТУ, знаем со слов инструкторов, что она была не одна. Был также, как всем известно, частный сигнал, который подтвердил информацию руководителей поезда «Здоровье»...

Против стола Бахметьева светлело круглое окно в центральный зал. Сотни людей беспокойно двигались в этой словно ожившей модели броуновского молекулярного движения.

— ...Поезд отправился из Жилева на Москву в тринадцать тридцать восемь, в тринадцать пятьдесят он был на перегоне, где обнаружена потерпевшая. Двенадцать минут. — В первую очередь Бахметьев стремился уяснить это сам. — Всего через двенадцать минут после отправления из Жилева... Что произошло? Что значит надпись на пачке «БТ» «Не режь по живому, Малыш?»

Бахметьев не забывал дела, которые он вел по линии отдела борьбы с хищениями социалистической собственности у себя в Кашире: письменные предупреждения в них случались довольно часто.

— ...Угроза, высказанная в корректной форме? Намек?!

— Вдруг девочка о чем-то знала. — Капитан Кира Колыхалова — «ККК», старший инспектор уголовного розыска — начала почему-то с середины. — О крупной краже? — Кира словно размышляла вслух. — О нераскрытом убийстве или нападении, наконец?

Бахметьев кивнул.

«В ОБХСС четко: документы, накладные... — сочувственно подумал Денисов. Он представил снова сужавшийся к путепроводу участок ложбины в лесу, частую сеть контактных подвесок над линией, весь вжатый в снег кусок полотна — место происшествия. — И всего один мотив: нажива! А здесь?!»

— ...И теперь преступник считает, что единственный свидетель устранен... — продолжила Колыхалова.

Антон спросил:

— Почему преступник?

— Преступники. — Колыхалова поправила черную, как воронье крыло, прядку волос. — Или преступница. И чувствуют себя преспокойно! — Капитан Кира Колыхалова, в шубке, в вязаной мохеровой шапочке, с незажженной сигаретой, олицетворяла саму жестокость, саму тонкость, даже когда рассуждала о преступлениях.

— К чему вы клоните? — спросил Бахметьев.

— Сейчас скажу. — Она щелкнула зажигалкой, но тут же сбила пламя. — Преступники должны думать, что девочка жива! Что они не достигли цели! — С самого начала это было у ККК на уме, с той минуты, как узнала об Анкудиновой. — Тогда они забегают! Допустят десятки промахов... Мы не должны им оставить ни одного шанса.

За круглым окном кабинета, внизу, объявили посадку. По серому мрамору «содахло», обтекая скамьи и буфетные стойки, поплыл к дверям бурлящий поток пассажиров. Он вызвал у Денисова тревожное чувство.

— ...Попробуем заставить этих преступных невидимок обнаружить себя.

Бахметьев с минуту молчал, потом нажал на клавиш коммутиатора. Зажглась лампочка — начальник штаба поднял трубку.

— Информацию о гибели Анкудиновой давать не нужно. Жива, в тяжелом состоянии, находится в больнице. Предупредите всех, включая медкомнату вокзала.

Подумав, Бахметьев развил мысль, высказанную Колыхаловой:

— Местом госпитализации Анкудиновой будет считаться... — Он с секунду помешкал. — Больница в городе Видном! Интересующимся давать этот адрес. Одновременно с сегодняшнего дня организуйте в этой больнице дежурство инспектора уголовного розыска. Впредь до раскрытия преступления... Все!

Бахметьев вынул чистый платок, коснулся глаза, пострадавшего в войну от контузии.

— Теперь о наших дальнейших действиях...

Задание обещало быть нестандартным.

— ...Один из близких знакомых погибшей установлен. Его зовут Славой.

Живет у метро «Профсоюзная», в доме рядом с магазином «Цветы», вход под арку. Там вообще многие из компании погибшей живут. Задача: узнать других приятелей, подруг. Она облегчается тем, что сегодня компания собирается отметить чей-то день рождения. Хорошо, если бы вам удалось всех увидеть, чтобы лучше представлять, с кем имеем дело. Кто они? Их связи, характеристики, образ жизни. Это — главное. Кроме того, проверить, нет ли на ком-то из них телесных повреждений, гематом, царапин. Мысли: разворачиваться начнем завтра с утра! Может, послезавтра! — «Мысли» было его любимым словечком, он употреблял его в первом лице настоящего времени.

Бахметьев взглянул в круглое окно: посадка на поезд заканчивалась.

— ...И еще. На Профсоюзной, сорок три, под аркой, вас будет ждать инспектор сто двадцатого отделения. Возьмите машину, рации. Звоните. — Бахметьев оглядел всех. — Никто не хочет ничего сказать?

Денисов с трудом оторвался от окна в центральный зал. Казалось, там, внизу, шелестит по деревьям несильный весенний ливень.

Было рано делать предположения.

Частный сигнал, о котором упомянул Бахметьев, поступил на пульт дежурного в двадцать один сорок, сразу после возвращения Денисова и Сабодаша с места происшествия.

Мужской голос в трубке казался глуховатым, оттого что вокруг стояла совершеннейшая тишина. Звонили не из автомата.

— Милиция?

— Дежурный капитан Сабодаш... — Антон включил звукозаписывающее устройство.

Пауза. Потом тот же голос:

— Несчастных случаев на вашем участке не было?

Записи этого телефонного разговора затем прокручивали без конца, стараясь обнаружить все, что в нем было и что отсутствовало.

Антон показал рукой инспекторам: «Тихо!»

Инспекторов было много, некоторых Денисов не знал — из Савеловского, Ярославского отделов милиции. Весь вечер они провели в электричках, отыскивая следы борьбы, капли крови, осматривая настил и исправность пневматических дверей.

— ...Девушка не вернулась домой... — сказал мужчина.

— Фамилия, возраст?

— Тумблер, Антон! — показала Кира Колыхалова. — Громкость!

Антон щелкнул рычажком.

— Анкудинова Роза, семнадцать лет, — глуховатый голос наполнил помещение.

— Ваш адрес?

Мужчина на другом конце провода колебался. Было слышно, как он судорожно глотнул перед тем, как принять решение.

— Профсоюзная... — Он назвал квартиру, затем дом. — Давно уже должна быть и нет...

— Кем вы ей доводите?

— Отец. Отчим...

Антон перешел к уточнениям: одежда, приметы...

— Синие брюки, свитер красный... Сама русая, даже рыжеватая. На шее цепочка золотая с лезвием безопасной бритвы.

— С лезвием?!

— Украшение такое. Как сказать? Имитация... Обещала: вернусь — позвоню.

— Когда она ушла из дома?

— Утром еще! Хотела ехать на лыжах... С поездом «Здоровье».

Денисов вздрогнул, будто абонент назвал его по фамилии.

— От какого райсовета?

— Путевку достали приятели. Не в курсе я...

— Вы знаете их?

— Приятелей?!

Сабодаш расширял круг вопросов. Ему казалось, что первичное обращение отчима будут еще не раз сопоставлять с материалами его допроса, оценивать, анализировать.

— Дима, Слава... — Анкудинов словно все еще не был уверен: правильно ли он сделал, впутав милицию в эту историю. — Фамилию жена знает, ее еще нет с работы.

— Откуда они? Где живут?

— Дима — в сорок третьем, потом переехал на Автозаводскую. Он дружит с Розой...

— Давно?

— С год...

— А Слава?

— Рядом с магазином «Цветы». Под аркой. Сегодня там у кого-то день рождения.

— Почему вы думаете, что ее там нет?

— Роза бы позвонила. Ей завтра уезжать...

— Далеко?

— В Крым, в санаторий. По путевке.

— Что-нибудь серьезное со здоровьем?

— Бронхит хронический.

Антон помедлил, чтоб не вспугнуть.

— Ваш телефон...

На другом конце провода послышалось движение:

— Сейчас! Извините: кто-то идет. Может...

Раздались гудки.

Инспектора заговорили разом. В дежурке стало шумно. Антон перекрутил магнитофонную пленку, перевел на воспроизведение:

— «Милиция? Несчастных случаев на вашем участке не было? Девушка не вернулась домой...»

Денисов поднялся в кабинет, попробовал связаться по телефону с руководством Совета по туризму. Было поздно, ни один из номеров не отвечал. Еще через несколько минут в углу под потолком щелкнул динамик:

— Колыхалова, Денисов, Сабодаш! К начальнику...

У метро было безлюдно. Пустые троллейбусы объезжали окруженный шитами прямоугольник: там что-то ремонтировали. Мутно светились красные лампочки на цитах. Поток свободных такси, не останавливаясь на стоянке, правил в сторону Мосфильмовской.

Инспектор сто двадцатого мерз под аркой — долговзый, в куртке, в шапочке с помпоном.

— Молодой человек! — Колыхалова приоткрыла переднюю дверцу машины, достала сигареты.

Инспектор подошел, щелкнул зажигалкой.
— Садитесь.— Сабодаш сдвинул грузное тело, освобождая место.
Инспектор осторожно поместился на краю.
— Вы и есть транспортный уголовный розыск?
Вместо ответа Кира спросила:
— Ребят установили? Славу?
— Фамилия его Момот. Студент.— Инспектор достал записную книжку.— Что-нибудь серьезное?
— Пока неизвестно.— Кира уклонилась от ответа.— Где он был сегодня?
— Катался на лыжах. Сейчас веселится на дне рождения.
— Он именинник?
— Не он, Верховский Володя. Юрист.
— Юрист?!
— Юриконсульт в какой-то фирме.— Инспектор сто двадцатого отделения был информирован удовлетворительно.— Двадцать восемь лет, несудим. Живет вместе с бабушкой. А пирует у их друга Бабичева Евгения.
Кира в зеркале заднего вида посмотрела удивленно, инспектор поспешил добавить:
— Здесь отдельная квартира. Бабичев живет один.
— А родители?
— В Средней Азии, метро строят. Один и с ним еще собака.— Чтобы как-то все объяснить, инспектор добавил:— Я сам из этого дома, в курсе всего.
Сабодаш завозился.
— Розу знаете?— Антон не ходил круглыми путями.
— Анкудинову? Рыженькую?
— С Димой дружит.
— Знаю.
— А самого Диму?
— Горяинова?!
— Он здесь?
— Нет. Вам Горяинов нужен?
— А вообще что они все?— вмешалась Колыхалова.
Инспектор попробовал пошевелиться— места для этого оказалось недостаточно.
— Я знал: что-то должно случиться. Не нравились они мне... Вино, тряпки. Правда, музыку любят, интересуются— не просто бренчат по подъездам.— Ему все-таки удалось оттеснить Антона.— Держатся замкнуто, особенно не подпускают.
— Много их?
— Человек одиннадцать. Мозг у них не Момот и не Верховский, хотя и старше. Бабичев Женька... Момот— это исполнитель. И опять же свой юрист— Верховский.
— Почему он справляет именины не у себя?— спросила ККК.
— Площадь не позволяет. Да и не побезобразничаешь: бабушка!
— Не женат?
— Сейчас нет.
— Покажете их нам?— спросил Денисов.
— Не знаю. Вас трое все-таки...
— Двое.— Кира погасила сигарету.
Антон засопел.
— Двоих можно,— согласился инспектор.— Пальто оставите у моих знакомых.— Он немного отогрелся, несколько раз осторожно хлопнул носом.
— А как войдем?— спросила Колыхалова.
— Запросто. Дом-то метростроевский.— Подумав, он решил пояснить:— На дни рождения, праздники приходят без приглашений. Так принято здесь.
Кира снова взглянула в зеркальце над головой:
— Пора.
Антон остался под аркой.
Через двор шли в таком порядке: инспектор сто двадцатого, Кира, Денисов. Денисов обратил внимание: двор большой, с выходом на Профсоюзную и Нахимовский проспект. В центре скамейки, столы. Тропинки аккуратно подметены после снегопада.
— Как вас зовут?— спросила ККК у инспектора.
— Борис.
— Капитан Кира Колыхалова. А это капитан Денисов.
Они обменялись рукопожатиями.
— Мы не растеряем друзей, когда они начнут расходиться?— От ККК не ускользнула сложная география двора.
— Позвоните, чтобы ваши подъезжали к двадцати трем. Парней здесь будет много.— Борис показал на крыльцо.— Нам сюда.
Темный подъезд обдал стойким запахом апельсина.
— «Овощи— фрукты».— Борис шел впереди.— Овощехранилище под нами. Вверх на неосвещенной лестнице гремел магнитофон.
— Маккартни,— шепнула Денисову Колыхалова.— Моя любовь.
На третьем этаже дверь оказалась открытой. Свет на площадке не горел.
— Сюда.— Борис шагнул в квартиру.
Внутри было тоже полутемно. Инспектор закрыл дверь, щелкнул выключателем.
— Раздевайтесь, зеркало там.— Он показал в узкий коридорчик.
Из комнаты вышел парень в свитере. Увидев Бориса, махнул рукой.
— Алексей,— представил его инспектор сто двадцатого.
Они пошептались. Алексей снял с вешалки пиджак.
— Он проведит.— Борис хлопнул Алексея по плечу, обернулся к Денисову.— Кира войдет к Бабичеву с сестрой Алексея, но позже. Я останусь здесь.
Алексей уже открывал дверь:
— Пошли?
Лестничный колодец был наполнен громом бит-музыки.
Скользнул лифт, остановился выше этажом, кто-то помешкал, затем дважды металлически щелкнула дверца. Алексей предпочел подняться пешком, Денисов не вмешивался. На неосвещенных лестничных площадках, у окон стояли и сидели. Подоконники были тоже заняты. Алексей с кем-то поздоровался, пустая бутылка, которую задела, завертелась волчком.
— А-а-а-а-а!— Где-то за дверями отчаянно закричал певец, воздух вокруг задрожал.
— «Паносоник».— шепнул Алексей.— Отличная машина. Десять децибел на выходе.
— «Джисус Крайст»?— спросил Денисов.— Рок-опера?
— Ария Иуды, да... Нам сюда! Только смело.
В полутьме комнаты двигались танцующие— длинноволосые, молчаливые. Денисов никого не рассмотрел. Из установленных по углам динамиков доносились оглушающие удары музыкальных авангардистов. Осторожно, чтобы

никого не задеть, Алексей, за ним Денисов прошли в темноту. Никто не обратил на них внимания.

Во второй комнате на кушетке против двери молча полусидели, полулежали двое или трое гостей. Дверь на балкон была открыта, морозный воздух стекал на паркет. Что-то напряженное почудилось Денисову в этом молчании по соседству с бешеным, наполняющим квартиру стереозвуком.

В углу, за балконной дверью, выстроилась галерея пустых бутылок. Сбоку, у кушетки, спала собака.

— Садись...— шепнул Алексей.

Танцевали под песню «Мани, мани, мани» в исполнении шведского квартета «АББА».

— Потрясающая мелодия. Правда?

Им освободили место на кушетке. Рядом с Денисовым оказалась девушка, он ощутил запах розового болгарского масла, хрупкость плеча. Девушка потеснилась, она шепталась с юношей, полусидевшим с другой стороны. Денисов быстро пригляделся. У обоих было в полной мере развито чувство уюта. Денисов сразу определял людей, которым оно было присуще, потому что в его семье, сколько он помнил, телу давали только необходимый прожиточный минимум— раскладушку, подушку, матрас.

— Хочу взять «Грюндиг».— сказала соседка Денисова своему партнеру.

Тот отнесся с пониманием. Несколько минут они серьезно обсуждали высказанную мысль:

— А как же «Весна-стерео»?

— Сдам в комиссионный!

— Возьмут?

— Конечно, отлично пашет, японские головки...

— Горяиновы довольны своим «Юпитером»...

— Да? Димка, наоборот, жаловался...

— Зато Ольга на седьмом небе.

Ансамбль «АББА» сменил Джеймс Ласт, потом «Квин», кто-то прибавил громкости. Чистый стереозвук отдавался от стен, бился, как кровь в висках.

— Отлично пашет...— повторяли вокруг на все лады.— Клево!

Рядом с магнитофоном, в углу, сидели на корточках несколько ребят— Денисов дал им на вид лет по шестнадцать—семнадцать; майки «адидас», нестриженные патлы, металлические побрякушки. Под крохотным ночником мальчик-лобастик в очках читал книжку.

Теперь Денисов уже разглядывал танцевавших в первой комнате: неухоженные волосы, небрежная, но одинаковая, как униформа, одежда— батники и джинсы. И на девушках и на парнях. Танцуют тоже небрежно, как будто и не в охотку им это.

Мебели в комнате не было—только палас. На стене чеканка, какие-то вытянутые фигурки людей. Денисов видел такие в Риге, в Домском соборе— маленькие, уродливые в своем средневековом реализме. От ночника исходил красноватый дрожащий свет, имитация трепета камелька.

«Эти ребята весь день провели с Анкудиновой,— подумал Денисов.— Не все, но кто-то из них, безусловно, знает многое...»

— Вон Славка Момот...— показал Алексей.

Парень с глубоко посаженными глазами, с раздвоенным подбородком, в свитере, прокладывая себе дорогу среди танцующих. Тело его плавно вибрировало в такт музыке. А на правой брови— Денисов весь напрягся— что-то белело...

— А это Ольга, сестра Димки Горяинова!

Девушка казалась чересчур высокой даже в этой не по годам вытянувшейся компании акселератов— полная, со вздернутым носом, сонными глазами.

— Момот грустный какой-то,— подумав, добавил Алексей.— Не в своей тарелке.

— Уверен?— Денисов решил не фиксировать внимание Алексея на брови Момота, пока сам не рассмотрит хорошенько, что же это на ней белет.

— Абсолютно. И Димки что-то не видно.

Вальяжная сестра Горяинова вплыла во вторую комнату.

Денисов вдруг понял, кого она напоминает:

«Царская дочка из сказок, вечная соперница Золушки— этот низкий лоб, прелые волосы, прическа, раздвоенная со лба...»

— Что невеселые, черти?— спросила Горяинова.

— Вымотались,— ответил кто-то.

— Мать, ты где?— позвала она.

Соседка Денисова пошевелилась, Горяинова поймала ее руку.

— Надо посоветоваться...

— Теперь поздно.

— Не глупи, Ленка!— Горяинова подтянула ее к себе.— Что-то ведь говорить придется...

Обе вышли из комнаты.

«Сколько их всего было в поезде «Здоровье»?— подумал Денисов.

— Моя соседка...— Он нагнулся к Алексею.

— Ленка?

— Да, кто она?

— В восьмом жэке работает.

— Родители есть?

— Ушла от них.

— А где живет?

— Здесь рядом. На служебной площадке...

— А второй? Юноша?

— С ней?— Алексей поднял на него глаза.— Бабичев Женька.

Настала очередь Денисова удивляться: Бабичев держался подчеркнуто незаметно.

— Хозяин квартиры?!

— Самый авторитетный здесь. Личность! Очень скрытный.

— Р-ребята!— В комнату ввалился сутулый человек в очках, в широкополой шляпе.— За именинника! Женька! Слава!— В одной руке он нес рюмку, в другой бутылку «Айгешат».— За его двадцать с малым...

— Верховский Володя,— шепнул Денисову Алексей.

Верховский наполнил рюмку. Вино плескалось, ребята судорожно отодвинулись: джинсы в «опасности».

— Тихо, Володя!

— За именинника!

Рядом с мальчишкой-лобастиком, читавшим книгу, Верховский остановился. Картина была трогательная, ночник освещал несколько строчек, в лучшем случае полстраницы. В стереоколонках гремел Джеймс Ласт, лобастик читал.

Верховский постоял с секунду и нагнул к пацану черную голову:

— Тебе хорошо с нами, Мальчик?..

Продолжение следует.

Музыка Александры ПАХМУТОВОЙ

Стихи Николая ДОБРОПРАВОГО

Новый день берет свое начало
 На бескрайних улицах Москвы.
 Никогда у неба не бывало
 Глаз такой влюбленной синевы!

Мы в труде и мастера и боги,
 Рукотворным верим чудесам.
 Бесконечно дороги дороги,
 Если их прокладывает сам!

Припев:

Светом солнца озарены,
 Светом правды своей сильны.
 Наша Родина — Революция,
 Ей, единственной, мы верны!

Припев.

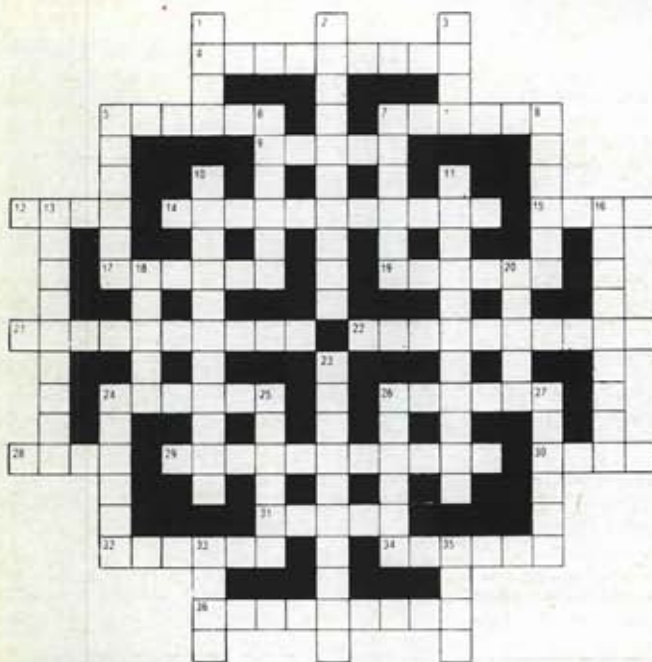
Мы улыбкой честной и открытой
 Освещаем праздничный парад.
 И от счастья светятся орбиты,
 Где друзья Гагарина летят...

Припев.

НОВЫЙ ДЕНЬ

КРОССВОРД

Составил В. ГОНЧАРОВ,
 Братск

По горизонтали:

4. Русский поэт. 5. Домашний голубь. 7. Французская общественная деятельница, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 9. Опера С. В. Рахманинова. 12. Река на Дальнем Востоке. 14. Город-герой. 15. Деление на круге компаса. 17. Деталь транспортных машин. 19. Порт в Австралии. 21. Естествоиспытатель. 22. Площадка, помост, приподнятый над землей, полом. 24. Период, этап в развитии. 26. Советская конькобежка, чемпионка X зимних Олимпийских игр. 28. Южное вечнозеленое дерево, кустарник. 29. Часть дробы. 30. Композитор, автор балета «Жизель». 31. Порт на Багамских островах. 32. Научно-исследовательское океанографическое судно. 34. Правительственное постановление первых лет Советской власти. 36. Польский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

По вертикали:

1. Защитный головной убор, каска. 2. Исправление в оттиске с типографского набора. 3. Электромагнитное излучение. 5. Денежная единица Монгольской Народной Республики. 6. Центр шелководческого района в Японии на острове Хонсю. 7. Войсковое соединение. 8. Химический элемент, металл. 10. Гимнастический снаряд. 11. Юрист, выясняющий обстоятельства, связанные с преступлением. 13. Певца, народная артистка СССР. 16. Один из Малых Антильских островов. 18. Молочный продукт. 20. Народный артист СССР, выступавший на сцене МХАТа. 23. Система физических упражнений. 24. Порт, Герой Социалистического Труда. 25. Хлебный злак. 26. Электронная лампа. 27. Минерал, сырье для изготовления фосфатных удобрений. 33. Небольшая шляпка. 35. Река на Крымском полуострове.

ОТВЕТЫ
 НА КРОССВОРД,
 НАПЕЧАТАННЫЙ
 В № 8

По горизонтали:

5. «Дорожная». 7. Горбатко. 10. Кутум. 11. Гагра. 12. Осьмина. 13. «Листок». 15. Тарань. 17. Шрифт. 19. Абакан. 20. Скутер. 24. Аорта. 25. Диктор. 28. Гранка. 30. Ахагар. 31. Тальк. 32. «Идиот». 33. Арбитр. 34. «Крокодил».

По вертикали:

1. «Москвичи». 2. Снимок. 3. Фрегат. 4. Украинка. 6. Октет. 8. Ангар. 9. Симеиз. 14. Отранто. 16. Альтаир. 17. Шкала. 18. Тыква. 21. Аристарх. 22. Арагац. 23. Ракитник. 26. Талги. 27. Ракурс. 28. Грибов. 29. Авизо.

НЕПОВТОРИМЫЙ УЗОР

Живет в деревне золотых рук мастер. Он и окна обедает ажурным узором, и ложки распишет всем на удивление, и детям чудо-коней из глины вылепит, и блоху подкует, как легендарный Левша. За долгую свою жизнь выучит он себе преемников. Глядишь, ранней весной на ярмарке расцветаются прилавки пестрыми радостными узорами: полдеревни съехалось похвалиться своими поделками. И летит уже молва: «Вон жостовские бабы стоят. Красивый товар привезли...» Так рождался промысел, так росла его слава.

Но в конце прошлого века многие промыслы стали исчезать. Взамен традиционных народных изделий в деревню проникли дешевые прозаические городские товары, в которых не было и следа выработанных веками художественных принципов. Мещанские гипсовые фигурки вытеснили дымковских ярких водоносок, лихих гусаров и нянек. Исчезла колоритная

роспись лакированных подносов из подмосковного села Жостово, переживали кризис мастера палехской миниатюры, теряло национальный стиль вологодское кружевоплетение.

И только в годы Советской власти был создан единый центр, руководивший деятельностью промыслов. Промадную роль в возрождении ремесел сыграл восстановленный Кустарный музей в Москве. Но возникли новые проблемы: кому передать мастерство, как сохранить традиции, где найти «золотую середину» соединения народных истоков и революционной символики? Нужно было воспитать новое поколение мастеров...

Посмотрите на скатерть «Сказка о золотом петушке». Сложный и затейливый узор вологодского кружева, классические для русского народного орнамента мотивы. Уже в XVIII веке кружево было главным украшением в русском костюме и домашнем убранстве.

**В. ХОДОВ.
ШКАТУЛКА
«КРАСНЫЕ КОСЫНКИ».**

**М. ДВОРНИКОВ.
«ЛЕСНОЙ КОНЦЕРТ».**

тулке «Горностай и птицы». Татьяна Баранова и Геннадий Осипов не порвали нити, связывающие их с ложкарным кооперативом в Семенове, продолжавшим старинные традиции холмогорской росписи по дереву, и с холмогорской школой резьбы по кости, возобновившей после революции это традиционное ремесло русского Севера.

Участники выставки молоды. Но в их руках необычайно трудное и тонкое дело: открыть и сберечь для себя, для нас традиции народных умельцев, постигнув секреты их мастерства, придать каждому произведению свой, неповторимый узор. Гжель, Палех, Жостово, Вологда, Дымково, Федоскино, Холмогоры, Богородское должны остаться для нас центрами свободной и смелой народной фантазии, пылливости, гордости и веры человека в самого себя.

Ольга САСОРОВА

Фото Александра КОСТЕНКО

**Л. ГОГИНА.
ПОДНОС «ОСЕНЬ».**

**Г. ОСИПОВ.
ШКАТУЛКА И ЛАРЕЦ.**

**Т. БАРАНОВА.
КОВШ.**

**А. ТРЕФИЛОВА.
БАРЫНЯ С ИГРУШКАМИ.**

В шкатулке «Красные косынки» революционный пафос палехской живописи: возвышенная и романтическая приподнятость, четкость композиции, эпическая сила образов.

Работы Галины Мамровской и Валентина Ходова были представлены на московской выставке произведений одиннадцати молодых художников — лауреатов премии Ленинского комсомола 1978 года, мастеров народных художественных промыслов России.

Обращение к русской классике и фольклору — интересное и плодотворное направление народного искусства. Но это не прямое подражание, заимствование традиционных сюжетов, тем и красок. Это соединение народных мотивов с сегодняшним дыханием современности. Неожиданны композиция Михаила Дворникова «Олимпиада-80» и «БАМ» в сочетании с давно знакомой нам темой богородской игрушки «Лесной концерт».

Ковш с причудливой головой петуха и наборы для мороженого и варенья. Необыкновенно тонкий узор на шка-

